Б. А. ЧАГИН

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКАЯ КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Б. А. ЧАГИН

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград
1970

В предлагаемой монографии дается анализ теоретической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса в области научного социализма; раскрываются основные проблемы теории и показывается творческий характер их развития на основе обобщения исторического опыта международного рабочего движения. Теория научного социализма складывалась и развивалась в процессе наступления на позиции буржуазных противников и их друзей из мелкобуржуазного лагеря.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей и теорией научного социализма.

1-1-3
116—69 (II)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа представляет собой очерк, в котором автор раскрывает основные этапы развития коммунистических идей Маркса и Энгельса. В отличие от многих опубликованных работ, автор ставит перед собой задачу показать развитие теории научного социализма в проблемно-историческом плане.

Литература по истории марксизма весьма велика, особенно по отдельным периодам и проблемам. Однако литература, освещающая историю создания теории научного коммунизма как одной из составных частей марксизма, имеет значительные пробелы. Пока нет обобщающих монографий, в которых был бы дан специальный анализ этой истории. Исключительное значение для разработки этих проблем имеет научная биография К. Маркса, написанная авторским коллективом ИМЭЛ под руководством П. Н. Федосеева, а также вышедшая в свет в ГДР книга «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», составленная авторским коллективом Института марксизма-ленинизма под руководством Вальтера Ульбрихта.

Настоящая работа, опираясь на достигнутые успехи в разработке истории марксизма, не претендует на полноту изложения исторических фактов. Она не является специально историческим исследованием. Автор знакомит читателя с теоретическим содержанием основных проблем научного коммунизма в его историческом развитии. Вопросы философии и политической экономии при этом затрагиваются в книге лишь в связи с теоретическим обоснованием научного коммунизма.

Опубликованная автором в 1964 г. небольшая монография «Развитие Марксом и Энгельсом теории научного социализма после Парижской Коммуны» вызвала многочисленные отклики и различные оценки.[1] Содержание ее в переработанном виде на основе рекомендаций рецензий вошло в книгу настоящего издания.

Автор приносит благодарность коллективу кафедры теории научного коммунизма Ленинградского государственного университета в лице А. К. Белых за просмотр рукописи, а также члену-корр. АН СССР Т. И. Ойзерману и старшим научным сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Б. Г. Тартаковскому и В. Г. Мосолову за их указания и замечания в рецензии на рукопись книги.

---

[1] См. рецензии К. Л. Селезнева (Вопросы философии, 1966, № 5), Я. Р. Волина (Вопросы истории КПСС, 1966, № 6), Джуро Милонича (Философска мисъл, 1966, № 4) и обзор материалов, поступивших в редакцию от читателей (Философские науки, 1967, № 3).

ВВЕДЕНИЕ

В течение многих веков прогрессивные идеологи человечества мучительно и тщетно бились над разрешением вопроса об уничтожении социального неравенства. Каждый крупный этап всемирной истории был сопряжен с попыткой открыть в лабиринте общественных явлений и событий законы социального развития.

Поэтому все исторические эпохи оставили после себя какие-то учения, следы теоретических исканий в области социальной мысли. Маркс не без основания сравнивал историю с палеонтологией. Утопические учения о «золотом веке», о социальном и материальном равенстве относятся еще к глубокой древности.

Незрелость человеческой мысли в решении вопросов социального развития явилась, несомненно, результатом незрелости общественно-исторических отношений. Человеческий разум был ограничен в своих теоретических исканиях степенью общественно-исторического развития, подобно тому как течение реки ограничено ее берегами. Но утописты-социалисты «смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно опережали это развитие».[1]

Возникшие в конце XVIII и в начале XIX в. учения великих утопистов-социалистов значительно раздвинули границы прежних утопических представлений. Существующий буржуазный строй был провозглашен временным и преходящим на пути исторического движения человече-

[1] В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 240.

чества. В этих учениях зрело прогрессивное социальное семя. Были высказаны весьма важные положения о роли промышленности, политических учреждений в обществе, о будущем устройстве и управлении общественными отношениями и т. д. Утопический социализм являлся исторически необходимой ступенью к открытию научной теории социализма.

Однако никто из представителей «критически-утопического социализма» не мог открыть действительные законы социального развития, хотя и были высказаны глубокие предположения о будущем общественном строе и дана исключительно смелая и беспощадная критика капиталистического общества.

Признавая наличие классовой борьбы, утописты отказывались опереться на нее для осуществления своих реформаторских планов. Путь преобразования современного общества представлялся им преимущественно как путь мирной эволюции. «Незрелому состоянию капиталистического производства, — замечал Энгельс, — незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы».[2]

Учения Сен-Симона, Фурье и Оуэна в силу утопичности своего содержания не могли быть связаны с движением народных масс, с нуждами и стремлениями революционного класса — пролетариата. Этим учениям не дано было открыть законы социального развития человечества. Плеханов справедливо отмечал, что утописты-социалисты, отдавая себе отчет в значении классовой борьбы в прошлом, отказывались приурочить к ней свои реформаторские планы. Утопический социализм, отмечал Ленин, «не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу,* которая способна стать творцом нового общества».[3] Только Маркс и Энгельс создали подлинную науку об обществе — научный социализм. Они придали разумную ясность стихийной и слепой борьбе угнетенных классов, вскрыв законы общественного исто-

---

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 269.

[3] В. И. Ленин. Три источника и три составные части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 46.

рического развития и научно обосновав борьбу пролетариата за коммунизм. Новая социальная теория объявила беспощадную войну эксплуататорскому миру — буржуазному обществу — и провозгласила борьбу за коммунизм, основываясь на действительных законах общества. Маркс и Энгельс были первыми мыслителями, которые обратились со своим учением к пролетариям всего мира. «Коммунизм, — писал Энгельс, — есть учение об условиях освобождения пролетариата».[4]

Возникновение марксизма означало коренной переворот в области представлений о социализме. Маркс и Энгельс совершили научную революцию во всей сфере социальных взглядов. Революция в области философии и политической экономии, совершенная Марксом и Энгельсом, была теснейшим образом связана с новой теорией социализма. Был совершен всемирно-исторический поворот от утопии к науке. Обобщение исторического опыта международного рабочего движения, правильное отражение действительного развития социально-экономических событий в капиталистическом обществе привели Маркса к созданию научного социализма.

Научный социализм представляет собой составную часть марксизма. Он находится во внутренней и органической связи с философией диалектического и исторического материализма и политической экономией. Диалектический и исторический материализм составляет его философскую основу, а политическая экономия — его экономическую основу.

Теория научного коммунизма исследует исторические условия и закономерности ниспровержения буржуазного общества и создания коммунистического общества. Она выясняет роль пролетариата и трудящихся масс, руководимых марксистской партией, как в процессе борьбы за уничтожение капитализма, так и в процессе строительства новой, коммунистической общественно-экономической формации. Ленин указывал, что главное в учении Маркса — «это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества».[5]

---

[4] Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 322.

[5] В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.

Научный коммунизм анализирует как объективную, так и субъективную сторону исторического процесса. Выступая против Гейнцена, Энгельс писал: «Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата».[6] Научный коммунизм включает в свое содержание теорию и основные принципы стратегии и тактики пролетариата и его революционной партии.

Таким образом, научный коммунизм — это наука о законах, путях и способах борьбы за победу социалистической революции и построение коммунистической общественно-экономической формации. Маркс и Энгельс создали науку[7] о закономерностях подготовки, становления и развития коммунизма и о революционной роли рабочего класса в преобразовании современного общества.

По вопросу о предмете и содержании теории научного социализма в нашей литературе имеются различные представления. В последнее время на страницах журналов, а также на специальных совещаниях широко развернулись дискуссии. Весьма плодотворной была дискуссия, прошедшая по проблемам научного коммунизма в журнале «Вопросы философии» в 1965 г.

Научный коммунизм как отрасль научного познания и предмет преподавания в нашей стране относится еще ко времени 20-х годов. В 30-х годах в сущности он преподавался и изучался в качестве научной дисциплины под названием «ленинизм». В философских и иных журналах того времени весьма плодотворно рассматривались многие проблемы научного коммунизма. В конце 30-х годов науч-

---

[6] Ф. Энгельс. Коммунисты и Карл Гейнцен. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 282.

[7] Все попытки современных буржуазных идеологов, направленные к тому, чтобы доказать, что Марксова доктрина социализма — не наука, опровергаются ходом возникновения и развития последней; подтверждает ее правильность и сама жизнь. Альфред Джордж Майер в статье «Функции идеологии в Советской политической системе» (1966) рассматривает научный коммунизм как совокупность политических положений или руководящих «правил», придавая тем самым содержанию научного коммунизма субъективистский характер. Марксизм якобы не наука, а политика и идеология партии. Подобную позицию занимает Дэвид Камю в статье «Марксистско-ленинская идеология и советская политика» (1962), истолковывая названные понятия в субъективистском плане.

ный коммунизм был снят как самостоятельный предмет преподавания, а разработка его проблем так или иначе сузилась.

В настоящее время произошло восстановление научного коммунизма как учебной дисциплины на более высокой теоретической и практической основе. В дискуссиях предстояло разрешить вопрос о предмете и категориях научного коммунизма, а также о соотношении его с философией и политической экономией. «Предметом научного коммунизма, — говорит Ц. А. Степанян, — являются общие социально-политические и идеологические закономерности подготовки, возникновения и развития коммунистической формации и их специфическое проявление в различных странах».[8]

Это заявление встретило весьма веские замечания. А. К. Белых отметил, что «не следует исключать социально-экономические закономерности из научного коммунизма» (коммунистическое производство, распределение, индустриализация).[9] Е. Ф. Сулимов и А. К. Курилев высказались за необходимость в теории научного коммунизма изучать в основном деятельную сторону исторического процесса.[10] Последнее положение сужало предмет научного коммунизма в сущности до пределов изучения стратегии и тактики пролетариата в решении социально-экономических и идеологических вопросов.

По-видимому, правильным будет сказать, что в содержание теории научного коммунизма входит как анализ объективных закономерностей, так и изучение в связи с этим деятельности пролетариата и его партии. Научный коммунизм выступает как наука прогнозирующая. Что касается такой объективной стороны, как экономические закономерности, то нам представляется, что она также учитывается в содержании теории научного социализма, но в той мере, в какой необходимо понять и раскрыть материальный, экономический базис социализма и коммунизма, а также зависимость отдельных социальных, политических и идеологических закономерностей, изучаемых в теории научного коммунизма, от экономического развития общества. Специально экономические проблемы

---

[8] Вопросы философии, 1965, № 5, стр. 143.
[9] Там же, стр. 149.
[10] Там же, стр. 153, 155.

изучаются политической экономией капитализма и социализма.[11]

Весьма сложный вопрос в дискуссиях введен в связи с характеристикой категорий и понятий, с которыми мы имеем дело в теории научного социализма. Трудность решения этого вопроса связана с тем, что весьма многие категории являются общими как для исторического материализма и политической экономии, так и для теории научного коммунизма. Нам представляется, что решение вопроса должно идти в следующих направлениях.

Существуют общие категории марксизма, а наряду с ними специфические для каждой части марксизма понятия. Наиболее общие категории философии, политической экономии и научного коммунизма отражают существенные стороны общественных отношений. Категориями «производительные силы» и «производственные отношения», «классы», «революция» и т. п. пользуются философы, экономисты и исследователи научного коммунизма. Но эти категории в рамках той или иной отрасли исследования имеют свой собственный аспект.

Научный коммунизм, так же как философия и политическая экономия, располагает системой своих специфических категорий. К ним относятся, например, понятия «гегемония пролетариата», «национально-освободительное движение», «стратегия и тактика партии» и пр. Теория научного коммунизма, как и другие части марксизма, обогащается новыми категориями по мере возникновения новых общественных отношений, как например категория «возможности мирного сосуществования между капиталистическими и социалистическими государствами», категория «некапиталистический путь развития отсталых стран» и пр.

Теория научного коммунизма имеет свои идейные источники и свою историю. Свыше 120 лет тому назад впервые Марксом и Энгельсом социализм из утопии был превращен в науку, органически вошел в жизнь пролетариата и стал основой деятельности революционно-пролетарских организаций и партий. Исследование истории развития научного коммунизма является особым пред-

---

[11] См.: Г. Н. Волков. Научный коммунизм и политическая экономия. В сб.: Проблемы научного коммунизма, изд. «Мысль», М., 1966.

метом, подобно тому как марксистская философия и политическая экономия имеют свою историю возникновения и развития. К сожалению, до сих пор этому вопросу уделялось мало внимания. Между тем, теория научного коммунизма без своей истории не может развиваться столь интенсивно, как требуют исторические обстоятельства нашей жизни. Теория научного социализма является результатом критической переработки и дальнейшего развития предшествующей общественной мысли, в особенности французского утопического социализма.

В свое время на необходимость исторического исследования прошлых и современных воззрений на социализм обращал внимание Энгельс. Известно, что он не только написал произведение «Развитие социализма от утопии к науке», но также одобрял идею создания работы о предшественниках современного социализма. Значительное внимание этому вопросу уделил Г. В. Плеханов. Ему принадлежит заслуга анализа теоретических источников современного научного социализма, а также исторические исследования взглядов Маркса и Энгельса в данной области. В. И. Ленин не раз отмечал необходимость анализа истории научного социализма. В ряде своих работ он проанализировал наиболее важные этапы в развитии теории Маркса и Энгельса.

Исследование истории научного коммунизма предполагает как исторический, так и логический анализ теоретических вопросов. Здесь нельзя ограничиваться последовательным изложением исторических фактов. Проблема исторического и логического касается не только истории философии и истории политической экономии, но и теории научного коммунизма. Здесь необходимы такие исследования, которые бы анализировали возникавшие в ходе развития научного коммунизма теоретические проблемы.

В настоящей работе мы пытаемся дать общую картину истории научного социализма Маркса и Энгельса, но не как простое изложение их взглядов в этой области, а как анализ их теоретических воззрений. Исследование теоретических проблем в истории научного коммунизма должно занять свое надлежащее место. История развития теории научного социализма непременно предполагает свой логический анализ проблем.

Теория научного социализма складывалась в процессе глубоких обобщений экономических и социально-политических факторов действительности. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что Маркс и Энгельс придавали большое значение изучению и разработке конкретных фактов современной жизни. Работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», произведение Маркса «Капитал», анализ Энгельсом закономерностей развития крестьянского хозяйства и т. д. свидетельствуют о том, что теория научного социализма опиралась у ее создателей на статистику и обширные социальные исследования.

Маркса крайне заинтересовало предложение издателя журнала «Revue socialiste» Б. Малона в 1880 г. составить анкету для рабочих с целью выявить действительное положение французского рабочего класса. Маркс в апреле 1880 г. составил анкету из 99 вопросов. Анкета была помещена в «Revue socialiste» без подписи, а также издана отдельным оттиском, экземпляры которого разошлись по всей стране.

От редакции во введении указывалось:

«Мы надеемся найти в нашем деле поддержку со стороны всех городских и сельских рабочих, которые понимают, что одни лишь они могут с полным знанием дела описать те бедствия, которые они терпят; что одни лишь они, а не посланные провидением спасители могут энергично применить целительные средства в борьбе против социальных зол, от которых они страдают; мы рассчитываем также на социалистов всех школ, которые, желая социальной реформы, должны желать *точного* и *определенного* знания тех условий, при которых работает и приходит в движение рабочий класс, — класс, которому принадлежит будущее.

«Эти *наказы труда* являются первым делом, которое должна выполнить социалистическая демократия для того, чтобы подготовить социальное обновление.

«Нижеприводимые сто вопросов являются наиболее важными. — В ответах должен быть указан порядковый номер соответствующего вопроса. — Не обязательно отвечать на все вопросы, но мы советуем давать ответы возможно более содержательные и подробные... Вопросы будут классифицированы и дадут материал для специальных монографий, которые будут печататься в „Revue

socialiste“, а затем будут изданы отдельным томом».[12]

По-видимому, Маркс рассчитывал получить конкретный материал социальных исследований на основе разработанной им анкеты. Вопросы были разделены на четыре раздела. В первом разделе было поставлено 29 вопросов по поводу условий труда рабочих. Во втором разделе дано 16 вопросов, относящихся к продолжительности рабочего дня для взрослых, детей и подростков, а также к перерывам для принятия пищи и к затрате рабочими времени, чтобы добраться из дому к месту работы и обратно домой после работы. Третий раздел анкеты включает 36 вопросов, связанных с заработной платой и ее формами, а также с расходами рабочего на жилье, питание, одежду, налоги и т. д. В 25-м пункте формулируется вопрос о бюджете, еженедельном и годовом (доходы и расходы семьи). И, наконец, в четвертом разделе было поставлено 18 вопросов, относящихся к стачечной борьбе рабочих. В 17-м пункте Маркс стремится выяснить вопрос о соучастии рабочих в прибылях и о том, как это участие отражается на доходах рабочих и на возможности участия их в стачках. «Разрешается ли им участвовать в стачках и т. п. или им разрешается только быть покорными слугами своих хозяев?». В 18-м пункте анкеты ставится вопрос: «Каково общее физическое, интеллектуальное и моральное состояние рабочих — мужчин и женщин — в вашей отрасли производства?».[13]

«Анкета для рабочих» ярко свидетельствует о том, какое значение Маркс придавал социальным исследованиям для построения и развития теории научного социализма.

Нам представляется, что социологические и социальные исследования, опирающиеся на методологию исторического материализма, непосредственно связаны с содержанием теории научного социализма.

Мы не можем не привести еще один весьма интересный пример. В «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», составленной Марксом, во втором пункте (с) значилось:

---

[12] См. примечания в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 573.

[13] К. Маркс. Анкета для рабочих. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 233—240.

«Великим примером „интернационального объединения действий“» явится *статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, осуществляемое самим рабочим классом*. Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать. Приступив к такому большому труду, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки. Поэтому предлагаем:

«В каждой местности, где существуют отделения нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать фактические данные по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования».[14]

В схеме обследования было намечено 11 вопросов, относящихся к сфере заработной платы, продолжительности рабочего дня, влияния работы на физическое и моральное состояние и проч.

Предложение Маркса было принято первым конгрессом Интернационала в Женеве 3—8 сентября 1866 г.

В настоящее время ведутся споры по вопросу о том, к какой области социальных знаний следует отнести конкретные социологические и социальные исследования, проводимые социологами, экономистами, юристами, этнографами и другими специалистами в области современных социалистических отношений. Само собой разумеется, что они не могут быть объединены под общей крышей одной из общественных наук. Эти исследования имеют свою специфику, вытекают из объективных основ той или иной определенной социальной науки. Но они исходят из общей методологии марксистской социологии. В области техники исследования они опираются как на общую, так и особенную методику своего проведения. В целом же вся область социологических и социальных исследований, если вдуматься в конечные цели их, примыкает к теории научного коммунизма и обслуживает ее.

Социологические и социальные исследования образуют одно из весьма важных средств, раскрывающих социальную практику пролетариата. Под последней мы понимаем совокупность революционных действий пролетариата и его партии в различных формах, приводящих к низверже-

---

[14] К. Маркс. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 195.

нию капитализма и к завоеванию политической власти, а также деятельность рабочего класса после завоевания власти, направленную на построение социализма и коммунизма под руководством коммунистической партии.

Теория научного коммунизма складывалась и развивалась в теснейшей связи с практикой революционного движения пролетариата и в ожесточенной борьбе с ее злейшими противниками. Многие произведения Маркса и Энгельса, в которых рассмотрены коренные проблемы научного социализма, были созданы ими в процессе наступления на позиции буржуазных противников и их друзей из мелкобуржуазного лагеря.

Маркс и Энгельс были одновременно величайшими мыслителями, глубокими учеными и социалистическими борцами, непосредственными участниками международного рабочего движения.

«Маркс, — замечает П. Лафарг в своих воспоминаниях, — держался взгляда, что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может привести, и в то же время считал, что ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников».

«„Наука совсем не эгоистическое удовольствие, — говорил Маркс, — и те счастливцы, которые могут посвятить себя научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству“. „Работать для человечества“ было одним из его любимых выражений».[15]

Марксизм зародился в эпоху бурных общественных и революционных потрясений в Европе. Революция 1830 г. во Франции, Лионские восстания пролетариев в 1831 и 1834 гг., чартистское движение в Англии, начало революционного брожения в Германии, предвестником которого являлось силезское выступление ткачей, — таков общий фон революционного движения накануне революции 1848 г.

40-е годы XIX в., когда начала складываться теория научного социализма, были эпохой буржуазно-демократи-

---

[15] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. ГИПЛ, М., 1956, стр. 62.

ческих революций, которые, однако, являлись несомненно предвестником самостоятельного социально-политического выступления революционного рабочего класса на историческую арену. Именно это последнее обстоятельство и является решающим в объяснении, почему в 40-е годы складывается марксизм, возникает теория научного социализма.

Маркс и Энгельс жили и действовали в период буржуазно-демократических революций, когда происходила подготовка пролетариата к будущим самостоятельным битвам против буржуазии и ее союзников. Это было время обучения рабочего класса самостоятельному ведению классовых боев в преддверии социалистического переворота. Событием, непосредственно указывавшим на такой переворот, была Парижская Коммуна. Еще в 1856 г. Маркс говорил: «Так называемые революции 1848 года были лишь мелкими эпизодами, незначительными трещинами и щелями в твердой коре европейского общества. Но они вскрыли под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, они обнаружили колышущийся океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на куски целые материки из твердых скал. Шумно и сбивчиво провозгласили они освобождение пролетариата — тайну XIX века и тайну революции этого века».[16]

Теория научного социализма Маркса и Энгельса в соответствии с развитием социально-экономических и политических отношений, а также в связи с развитием рабочего движения в современном обществе имеет свою историю. Необходимо прежде всего выделить период формирования марксизма. Затем следуют два этапа его развития и совершенствования. Два этапа, внутренне связанных друг с другом, характеризуют содержание этой истории: первый — со времени кануна революции 1848 г. до Парижской Коммуны, второй — от Парижской Коммуны до смерти Энгельса. В пределах каждого исторического этапа происходило обогащение теории научного социализма новыми идеями. Переход ко второму историческому этапу, связанный с опытом Парижской Коммуны и последующим развитием мирового рабочего движения,

---

[16] К. Маркс. Речь на юбилее «The People's Paper», произнесенная в Лондоне 14 апреля 1856 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 3.

означал дальнейшее творческое развитие теории научного социализма, разработку весьма важных его сторон.

Второй этап развития международного рабочего движения характеризуется дальнейшей разработкой марксистской теории. Непреложным законом развития марксизма является движение вперед. Еще Г. В. Плеханов справедливо писал: «Научный социализм есть теория, и эта теория должна быть постоянно разрабатываема, должна быть подвигаема вперед, если мы не хотим, чтобы она пошла назад».[17]

Учению Маркса и Энгельса даже в малейшей степени чужд застой и догматизм. «Наша теория, — писал Энгельс в 1887 г., — это теория развития, а не догма, которую надо выучить наизусть и механически повторять».[18]

Маркс и Энгельс творчески развивали теорию научного коммунизма в связи с изменившимися условиями классовой борьбы пролетариата, особенно после поражения Парижской Коммуны, на основе обобщения ее опыта и в процессе борьбы с анархизмом и возникшим внутри социалистических партий оппортунизмом в его различных формах. Произведения Маркса и Энгельса являются классическим образцом острой революционной борьбы против буржуазных и мелкобуржуазных противников научного коммунизма. «Отсюда, — писал Г. В. Плеханов, — полемический характер многих из их произведений; отсюда же и та ненависть, с которою по временам обрушивались на них революционеры. Известный демократ 40-х годов Гейнцен утверждал, что Маркс только и делает, что борется с революционерами всех возможных толков и направлений. В 50-х годах Виллих и Шаппер нападали на Маркса и Энгельса как на узких доктринеров, мешающих своей проповедью успехам революции. Наконец, в эпоху Интернационала та же ненависть выразилась в деятельности Бакунина и его последователей. Иногда революционные староверы, по-видимому, совсем брали верх над ненавистными им новаторами. Временами дело доходило до того, что у Маркса и Энгельса бывало немного более десяти последователей. Но родоначальников научного

---

[17] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, Соцэкгиз, М., 1936, стр. 89.

[18] Ф. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 504.

социализма нельзя было испугать ни ненавистью, ни неудачами. Смелые и упорные, откровенные и резкие, глубокие мыслители и непобедимые полемисты, они делали свое дело, не отступая ни на шаг, не щадя ни одного предрассудка революционеров».[19]

Каждый из указанных этапов развития теории научного социализма в свою очередь распадается на отдельные периоды, которые определяются целым рядом объективных обстоятельств, а также деятельностью организаций рабочего класса в их борьбе против буржуазии. На первом историческом этапе следует выделить прежде всего период революций 1848 г.,[20] затем период собирания сил пролетариата после поражения этих революций и, наконец, период интернационального объединения рабочего класса в преддверии революции 1871 г. Это было связано с деятельностью I Интернационала, идейно подготовившего рабочий класс к попытке создать первое пролетарское государство.

Второй исторический этап начинается рабочей революцией во Франции 1871 г., которая, несмотря на ее поражение, явилась всемирно-историческим событием, поднявшим международное рабочее движение на более высокую ступень политической зрелости. Учение Маркса постепенно становится преобладающим течением в рабочем движении, создаются классовые национальные партии рабочего класса, идеи марксизма распространяются вширь.

Само собой разумеется, каждому историческому периоду присущи свои особенности, зависящие от специфики развития рабочего движения в той или иной стране, которые также безусловно учитывались основоположниками марксизма при разработке теории научного коммунизма.

---

[19] Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, М., 1923, стр. 95—96.

[20] В «Истории немецкого рабочего движения» указывается: «Учение, которое К. Маркс и Ф. Энгельс вывели из революции 1848/1849 гг. и ее событий, имело для дальнейшего развития научного коммунизма основополагающее значение» (Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, Berlin, 1966, S. 173).

Раздел I

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Глава первая

Возникновение теории научного социализма

Глава вторая

«Капитал» и его значение в обосновании теории научного коммунизма

Глава третья

Социальная структура капиталистического общества и историческая миссия пролетариата

Глава четвертая

Учение Маркса и Энгельса о классовой борьбе и революции. Проблема объективных условий и субъективного фактора

Глава пятая

Маркс и Энгельс о диктатуре пролетариата

Глава шестая

Проблема партии и международной революционной организации пролетариата

Глава седьмая

Аграрно-крестьянский вопрос

Глава восьмая

Марксизм и национальный вопрос

Глава первая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЕОРИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Теория социализма получила в работах Маркса и Энгельса философское, социологическое и экономическое обоснование. Именно это обстоятельство и сделало социализм научным, превратило его из утопии в науку. Научный социализм, философия диалектического материализма и экономическое учение Маркса неразрывно связаны между собой, взаимодействуют и обусловливают друг друга.

Однако нужно иметь в виду и то важнейшее обстоятельство, без которого не мог бы возникнуть научный социализм, — это обобщение Марксом и Энгельсом опыта социальной и политической борьбы в обществе и личное участие их в этой борьбе. Маркс и Энгельс находились всегда в гуще политических и социальных событий, были революционерами не только в теории, но и на практике.

Будучи еще революционными демократами, Маркс и Энгельс обнаруживают прямой интерес к социально-политическим проблемам. В их ранних работах видны зародыши будущего широкого взгляда на социально-политические и экономические отношения людей. Философская эволюция Маркса и Энгельса от идеализма к материализму исторически необходимо сопровождалась переходом от революционно-демократических позиций к коммунистическим. Без последнего невозможна была бы дальнейшая разработка диалектического и исторического материализма, — как, впрочем, сам переход от революционного демократизма к научному коммунизму необходимо предполагает революцию в области философии —

создание диалектического и исторического материализма,[1] а также новый взгляд на политическую экономию.

Здесь не существовало противопоставления теории практике социальной и политической борьбы. В едином процессе становления Маркса на позиции коммунизма слились две взаимно связанные стороны жизни — результаты наблюдения им господствующих в обществе классовых противоречий, участие его в социально-политической борьбе и одновременно использование им прогрессивных идей в области философии, социологии и политической экономии для формулирования нового, материалистического взгляда на мир.

Воспроизвести процесс формирования концепции научного социализма у Маркса и Энгельса более трудно, чем процесс формирования марксистской философии или экономического учения марксизма. Дело в том, что мы не располагаем некоторыми материалами Маркса, связанными с проблемами социализма. Нехватает многих фактических звеньев, относящихся к первой половине 40-х годов. Однако имеющийся конкретный материал дает возможность воспроизвести основное, главное содержание этого процесса. В своих ранних работах, а именно в статьях, печатавшихся в «Рейнской газете», Маркс, будучи революционным демократом, анализирует такие вопросы, как собственность в ее различных формах, сословия и их отношения, государство, право и пр. Статья молодого Маркса «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (1942) [2] — первая статья, в которой он обратился к критике социально-политической деятельности с позиции революционного демократизма. Он разоблачает сущность абсолютистко-феодального полицейского государства и его институтов со своей философской позиции — младогегельянского идеализма. Абсолютистскому государству он противопоставил «нравственное государство», в котором находит свое выражение разум народа. «Вместе со старшими младогегельянцами, — замечает М. В. Серебряков, — Маркс верил в „государство разума" и еще в июле 1842 г. считал его великим орга-

---

[1] См.: Т. И. Ойзерман. Формирование философии марксизма. М., 1962.

[2] Статья не была напечатана. Она была опубликована позже, в феврале 1843 г., в Швейцарии.

низмом, в котором должна осуществляться правовая, нравственная и политическая свобода. Лишь окончательное преодоление гегелевской философии могло освободить Маркса из плена прежнего мировоззрения. Это освобождение происходило постепенно и с такими же трудностями, как, по выражению самого Маркса, для гегелевского понятия переход от необходимости к свободе, для омара — сбрасывание своей скорлупы или для Св. Иеронима — совлечение с себя ветхого Адама».[3]

Политика помогла Марксу в преодолении его идеалистических воззрений. Деятельность в качестве редактора газеты наталкивала Маркса на изучение социальных и экономических проблем. В статьях «Дебаты о свободе печати», «Дебаты по поводу закона о краже дров» и пр., будучи еще идеалистом в области мировоззрения, Маркс все больше и больше высказывал реалистических мыслей по вопросу об отношениях классов, действий и политики современного государства, социальной несправедливости и т. д. «Нигде, — писал он, например, — *специфически-сословный* дух не выразился яснее, определеннее и полнее, чем в дебатах о печати. В особенности это верно по отношению к *оппозиции против свободы печати,* подобно тому как вообще в оппозиции против *общей свободы* проявляется наиболее резко и беспощадно, как бы показывая свои зубы, дух известного круга, индивидуальный интерес определенного сословия, естественная односторонность характера».[4] Феодальное государство, его институты и законы Маркс подвергает критике за то, что они противоречат своей же сущности (как он ее понимает), опускаясь до отстаивания интересов отдельных сословий. В лице государства и его законов он усматривал воплощение разума, совпадение деятельности общественного института с интересами народа.

Маркс, однако, скоро обнаруживает противоречия в своем мировоззрении. В статье о дебатах рейнского ландтага по поводу закона о краже дров он вынужден был опуститься с высот гегелевского идеализма на «грешную землю».

---

[3] М. В. Серебряков. Ф. Энгельс в молодости. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 191.

[4] К. Маркс. Дебаты о свободе печати. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 36.

Маркс считал, что государство выражает свободу народного разума, что оно должно быть демократическим, должны существовать всеобщие демократические свободы. Действительность же и практика все более убеждали его в том, что государство — классовая организация и что она обслуживает экономические интересы помещиков и буржуазии.

Маркс рассматривал законы как выражение демократической свободы для всех граждан; он требовал широкой демократии. Действительность же классового общества указывала ему, что законы представляют собой выражение интересов господствующих сословий, что они являются орудием последних.

Маркс постепенно приходил к признанию классового характера государства, права и их институтов через разрешение тех противоречий, которые возникли в его революционно-демократическом мировоззрении. Он постепенно обнаруживал противоречие между собственностью и нищетой, между имущими и неимущими, между буржуа и гражданином. Все это заставляло Маркса переосмысливать свою философскую позицию, а в области политики идти влево. Но он еще не создал себе политического идеала. К фразерскому коммунизму Э. Бауэра он относился скептически, критиковал его. В полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» он подчеркивал, что коммунизм нужно считать «важным современным вопросом», одновременно отмечая, что «Рейнская газета» не признает теоретической реальности за коммунистическими идеями в их теперешней форме.

Маркс выступил против крикливого коммунизма Э. Бауэра. Он стремился превратить «Рейнскую газету» в реалистический политический орган, стоящий на почве революционного демократизма. Так называемые «Свободные» — младогегельянцы во главе с Э. Бауэром — «презирали» конкретную действительность. Они поэтому самым отрицательным образом встретили глубокий интерес газеты к экономическим и особенно политическим вопросам, пишет известный исследователь истории марксизма М. В. Серебряков. «„Герои свободы на берегах Шпрее“, как саркастически выразился Маркс, были крайне недовольны его отношением и к правительству и к ним самим, — словом, „новым редакционным принципом“. Упрекая газету в умеренности и приспособленчестве, они же-

лали довести дело „до крайности", т. е. по существу уступить поле сражения полиции и цензуре».[5]

Маркс был противником всей этой шумихи, заигрывания с коммунистическими идеями и атеизмом. Он уже прекрасно понимал, что вопросы свободы и права необходимо связать с конкретной действительностью, с социальной защитой неимущей народной массы, с борьбой против прусской реакции. В письме к Руге Маркс писал, что он, в отличие от корреспондентов из группы «Свободных», требует «совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма».[6] Уже в это время Маркс видел наиболее слабые стороны учений утопического социализма. Его интересуют серьезные социальные проблемы, имеющие непосредственно реалистический, а не утопический характер.

Его революционный демократизм заключался в решительной борьбе против феодально-абсолютистского строя и его учреждений, в стремлении к коренному улучшению основ социально-экономической и политической жизни народа.

В процессе защиты бедноты (мозельских крестьян, ремесленников) Маркс постепенно нащупывает источник противоположностей между богатством и бедностью — частную собственность. Это послужило ему первым толчком для занятий экономическими вопросами, что неизбежно вело к пересмотру своих идеалистических представлений. У Маркса в этот период еще не было ясного представления о коммунизме, но он уже считал, что проблема коммунизма заслуживает серьезного изучения на почве конкретной действительности.

В 1843 г. Маркс усиленно работает над социально-политической историей Англии и Франции. Во время своего пребывания в Крейцнахе он делает многочисленные выписки, составившие пять тетрадей. Таким образом, с одной стороны, сама общественно-политическая жизнь и практика работы в газете, а с другой стороны, занятия в области экономики, социально-политической истории и философии влекли Маркса к новым теоретическим позициям — к материалистическому пониманию истории и

---

[5] М. В. Серебряков. Ф. Энгельс в молодости, стр. 187.

[6] К. Маркс — А. Руге в Дрезден, 30 ноября 1842 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 368—370.

к коммунизму. Эта эволюция происходила весьма быстро. Она сопровождалась изменением общефилософских воззрений, была теснейшим образом связана с формированием новых социально-политических и экономических идей. Это не был «чисто философский», или «чисто экономический», или «чисто социологический» процесс формирования нового мировоззрения. Это был единый процесс, опиравшийся на политическую практику Маркса.[7]

Последовательное развитие Марксом самой теории вело его также к признанию социализма и коммунизма. В очерке о французском материализме в «Святом семействе» Маркс, как известно, отмечал необходимую логическую связь между учением материализма, с одной стороны, и коммунизмом и социализмом, с другой стороны.

Во-вторых, весьма важно заметить, что в период становления научного социализма приобретает прежде всего существенное значение его философское обоснование. В таких важнейших произведениях Маркса и Энгельса, как «Философско-экономические рукописи», «Святое семейство», «Немецкая идеология», на передний план было выдвинуто философское обоснование научного социализма. И одновременно важнейшим фактором перехода к новому мировоззрению стала политическая практика Маркса.

В письмах к Руге, опубликованных в «Deutsch-Französische Jahrbücher», Маркс делает шаг в сторону коммунизма, провозглашая, пока еще в абстрактной форме, лозунг борьбы против старого мира за новый мир. «Наша же задача, — писал он в мае 1843 г. — состоит в том, чтобы разоблачать старый мир и совершать положительную работу для образования нового мира».[8]

В сентябре того же года в письме к Руге Маркс писал, что необходимо связать теоретическую критику с критикой политики и действительной борьбой. При этом он

---

[7] См. книгу «Карл Маркс. Биография» (М., 1968), статью Г. Гумницкого «Роль экономических исследований Маркса в возникновении диалектического материализма» (Труды Омского сельскохоз. инст. им. С. М. Кирова, т. XXXIII), статью Е. П. Канделя «Некоторые проблемы истории формирования марксистской философии» (в сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, М., 1959), книгу Т. И. Ойзермана «Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 г.» (М., 1955).

[8] К. Маркс. Письма из «Deutsch-Französische Jahrbrücher». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 378.

высказал ряд критических замечаний в адрес утопического социализма. В статье «К еврейскому вопросу» (осень 1843 г.) Маркс пока еще в абстрактной форме выдвинул проблему эмансипации человечества, борьбы за коммунизм. Но в статье еще не говорится о классе, который совершит эту эмансипацию. Прежняя общая, абстрактная постановка этого вопроса в области теории и социально-политической практики конкретизируется Марксом во «Введении» к работе «К критике гегелевской философии права» (конец 1843—январь 1844 г.). Здесь он впервые выдвигает вопрос об исторической миссии пролетариата. «Возвещая *разложение существующего миропорядка*, — подчеркивает Маркс, — пролетариат раскрывает лишь *тайну своего собственного бытия*, ибо он и *есть фактическое* разложение этого миропорядка. Требуя *отрицания частной собственности*, пролетариат лишь возводит в *принцип общества* то, чтó общество возвело в *его* принцип, чтó воплощено уже в *нём*, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества».[9]

Это было великое открытие, центральный пункт новой теории — теории научного социализма. Маркс сформулировал впервые в этом произведении идею социалистической миссии пролетариата. Эта идея отобразила объективный исторический процесс социальных отношений в капиталистическом обществе. Маркс открыл социальную закономерность.

Во «Введении» к работе «К критике гегелевской философии права» Маркс не только формулирует вопрос об исторической миссии пролетариата, но и указывает на те условия, при которых он может уничтожить капиталистическое рабство и положить начало новым общественным отношениям. Эта работа Маркса имеет весьма важное значение в его становлении на позиции научного коммунизма. «Первая работа, — писал в январе 1859 г. Маркс, — которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже „Deutsch-Französische Jahrbücher". Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же

---

[9] К. Маркс. К критике гегелевской философии права. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 428.

точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях... и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии».[10]

Этот теоретический вывод Маркса вырос на почве его практической деятельности в «Рейнской газете», а также изучения им политической экономии, социально-политической истории и философии.

Период в деятельности Маркса и Энгельса, связанный с опубликованием «Немецко-французских ежегодников», является, таким образом, решающим в переходе их на позиции пролетарского коммунизма. В этот период Маркс и Энгельс выступили от имени пролетариата и провозгласили коммунизм его историческим делом.

Было бы неправильно думать, что Маркс сделал открытие об исторической роли пролетариата чисто логическим путем. Начиная с 30-х годов XIX в. рабочий класс во Франции и Англии давал непрерывно о себе знать и проявлял себя как новая самостоятельная общественно-политическая сила. Это не могло пройти мимо Маркса, который в это время изучал историю революций и революционного движения пролетариата.

Во Франции Маркс глубоко знакомится с учением утопистов-социалистов и его представителями — Этьеном Кабе, Луи Бланом, Пьером Прудоном и др. Он находится в непрерывной связи с различными рабочими организациями и обществами.

Понятие «социалистическая миссия пролетариата» в последующих работах Маркса и Энгельса непрерывно раскрывалось и обогащалось по мере углубления их в изучение социальных отношений буржуазного общества, а также по мере развития революционных событий 1848 г.

Выделение пролетариата из общей массы обездоленных и угнетенных, раскрытие его специфического положения в обществе и исторических тенденций развития составляют глубочайшую заслугу основоположников научного социализма. Исторически и логически эта категория образует исходный пункт теории научного социа-

---

[10] К. Маркс. К критике политической экономии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

лизма. Была открыта прогрессивная сила в капиталистическом обществе, на долю которой выпала историческая задача революционного преобразования современного общества. Во «Введении» к работе «К критике гегелевской философии права» идея социалистической миссии пролетариата была сформулирована еще абстрактно. В последующих работах, например в «Святом семействе», эта категория научного социализма постепенно наполняется конкретным содержанием.

Следующий шаг в разработке теории научного социализма был сделан Марксом в статье, опубликованной в 1844 г. В ней Маркс писал, что «*социализм* не может быть осуществлен без *революции*. Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в *уничтожении* и *разрушении* старого».[11]

О социалистической революции Маркс говорил как о революции социальной, разрушающей старое общество, и вместе с тем как о революции политической, означающей ниспровержение существующей власти. Этим он ставил вопрос об уничтожении капиталистического общества и создании на смену ему нового общества, социалистического.

Маркс устанавливает, пока еще в общей форме, понятие социалистической революции как революции социальной и политической, совершаемой пролетариатом. В задачу ее входило коренное изменение социальных и политических отношений. Категория социалистической революции в дальнейшем конкретизируется в других произведениях основоположников научного коммунизма.

Большое значение в дальнейшем формировании нового взгляда на общество имеют «Экономическо-философские рукописи» Маркса (1844 г.), в которых формулируются весьма важные новые идеи. Однако на них еще лежит печать не преодоленных окончательно влияний антропологического гуманизма Фейербаха, взглядов Гегеля.

Эта работа носит переходный характер. Из проблем ее, имеющих непосредственное отношение к теории научного социализма, следует отметить критику частной собственности как социально-экономической основы

---

[11] К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 448.

эксплуататорского общества, антагонистический характер противоречий между пролетариатом и буржуазией, упразднение частной собственности и капитализма, коммунизм и гуманизм и др. Одно из центральных мест в ней занимает анализ категории отчуждения. Маркс, преодолевая идеалистические взгляды Гегеля и антропологические воззрения Фейербаха по вопросу об отчуждении, развивает свой новый взгляд. У него категория отчуждения становится средством критики существующих общественных отношений, порожденных миром частной собственности. Он критикует буржуазное общество и его основы, используя категорию отчуждения, которая дает ему возможность некоторым образом проникнуть в механизм капиталистического общества. Она имеет методологический характер.

Маркс показывает, что в основе отчуждения человека в современном обществе лежит его экономическое отчуждение, вызванное возникновением частной собственности. Категория отчужденного труда отражает экономические отношения, основанные на частной собственности, и тем самым показывает возможность ликвидации экономического отчуждения путем превращения частной собственности в общественную собственность.

Отчуждение в области экономических отношений составляет основу отчуждения в других областях общественных связей людей. «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д., — указывает Маркс, — суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию».[12]

В этом отрывке обращает на себя внимание положение Маркса о том, что с падением отчуждения в области экономических отношений путем ликвидации частной собственности исчезает всякое отчуждение. Маркс стремится обосновать с помощью категории отчуждения необходи-

---

[12] К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., ГИПЛ, 1956, стр. 589.

мость уничтожения общественных отношений, основанных на частной собственности. В этом суть всего его анализа в «Экономическо-философских рукописях». Однако на понятие отчуждения в этом раннем произведении оказал еще известное влияние фейербаховский антропологизм, хотя для Маркса категория отчуждения выступает как историческая категория, отражающая положение человека в антагонистическом обществе и объясняющая существующую в нем эксплуатацию.

Маркс в «Экономическо-философских рукописях» вскрывает движение антагонистических противоречий в капиталистическом обществе между подневольным, отчужденным трудом и капиталом. Понятие отчуждения у Маркса выражает антагонизм, существующий между буржуазией и рабочим классом и означающий господство и подчинение. В капиталистическом обществе рабочий «относится к продукту своего труда, к своему опредмеченному труду, как... к предмету *чуждому*, враждебному, могущественному, от него не зависящему... он относится к нему так, что хозяином этого предмета является другой, чуждый ему, враждебный, могущественный, от него независящий человек. Если он относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению и игу».[13]

Труд из творческой деятельности человека при капитализме становится трудом вынужденным, подневольным. «Конечно, труд производит чудесные вещи для богачей, но он же производит обнищание рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но также и уродует рабочего. Он заменяет ручной труд машиной, но при этом отбрасывается часть рабочих назад, к варварскому труду, а другую часть рабочих превращает в машину. Он производит ум, но также и слабоумие, кретинизм как удел рабочих».[14]

Рабочий угнетен, над ним стоит сила капитала. Основой этой силы является частная собственность, которая выражает имущественное отношение между производителем предметов и владельцем этих предметов.

---

[13] Там же, стр. 568.
[14] Там же, стр. 562.

Маркс глубоко проникает в действительные производственные отношения в капиталистическом обществе, подчеркивая внутреннюю связь между капиталом и подневольным трудом пролетариата. Определяя действительную сущность капитала, Маркс указывал: «Капитал есть *командная власть* над трудом и его продуктами. Капиталист обладает этой властью не благодаря своим личным или человеческим свойствам, а лишь как *собственник* капитала».[15]

Маркс приходит к выводу, что упразднение частной собственности явится основой уничтожения антагонистических отношений в обществе. Но это упразднение ее связано с политической формой эмансипации рабочих, ведущей к общечеловеческой эмансипации. Разрушение старых отношений совершается в процессе политической практики, с помощью революции.

Человеческая эмансипация — это коммунизм. Маркс подчеркивает, что он может быть осуществлен в процессе борьбы рабочего класса. Необходимы практические усилия и действия для упразднения частной собственности и осуществления коммунизма. «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие. История принесет с собою это коммунистическое действие, и то движение, которое мы в *мыслях* уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс».[16]

Коммунизм означает упразднение отчуждения человека. Происходит процесс разотчуждения. В человеке раскрываются его сущностные, творческие силы. На место кабалы, господства человека над человеком приходит гуманизм. Новый общественный строй удерживает все положительное, прогрессивное, что было создано трудом в прошлом. «*Коммунизм*, — писал Маркс, — как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее созидатель-

---

[15] Там же, стр. 534.
[16] Там же, стр. 606.

ным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человечному».[17]

Вот почему вызывает сомнение постановка вопроса А. Шаффом в его книге «Marksizm a jednostka ludzka» (1965) о понятии отчуждения как понятии, не ограниченном обществом частной собственности. Это понятие у него в сущности приобретает универсальный характер. В действительности же со времени социалистической революции происходит исторический процесс разотчуждения личности, ее сущностных сил и способностей.

А. Шафф считает, что категория отчуждения присуща и социалистическому обществу. «Во всех известных нам до сих пор формах социалистического общества, — пишет Шафф, — имеют место различные виды отчуждения. Это означает, что ликвидация частной собственности на средства производства отнюдь не ликвидирует автоматически и отчуждение. Хотя бы потому, что продолжает существовать государство как аппарат принуждения».[18]

Подобную ложную концепцию развивает Педрага Враницкий (1965 г.), который считает, что по мере развития человеческого общества возникали и различные формы отчуждения. Структура социализма также предполагает формы человеческого отчуждения, — и, следовательно, категория отчуждения является универсальной. Проблема отчуждений является одной из центральных проблем социализма (сборник «Il Contemporaneo»).

Такое решение вопроса как по существу, так и в своем методологическом основании вызывает сомнения. Если вдуматься в суть дела, то понятие отчуждения в марксистском смысле означает, что личности, социальной группе, классу противостоит чуждая, враждебная сила как по своему существу, так и по целям. Лишение человека его сущностных сил, их отчуждение возникает в определенных социальных условиях. Достоинство человека, возможность творческого развития его способностей и прочее отчуждаются в результате определенных общественных отношений. Маркс указывал основание процесса отчуждения — это частная собственность на сред-

---

[17] Там же, стр. 588.

[18] A. Schaff. Marksizm a jednostka ludzka. Warszawa, 1965, s. 180.

ства производства и эксплуатация человека человеком на базе относительной неразвитости производительных сил общества. Он рассматривал категорию «отчуждения» как историческую категорию, отражающую положение человека в антагонистическом обществе. «Концепция отчужденного труда в „Экономическо-философских рукописях" по сути своей является зародышевой, начальной формой марксистской теории присвоения капиталом чужого наемного труда, эскизным наброском и эмбрионом важнейших идей, развитых и научно аргументированных Марксом много позднее в „Капитале"».[19]

В «Экономическо-философских рукописях» Маркс делает дальнейший шаг в развитии теории научного коммунизма. Он дал экономическое и философско-этическое обоснование неизбежности упразднения частной собственности, социальных антагонистических противоречий и возникновения нового, коммунистического общества. В рабочем классе он видит ту общественную силу, которая совершит процесс разотчуждения человека и приведет его через революцию к коммунизму, создающему все условия для всестороннего развития личности. Коммунизм тем самым означает гуманизм.

Для Маркса коммунизм — высокоразвитое общество, возникающее на базе достигнутых материальных предпосылок, в котором личность может достичь полного, гармонического расцвета. Создание такого общества — это длительный закономерный процесс.

Маркс подверг критике примитивные представления Кабе и других социалистов-утопистов о коммунизме как о таком строе, где господствует нивелировка, где отсутствует понимание значения для человека культуры и цивилизации. Это — возврат к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека. «Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом».[20]

Однако при всем богатстве идей Маркса, высказанных в «Экономическо-философских рукописях», предстояло еще многое сделать для всестороннего и глубокого обосно-

---

[19] Карл Маркс. Биография, стр. 62.

[20] К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года, стр. 587.

вания теории научного коммунизма. Все попытки фальсификаторов истории марксизма (Г. де-Ман, Г. Попитц, А. Лефевр, Г. Веттер и проч.) представить эту работу Маркса как его наиболее зрелое произведение являются тщетными. Неверны утверждения и о том, что последующие работы Маркса будто бы являются отступлением от идей «Экономическо-философских рукописей». В действительности же намеченные здесь Марксом положения получили свое дальнейшее развитие и обоснование в его более зрелых произведениях.

• • •

Теперь бросим взгляд на эволюцию политических воззрений Ф. Энгельса. Приход молодого Энгельса к теории научного социализма в сущности аналогичен эволюции Маркса, хотя и имеет некоторые особенности.

Уже в ранних произведениях Энгельса обращает на себя внимание его интерес к социальным и политическим вопросам. В «Письмах из Вупперталя» он дает описание страшной нищеты низших классов, вскрывает пороки, присущие капиталистическому общественному строю. Но в этом он еще не усматривал неизбежного следствия капиталистического способа производства. Он еще не видит экономических причин нищеты народных масс.

Из наблюдения фактов социальной жизни Энгельс делает ряд реалистических выводов и выступает с революционным протестом, требуя участия народа в управлении государством, уничтожения всякой родовой аристократии, всякого религиозного принуждения. С юношеской страстью он говорит о революции. Он восторгается раскатами грома июльской революции 1830 г., проявлениями народной воли к борьбе.

В своих письмах к Греберам молодой Энгельс мечтает о революционной буре, отвергает возможность тихой гавани в общественной жизни. Ему импонируют наиболее радикальные идеи литературной группы «Молодая Германия», а затем он примыкает к младогегельянскому движению, разделяя его наиболее прогрессивные идеи. Но, в отличие от младогегельянцев, он в решающих вопросах идет от действительности, требуя отправляться от нее в политике и призывая к борьбе против существующей затхлой общественной жизни в Германии. У Энгельса

с самого начала намечается стремление объединить философию и политику с жизнью.

Большое влияние Энгельс испытал со стороны философии истории Гегеля. «...я, — писал он Греберу, — штудирую „Философию истории“ Гегеля — грандиозное произведение; каждый вечер я обязательно читаю ее, и ее титанические идеи страшно захватывают меня».[21]

Гегеля Энгельс читает по-своему: берет у него все наиболее прогрессивное. Благодаря идеям Гегеля у него получает развитие идея объективной закономерности, а также диалектическое понимание свободы и необходимости. В истории он видел противоречивый процесс реализации понятия свободы. Применительно к Германии это означало необходимость борьбы против феодализма.

Понимание необходимости связывать политические идеи с практикой жизни особенно проявляется в решении Энгельсом вопроса о национальном воссоединении Германии. В статье «Эрнст Мориц Арндт» (1841 г.), развивая идею национального объединения страны, он самым решительным образом выступил как против немецкого национализма, так и против космополитизма. «Фактическое уничтожение тевтономании, или, вернее, ее жизнеспособности, — писал Энгельс, — датируется с июльской революции и было заложено в ней. Но в то же время произошло и крушение мирового гражданства, ибо важнейшее значение великой недели заключалось именно в восстановлении французской нации в качестве великой державы, что побудило и другие нации стремиться к более сильной внутренней спаянности».[22] Основой программы Энгельса являлась демократическая республика, прообраз которой был выдвинут Французской революцией.

Но при всех реалистических положениях своей программы Энгельс еще продолжал разделять младогегельянское понимание государства как разумного, нравственного по своей природе общественного учреждения. Он еще сохранял отдельные идеи так называемой «философской революции» в Германии. Но он уже разделался в основном с субъективистским подходом младогегельянцев

---

[21] Ф. Энгельс — Ф. Греберу 9 декабря 1839 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 334—335.

[22] Ф. Энгельс. Эрнст Мориц Арндт. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 368.

к действительности. Для него становится все более ясной необходимость понимать историю как объективный процесс, который отнюдь не является результатом произвола личностей. С конца 1842 г. обозначился переход Энгельса от революционного демократизма к коммунизму, причем значительное влияние на его взгляды оказал М. Гесс.

Энгельс, как свидетельствует М. В. Серебряков, заинтересовался идеями Гесса, пропагандировавшего утопический коммунизм и считавшего неизбежной социальную революцию. «Мотивы, найденные в статьях Гесса, были хорошо ему знакомы: он сам чувствовал сострадание к „униженным и оскорбленным“, питал ненависть к политическим привилегиям, нападал на промышленников, купцов и землевладельцев. Наконец, Энгельс всегда относился с непреодолимым отвращением к робости, половинчатости и беспринципности, независимо от того, кто впадал в один из этих смертных грехов: младогегельянцы, „Свободные“, южногерманские или восточнопрусские либералы. По своему революционному темпераменту он независимо от разных влияний постоянно занимал самую крайнюю левую позицию. В июле же юноша открыто и резко напал на либерализм в лице Александра Юнга. Конечно, Энгельс прислушался к проповеди тех новых идей, глашатаем которых выступил Моисей Гесс».[23]

Но он скоро опередил последнего. Находясь в гуще идеологической борьбы в Германии, Энгельс все больше и больше обращает внимание на идеи коммунизма, постепенно лишая их утопического характера. Гесс же, напротив, эволюционировал в сторону этического социализма.

Новый этап в эволюции взглядов Энгельса был связан с его переездом в Англию. «Социалистом, — пишет Ленин, — Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях».[24]

Энгельс столкнулся в Англии с общественной обстановкой, где наличие социальных полюсов — буржуазии и пролетариата — и их антагонизм проявлялись наиболее

---

[23] М. В. Серебряков. Ф. Энгельс в молодости, стр. 171—172.

[24] В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

резко. Социально-экономический анализ этих отношений неизбежно приводил Энгельса к выводам в духе будущего научного социализма. Еще в декабре 1842 г. Энгельс писал в «Рейнской газете», что «по своей численности этот класс стал самым могущественным в Англии, и горе английским богачам, когда он осознáет это».[25] Это был шаг в сторону признания им социалистической миссии пролетариата.

В Англии Энгельс выдвигает идею социальной революции, считая, что она явится результатом обострения социальных и экономических противоречий. Энгельс проницательно заметил классовую борьбу между тори, вигами и радикальной демократией — чартистами. В своих корреспонденциях в «Рейнскую газету» («Английская точка зрения на внутренние кризисы», «Внутренние кризисы» и др.) он дает первые весьма глубокие анализы отношений партий в стране, характеристику классов. Его симпатии на стороне чартистов, свое политическое мировоззрение Энгельс связывает с их деятельностью. В пролетариате он видит будущее социального прогресса. Для него нет сомнений в том, что социальная революция будет иметь насильственный характер. В статье «Внутренние кризисы», отметив неудачу движения рабочих летом 1842 г., Энгельс писал: «И тем не менее неимущие из этих событий извлекли для себя пользу: это — сознание, что революция мирным путем невозможна и что только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев».[26]

Уже тогда Энгельс проницательно увидел слабую сторону чартистского движения — отказ от так называемых «незаконных мер», неясность конечных целей движения, вера в магическую силу всеобщего избирательного права. «Рабочий класс, — писал Энгельс 19 декабря 1842 г., — с каждым днем всё больше проникается радикально-демократическими принципами чартизма и всё больше признает их выражением своего коллективного сознания. Однако в настоящее время эта партия находится лишь

---

[25] Ф. Энгельс. Внутренние кризисы. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 502.

[26] Там же, стр. 502—503.

в процессе образования и поэтому не может еще выступить со всей энергией».[27]

Энгельс в своих статьях ставит по существу вопрос о необходимости соединения движения рабочих масс с идеей социализма. Эта сторона его воззрений непрерывно развивается и обосновывается.

В исключительно глубокой и интересной статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», напечатанной в ноябре 1843 г. в газете английских социалистов-оуэнистов, Энгельс анализирует социалистические движения в Англии, Франции и Германии и приходит к выводу: «Так три крупные цивилизованные европейские страны — Англия, Франция и Германия — пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоятельной и неотвратимой необходимостью. Этот вывод тем более примечателен, что каждая из упомянутых наций пришла к нему независимо от остальных. Факт этот неопровержимо доказывает, что коммунизм — не следствие особого положения английской или какой-либо другой нации, а необходимый вывод, неизбежно вытекающий из предпосылок, заложенных в общих условиях современной цивилизации».[28]

Это заключение Энгельса об интернациональном характере социальной революции и неизбежности коммунизма в истории человечества весьма примечательно. Он считает, что социальная революция и коммунизм — это неизбежное следствие развития современного капиталистического общества. Вместе с тем он подчеркивает, что пути к пониманию коммунистического учения в трех странах были различны. «Англичане пришли к нему *практическим* путем, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы — *политическим* путем, отправляясь от требования политической свободы и равенства, но, убедившись, что этого недостаточно, они присоединили к своим политическим требованиям требования социальной свободы и

---

[27] Ф. Энгельс. Позиция политических партий. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 505.

[28] Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 525.

социального равенства; немцы же стали коммунистами *философским* путем, путем размышления над основными принципами».[29] В этих словах Энгельса был определенный исторический смысл, хотя, конечно, для решения вопроса о причинах и формах возникновения коммунистического учения во всех этих странах требовался социально-экономический анализ.

В своем исследовании французского утопического социализма Энгельс отмечает его положительные и вместе с тем отрицательные стороны. Он подвергает критике учение сен-симонистов, его экономические принципы и делает заключение, что «его время миновало», оно исчезло с социального горизонта. Касаясь учения Фурье и его последователей, Энгельс писал, что «в фурьеризме есть одна, и притом очень важная, непоследовательность: он не отменяет частной собственности».[30]

Разбор Энгельсом учений Бабефа и Кабе дополняется рассмотрением немецкого утопического социализма Вейтлинга и взглядов современных представителей немецкого философского коммунизма, среди которых он называет Гесса, Руге и Маркса. Энгельс подчеркивает, что «коммунизм был столь *необходимым* следствием неогегельянской философии, что никакое противодействие не могло помешать его развитию, и в течение этого года первые его сторонники с удовлетворением отмечали, что республиканцы один за другим присоединялись к их рядам».[31]

В рассматриваемой статье Энгельс еще стоит на позициях немецкого «философского коммунизма». Он считается с тем, что «в Германии, больше, чем в какой-либо другой стране, есть условия для создания коммунистической партии среди образованных классов общества»[32] и что немецкий коммунизм «является неизбежным выводом из их *собственной* философии».[33]

В статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» Энгельс делает весьма важное замечание о том, что «вопрос о социальном преобразовании

---

[29] Там же, стр. 525—526.
[30] Там же, стр. 529.
[31] Там же, стр. 539.
[32] Там же, стр. 540.
[33] Там же.

с недавнего времени снова стал предметом обсуждения в Германии, но уже среди рабочего класса».[34]

Реалистическое понимание социально-экономических отношений в дальнейшем приводит Энгельса к заключению, что при решении вопроса о той или иной форме социализма необходимо учитывать экономические условия жизни и факт существования рабочего класса и его борьбы.

В «Письмах из Англии» и «Письмах из Лондона» Энгельс глубоко проанализировал противоречия в капиталистической Англии, борьбу классов и партий и пришел к выводу, что главную роль играют антагонистические противоречия между пролетариатом и буржуазией и что будущее Англии принадлежит рабочему классу.

В непосредственной связи с этим, по-видимому, находится его статья в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» — «Наброски к критике политической экономии». Он глубоко проанализировал такие категории политической экономии, как стоимость, цена, капитал, заработная плата, рента и т. д. Диалектически объясняя экономические отношения, Энгельс раскрывает историческое и относительное содержание этих категорий при капитализме. В их движении он видит абстрактное выражение развития капиталистических общественных отношений. Он вскрывает за теоретическими противоречиями категорий реальные экономические противоречия в обществе как результат частной собственности при капитализме. Нельзя не подчеркнуть историческое значение этого произведения Энгельса как первой работы по политической экономии, в которой проницательно и глубоко поставлены кардинальные вопросы экономической теории. Маркс назвал «Наброски» Энгельса «гениальным эскизом». Сам Энгельс в письме к В. Либкнехту от 15 апреля 1871 г. писал, что статья совершенно устарела и полна неточностей. О том же говорил он и в письме к Е. Паприц от 26 июня 1884 г.

Однако несомненно, что «Наброски к критике политической экономии» имели весьма важное значение в подготовке и развитии теории научного социализма. Между прочим, в статье Энгельс высказывает мимоходом весьма

---

[34] Там же, стр. 535.

интересные мысли по поводу таких категорий политической экономии при социализме, как прибыль, рента, труд.

Касаясь уничтожения частной собственности на землю, Энгельс писал в 1844 г.: «Если мы и здесь устраним частную собственность, то земельная рента сведется к своей истине, к тому разумному воззрению, которое по существу лежит в ее основе. Отделённая от земли в виде ренты стоимость земли вернется тогда к самой земле. Эта стоимость, измеряемая производительной способностью равных площадей при равном количестве затраченного на них труда, действительно должна быть принята в расчет при определенной стоимости продуктов как часть издержек производства и подобно земельной ренте представляет собой отношение производительной способности к конкуренции, но к *истинной* конкуренции, к той, которая разовьется в свое время».[35]

В этом отрывке привлекают внимание две мысли Энгельса: рациональный смысл категории ренты в обществе, где произошла отмена частной собственности на землю, и проблема будущей истинной конкуренции. Касаясь вопроса прибыли в обществе, где устранена частная собственность, Энгельс замечает: «Значение прибыли сведется к значению той гири, которую капитал кладет на чашу весов при определении издержек производства, и эта прибыль будет в такой же степени присуща капиталу, в какой он сам вернётся к первоначальному единству капитала и труда».[36]

Главный пафос экономической работы Энгельса сводится к доказательству исторической необходимости и неизбежности нового социально-экономического строя — социализма, — вытекающего из развития современных общественных отношений. Анализируя закон централизации владения производством, Энгельс указывает: «Эта централизация владения есть закон, столь же имманентный частной собственности, как и все другие законы; средние классы должны все более и более исчезать, пока мир не окажется разделенным на миллионеров и пауперов, на крупных землевладельцев и бедных поденщиков. Никакие законы, никакое деление земельной собствен-

---

[35] Ф. Энгельс. Наброски к критике политической экономии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 557.

[36] Там же, стр. 558.

ности, никакие случайные дробления капитала ничуть не помогут, — результат этот должен наступить и наступит, если его не предупредит полное преобразование социальных отношений, слияние противоположных интересов, уничтожение частной собственности».[37]

В «Набросках к критике политической экономии» Энгельс, подчеркивает Ленин, с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка как необходимые последствия господства частной собственности. Из этого анализа следовал вывод о неизбежности социальной революции. В этой работе со всей ясностью проступают некоторые экономические контуры теории научного социализма.

Таким образом, Маркс и Энгельс независимо друг от друга, хотя и различными путями, подошли к научному социализму. Ко времени встречи в Париже в 1844 г. они считали, что на смену современному капиталистическому обществу исторически неизбежно придет коммунистическое общество. Эта смена совершится с помощью революции. Движущей силой социального преобразования должен стать пролетариат.

Большое значение в теоретическом плане для возникновения научного социализма имело изучение Марксом и Энгельсом классических утопических систем прошлого. Взгляды великих утопистов исторически являются одним из теоретических источников научного социализма. Энгельс в 1874 г. писал: «...немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...».[38]

Само собой разумеется, что утопический социализм является не единственным теоретическим источником научного социализма. Без всякого сомнения, развитию у Маркса и Энгельса нового взгляда на социальную эволюцию способствовали воззрения прогрессивных филосо-

---

[37] Там же, стр. 569.

[38] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 498—499.

фов, социологов и экономистов того времени. Существенную роль в формировании теории научного социализма играли немецкая классическая философия, — ее прогрессивные стороны, — а также прогрессивный уровень, достигнутый экономическим знанием в лице А. Смита, Д. Рикардо и др.

Весьма важное значение в разработке Марксом и Энгельсом проблемы классов и классовой борьбы имели произведения историков периода реставрации — Минье, Тьерри, Гизо, — выдвинувших идею классовой борьбы как движущей силы исторического процесса и пытавшихся связать ее с положением о существенной роли экономики в истории. Правда, эти взгляды у названных историков не приобрели последовательности. Напротив, они характеризовались рядом отступлений от исторической истины.

Прогрессивные идеи были переплавлены Марксом и Энгельсом во вновь созданной ими теории научного социализма на базе осмысления закономерностей рабочего движения, борьбы пролетариата против капитализма. Исторический процесс шел в направлении слияния социалистических теоретических изысканий с современным социально-политическим движением пролетариата. Это был неотвратимый процесс.

Как сам переход Маркса и Энгельса к материализму и научному коммунизму представлял собой процесс, так и дальнейшее его завершение имеет свою историю. Осенью 1844 г. произошла встреча Маркса и Энгельса в Париже; было констатировано полное единомыслие по теоретическим и политическим вопросам.

Это было время, когда начало развертываться рабочее движение в Германии. В 1844 г. произошло восстание ткачей в Силезии. Маркс и Энгельс с самого начала уяснили себе огромное политическое его значение. Маркс видел в движении силезских ткачей не просто стихийный бунт, но и начало политической борьбы рабочего класса против буржуазии. Он решительно возражал Руге, который не придавал силезскому движению ткачей политического значения. «Восстание ткачей летом 1844 г. Карл Маркс приветствовал как первый знаменательный подъем немецких рабочих».[39] Совместное выступление Маркса и

[39] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 49.

Энгельса началось с опубликования работы «Святое семейство». В этой работе дано диалектико-материалистическое обоснование теории научного социализма. Маркс при этом использовал часть материала своих «Экономическо-философских рукописей». «Святое семейство» представляет собой более высокую ступень в развитии взглядов Маркса на социализм по сравнению с тем, что было им высказано в «Экономическо-философских рукописях».

В произведении «Святое семейство» (сентябрь—ноябрь 1844 г.) отчетливо сказывается влияние прогрессивных идей французских и английских утопических социалистов — Бабефа, Фурье, Дезами, Оуэна и др. Основоположники марксизма в подтверждение того или иного положения нередко ссылаются на их мысли. Говоря, например, о том, что «*всякий прогресс духа* был до сих пор *прогрессом в ущерб массе человечества*, которая попадала во все более и более *бесчеловечное* положение»,[40] Маркс и Энгельс ссылались на Фурье и Оуэна. Они подчеркивали историческую и логическую связь между развитием материализма, с одной стороны, и социализмом и коммунизмом, с другой стороны. В материализме они видели логическую основу коммунизма. «В тесной связи с процессом формирования материалистического понимания истории находилась у Маркса и Энгельса разработка теории научного коммунизма, и прежде всего учения о всемирно-исторической роли пролетариата как главной действующей и ведущей силы будущей социалистической революции».[41]

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс называли себя «реальными гуманистами», взглянувшими реалистически на современное общество с его непрерывными противоречиями и конфликтами. Они высказали твердую уверенность в том, что освобождение человечества от капиталистического порабощения самым непосредственным образом связано с борьбой рабочего класса. «Реальный гуманизм» в представлении Маркса и Энгельса — это борьба пролетариата за освобождение человечества от порабощающих капиталистических условий жизни.

«Святое семейство» — одно из важнейших произведений периода становления теории Маркса и Энгельса. Оно

---

[40] К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Соч., т. 2, стр. 92.

[41] Карл Маркс. Биография, стр. 74.

дало возможность Марксу и Энгельсу совместно наметить основы своего нового мировоззрения — научного социализма. В конспекте «Святого семейства» Ленин отмечает, что «Маркс подходит здесь от гегелевой философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей».[42]

В противовес младогегельянцу Бауэру с его учением о критически мыслящих личностях, было выдвинуто учение о том, что история есть история действий масс, действий классов. Пролетариат — это революционная сила, уничтожающая буржуазное общество, основанное на частной собственности. «Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества».[43]

В центре содержания работы «Святое семейство» находится тезис о роли пролетариата в развитии общества. Ленин подчеркивает, что здесь очень рельефно выдвигается «почти уже сложившийся взгляд Маркса на революционную роль пролетариата».[44]

В «Святом семействе» дано теоретическое обоснование исторической роли пролетариата, выяснены социально-экономические основы ее. Исключительно глубоко, хотя еще в абстрактной форме, Маркс и Энгельс следующим образом характеризуют эту роль и эти основы: «Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже

---

[42] В. И. Ленин. Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». Полн. собр. соч., т. 29, стр. 8.

[43] В. И. Ленин. Фридрих Энгельс, стр. 10.

[44] В. И. Ленин. Конспект книги..., стр. 11.

никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненный условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении... Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества».[45] Пролетариат — это революционная сила в буржуазном обществе, уничтожающая существующие общественные отношения и создающая новое общество, в котором преодолевается всякая бесчеловечность.

Маркс и Энгельс с помощью своей материалистической теории отчуждения обосновывают свой новый взгляд на социалистическую миссию пролетариата. Социализм из благого пожелания у них превращается в необходимый, закономерный этап всемирной истории. Они подчеркивали, что коммунистические и социалистические идеи так или иначе в прошлом отражали интересы и борьбу народных масс. Коммунистической критике с самого начала «соответствовало на практике движение *широкой массы*, в ущерб которой происходило до сих пор историческое развитие».[46]

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс, продолжая анализ капиталистических общественных отношений, который ими был дан в работах, написанных до их совместного выступления (труды «Экономическо-философские рукописи» и «Положение рабочего класса в Англии»), вскрывают диалектику развития современного капиталистического общества, соотношение и развитие в нем основных противоположностей — пролетариата и богатства. «Пролетариат и богатство, — писали они, — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из двух элементов занимает внутри

---

[45] К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство, стр. 40.
[46] Там же, стр. 92.

противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого».[47] Нужно иметь в виду, что «в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение».[48]

Маркс и Энгельс глубоко обосновали положение о том, что социализм и пролетарское движение внутренне связаны друг с другом, что вытекает из развития объективных основ самого капиталистического общества. Интересы рабочего класса совпадают с интересами всех трудящихся масс: освобождая себя от пут капитализма, пролетариат освобождает тем самым и все общество. Он представляет общечеловеческий интерес. «В этих рассуждениях Маркса были заложены первые элементы развитого им в будущем положения о пролетариате как классе-гегемоне, который осуществляет руководящую роль в революционно-освободительном движении угнетенных масс современного общества».[49]

Следующим весьма важным в становлении марксизма этапом является произведение Маркса и Энгельса «Немецкая идеология». Исторически и логически оно является продолжением работы «Святое семейство». Будучи прежде всего философским произведением, «Немецкая идеология» тем самым подводит широкий социологический фундамент под теорию научного коммунизма.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выступили против эпигонов утопического социализма, в особенности против «истинных социалистов» Гесса и Грюна, для которых социализм явился результатом всеобщей человеческой солидарности, всеобщей любви. «Истинные социалисты» обосновывали свои взгляды с помощью «общечеловеческой морали».

Этот «этический социализм», например, у Грюна соединялся с анархическими идеями Прудона. Взгляды «истинных социалистов» являлись прямым препятствием к выработке социалистического сознания в рабочем движении. «Истинный социализм», писали основоположники марксизма, утратил всякую революционную страсть

---

[47] Там же, стр. 38.
[48] Там же, стр. 39.
[49] Карл Маркс. Биография, стр. 75.

и вместо нее провозгласил всеобщую любовь к людям.

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике теоретическую основу «истинного социализма» — младогегельянство и идеалистические и религиозно-этические наслоения в учении Фейербаха. Несколько позже Энгельс в статье «Истинные социалисты» (1847 г.) дал глубокий анализ различных направлений этого мелкобуржуазного учения. Вместе с тем Маркс и Энгельс предполагали выпустить в свет произведения утопистов-социалистов (Морелли, Мабли, Сен-Симона, Фурье и др.) под общим наименованием «Библиотека выдающихся иностранных социалистов».[50]

Маркс и Энгельс критически перерабатывают прогрессивные идеи классического утопического социализма. Социализм их теории — необходимый этап всемирной истории человечества, главной движущей силой которой является революционный пролетариат. Социализм становится наукой, обобщающей реальные процессы движения и борьбы рабочего класса.

В «Немецкой идеологии», основываясь на материалистическом понимании истории, Маркс и Энгельс ставят вопрос о пролетарской революции, о борьбе за политическую власть и об основных чертах будущего коммунистического общества. Коммунизм у основоположников марксизма выступает как необходимое, закономерное завершение всего общественного развития современного общества, классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Касаясь общих основ понятия революции, Маркс еще в 1844 г. подчеркивал: «Каждая революция разрушает *старое общество,* и постольку она *социальна.* Каждая революция низвергает *старую власть,* и постольку она имеет *политический* характер».[51]

Коммунизм, указывает Маркс, не может быть осуществлен без революции, которая имеет политический и социальный характер. Однако социалистическая революция имеет свое конкретное социально-политическое содержание. Пролетариат, по словам Маркса, низвергает власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества и присваивает себе

---

[50] Там же, стр. 86—87.

[51] К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака», стр. 448.

совокупность производительных сил, сбрасывая при этом с себя все, что еще осталось у него от прежнего общественного положения.[52] Коммунистическая революция уничтожает господство классов вместе с самими классами, устраняет прежний характер труда.

Основоположники марксизма подчеркивают в «Немецкой идеологии», что «установление коммунизма имеет по существу экономический характер: оно — создание материальных условий этого объединения; имеющиеся налицо условия оно превращает в условия объединения».[53]

В биографии «Карл Маркс» подчеркивается органическая связь фундаментальных положений материалистического понимания истории, развитых в «Немецкой идеологии», с дальнейшим обоснованием научного коммунизма. «Развитие производительных сил в недрах буржуазного общества создает две основные материальные предпосылки пролетарской, коммунистической революции. Это, во-первых, высокий уровень развития производства, принципиально несовместимый с частной собственностью и вместе с тем необходимый для организации общества на коммунистических началах, и, во-вторых, массовая пролетаризация, ведущая к формированию революционного класса. Данное положение, впервые сформулированное в „Немецкой идеологии“, вошло в качестве одного из важнейших элементов в теорию научного коммунизма».[54]

Для перехода к коммунистическому обществу необходимо завоевание пролетариатом политической власти. Этот тезис в «Немецкой идеологии» пока еще не развернут, но в нем уже видно приближение к понятию диктатуры пролетариата.

В «Немецкой идеологии» отмечается коренное отличие коммунистической революции от всех предшествующих революций. Она прежде всего совершается классом в интересах большинства всех членов общества. Пролетариат коренным образом меняет характер деятельности людей в обществе и «уничтожает господство каких бы то ни было классов вместе с самими классами».[55]

---

[52] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 68.

[53] Там же, стр. 71.

[54] Карл Маркс. Биография, стр. 106.

[55] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, стр. 70.

В 1855 г. в Лейпциге вышла замечательная книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта книга была задумана еще в Англии и там же в значительной степени написана. В ней дано глубокое социально-экономическое обоснование научного социализма. В работе Энгельса показывается, каким образом крупная промышленность создает современный рабочий класс, принижая его умственно и физически, и как пролетариат вследствие диалектики общественного развития становится могильщиком капитализма. В произведении используется огромный конкретный социологический материал, доказывающий неотвратимость этого процесса и необходимость слияния рабочего движения с социализмом.

Весьма важно заметить, что теоретические обобщения Энгельса, как и Маркса, основывались на анализе и личном наблюдении фактов самой социальной действительности. В обращении «К рабочему классу Великобритании» 15 марта 1845 г. Энгельс писал: «Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей».[56]

Дальнейшим шагом в разработке теории научного социализма, ее экономического обоснования явилась работа Маркса «Нищета философии», вышедшая в 1847 г. В ней исследован вопрос о взаимозависимости развития способа производства и борьбы классов как движущей причины исторического процесса, а также вопрос об исторической роли пролетариата в борьбе против буржуазного государства за революционное преобразование современного общества.

О завоевании политической власти пролетариатом, о необходимости политического господства рабочего класса для свержения экономического господства буржуазии Маркс в достаточной мере определенно говорит в «Нищете философии». Здесь по существу поставлена в общей форме проблема диктатуры пролетариата. Об этом несколько позже говорил сам Маркс. В письме к редактору «Neue Deutsche Zeitung» Люнингу в 1850 г. он писал,

---

[56] Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 235.

касаясь употребленного им тезиса о диктатуре пролетариата: «Вы знаете, что в „Нищете философии“, еще до февраля 1848 г., я отстаивал против Прудона ту же самую точку зрения».[57]

Весьма важное значение для анализа роли пролетариата в революционном движении имела постановка Марксом вопроса об осознании пролетариатом своей исторической роли в обществе. Он формулирует положение о превращении пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». Рабочий класс в ходе общественного развития постепенно осознает свою всемирно-историческую миссию, превращается из массы, которая «является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для себя самой»,[58] в «класс для себя». Понятия «класс в себе» и «класс для себя» дают возможность анализировать степень политической и идеологической зрелости пролетариата. Высокой ступенью зрелости пролетариата является осознание им исторической необходимости диктатуры пролетариата.

Ко времени выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии» постепенно складываются наиболее важные категории, понятия теории научного социализма. В дальнейшем они непрерывно развиваются, обогащаются и конкретизируются. Возникают новые понятия, которые отражают объективные социально-экономические, политические и идеологические процессы в буржуазном обществе в связи с революционной борьбой пролетариата.

«Манифест Коммунистической партии» знаменует известное завершение Марксом и Энгельсом разработки развернутого пролетарского мировоззрения, теории научного социализма. Впервые во всемирной истории перед лицом эксплуататорского мира была провозглашена программа научного коммунизма. «Манифест Коммунистической партии» явился теоретическим обобщением революционного движения рабочего класса в 30-е и 40-е годы XIX в. Он вышел в свет на пороге революции 1848 г. В Италии, во Франции, в Австрии, в Германии разразилась в это время революция. В апреле 1848 г. начался подъем чартистского движения в Англии.

---

[57] К. Маркс. Заявление редактору «Neue Deutsche Zeitung». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 339.

[58] К. Маркс. Нищета философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 183.

Написание «Манифеста Коммунистической партии» было непосредственно связано с практическим участием Маркса и Энгельса в Союзе коммунистов. Опираясь на основанный немецкими эмигрантами в Париже в 1836 г. Союз справедливых, они в 1847 г. положили начало новой организации рабочего движения — Союзу коммунистов. Теоретическая и политическая деятельность Маркса и Энгельса слились с их организационно-практической работой.

Маркс и Энгельс на протяжении ряда лет находились в постоянной переписке с лондонским отделением Союза справедливых, программа которого состояла из смеси бабувистских и вейтлинговских идей. Энгельс принимал участие в деятельности парижского отделения Союза справедливых в 1845—1846 гг. Основоположники научного социализма подвергали систематической критике утопические и мелкобуржуазные взгляды, которые были присущи руководителям рабочего союза.

Марксизм с самого своего возникновения решительно выступал против мелкобуржуазного социализма, против крикливых лицемерных фраз «о народе», «всеобщем равенстве», «справедливости» и «моральном преобразовании общества». Для Грюна и Гесса социализм являлся не результатом изменения общественных отношений, свойственных капитализму, путем пролетарской революции, а продуктом всеобщей человеческой солидарности, результатом нравственных стремлений человека. Учению о классовой борьбе и пролетарской революции Грюн и Гесс противопоставили «человеческую любовь к ближнему» и «истинное просвещение». «Истинный социализм», писали Маркс и Энгельс, «утратил всякую революционную страсть и провозгласил вместо нее всеобщую любовь к людям».[59]

«Истинный социализм» являлся в то время огромным препятствием на пути объединения рабочего движения с социализмом, прямой помехой к выработке социалистического сознания в немецком рабочем классе. Он сеял среди рабочих мелкобуржуазный дурман «всеобщего братства». Марксу и Энгельсу понадобилось много усилий, чтобы повести за собой членов будущего Союза коммунистов.

---

[59] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, стр. 459.

Революционный марксизм вышел победителем из борьбы с «истинным социализмом». Энгельс писал из Парижа в 1846 г.:

«... спорные вопросы, из-за которых мне до сих пор приходилось воевать с этой публикой, сейчас уже разрешены. Главный сторонник и ученик Грюна, папаша Эйзерман, вышиблен, влияние остальных его приверженцев на массу окончательно подорвано, и я провел наперекор им решение, которое было принято единогласно.

«Итак, я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции».[60]

Маркс и Энгельс развили большую практическую деятельность с целью создания коммунистической организации. Они стремились создать особые группы, корреспондентские комитеты из приверженцев своих взглядов. Такие группы были созданы в Брюсселе, в Париже и в Лондоне. К лету 1847 г. эти группы достаточно окрепли, и появилась возможность создать международную организацию коммунистов. Состоялся первый съезд Союза, который стал называться Союзом коммунистов. На этом съезде был принят предварительный устав, предложенный затем на обсуждение отдельным комитетам. Предполагалось, что на следующем съезде должен быть принят устав в окончательной форме. Революционным лозунгом новой организации стал девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Союз коммунистов признал взгляды Маркса и Энгельса своим мировоззрением. Это нашло свое отражение во вводной статье пробного номера «Коммунистического журнала» от сентября 1947 г., в которой отвергался мелкобуржуазный утопический социализм.

«Мы не из тех коммунистов, — было написано в журнале, — которые всего хотят достигнуть любовью. Мы не проливаем горьких слез при лунном свете над

---

[60] Ф. Энгельс. Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 59—60.

несчастьями человечества и не замираем затем в восторженном восхищении при мысли о золотом будущем. Мы знаем, наше время серьезно, мы знаем, оно требует от каждого напряжения всех его сил, и мы знаем, что эти грезы о любви — не что иное, как своего рода духовное самоослабление, лишающее каждого, кто предается им, всякой дееспособности.

«Мы не из тех коммунистов, которые уже теперь проповедуют вечный мир, в то время как наши враги повсюду готовятся к бою».[61]

И дальше: «...мы прекрасно знаем, что на континенте должен загореться бой между демократическими и аристократическими элементами, — это знают и враги наши, и они снаряжаются в битву; поэтому долг каждого приготовиться, чтобы нас не застигли врасплох и не истребили бы нас. Нам предстоит еще выдержать последнюю серьезную борьбу, и когда наша партия выйдет из нее победительницей, тогда только настанет время, будем надеяться, навсегда отложить оружие в сторону».[62]

В пробном номере «Коммунистического журнала» мы находим обращение к пролетариям. В нем говорилось: «Пролетарии, если вы хотите быть свободными, то пробудитесь от вашего сна, и сомкнитесь крепко воедино. Человечество требует от каждого, чтобы он исполнял свой долг».[63]

Однако было бы неправильно думать, что всеми членами Союза коммунистов была понята до конца марксистская программа и усвоено материалистическое мировоззрение. Внутри Союза коммунистов происходила непрерывная борьба марксистского мировоззрения с мелкобуржуазными утопическими идеями. Марксу и Энгельсу приходилось систематически разъяснять ошибочность и реакционную сущность взглядов Грюна, Гесса и Криге. Отсутствие цельного материалистического мировоззрения в Союзе нашло свое отражение в упомянутой вводной статье пробного номера «Коммунистического журнала». В ней, например, указывалось, что к пролетариям в современном обществе относятся все, «кто не может жить

---

[61] Пробный номер Коммунистического журнала. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. ГИЗ, М.—Л., 1930, стр. 216.

[62] Там же, стр. 217.

[63] Там же, стр. 214,

своим капиталом, рабочий точно так же, как и ученый, художник точно так же, как и мелкий буржуа».[64] Авторы передовой статьи приходили к ошибочному выводу, что «человечество не делает прыжков, а лишь шаг за шагом продвигается вперед».[65]

На втором съезде Союза коммунистов, состоявшемся в ноябре—декабре 1847 г., после длительных дебатов был принят новый устав. Маркс принимал участие в работе конгресса. Принципы, защищавшиеся Марксом и Энгельсом в течение нескольких лет, были приняты как руководящие идеи. «Впервые в истории интернационального рабочего движения в уставе были выработаны основные принципы демократического централизма, организационные принципы революционной партии пролетариата».[66]

В уставе Союза коммунистов мы встречаем марксистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В первой статье устава провозглашались цели Союза коммунистов и выдвигалась его программа. «Целью Союза, — говорится в уставе, — является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности».[67]

Марксу и Энгельсу было поручено написать «Манифест Коммунистической партии». К этому времени относится написанный Энгельсом документ «Принципы коммунизма», в котором в форме вопросов и ответов дается программа Союза коммунистов и формулируются основные принципы нового, материалистического мировоззрения. Главные идеи этого документа были положены в основу разработки «Манифеста Коммунистической партии», который был опубликован от имени первой интернациональной политической организации революционного пролетариата. «Карл Маркс и Фридрих Энгельс основанием Союза коммунистов создали основу для всех позднейших революционных партий рабочего класса».[68]

---

[64] Там же, стр. 215.

[65] Там же, стр. 217.

[66] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 65.

[67] Устав Союза коммунистов. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 524.

[68] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 66.

Союз коммунистов сыграл исключительно большую роль в немецком рабочем движении, особенно в период революции 1848 г. Эта сторона вопроса глубоко, на большом и новом конкретном материале изложена в произведении «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». К вопросу о деятельности Союза коммунистов мы вернемся в соответствующих главах настоящей работы.

• • •

Буржуазные идеологи пытались первоначально побороть научный социализм, «не замечая» его. П. Лафарг писал, что против Маркса лично и его трудов составился заговор замалчивания.

«Абсолютно игнорировали его „Восемнадцатое брюмера", работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел понять причину и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом произведении, несмотря на то, что оно было написано на злобу дня.

«Равным образом замолчали и „Нищету философии" — ответ на „Философию нищеты" — так же, как и „К критике политической экономии"».[69]

Ледяным молчанием был первоначально встречен и величайший, мирового значения труд Маркса — «Капитал».

«Ученые и неученые представители германской буржуазии, — писал Маркс в послесловии ко второму изданию «Капитала», — попытались сначала замолчать „Капитал", как это им удалось по отношению к моим более ранним работам».[70] В письме к Л. Кугельману от 11 февраля 1869 г. Маркс писал о трусости «цеховых мандаринов», боявшихся высказать свои убеждения.

Но сила учения Маркса была настолько основательной и грозной, что буржуазная наука вынуждена была обратиться к его «критике», к его «опровержению». Учение Маркса вызвало к себе величайшую ненависть всей бур-

---

[69] П. Лафарг. Воспоминания о Марксе. В сб.: Воспоминания о Марксе и Энгельсе, КИПЛ, М., 1956, стр. 76.

[70] К. Маркс. Послесловие ко второму изданию «Капитала». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 18.

жуазной науки. И не удивительно! Марксизм грозил самым основам существования капиталистического мира. Он дал глубокую и исчерпывающую критику буржуазной идеологии.

В чем только не был обвинен марксизм жалкими буржуазными адвокатами и клеветниками! Учение Маркса ничего общего не имеет с наукой, оно — голая политика, прикрытая псевдонаучной фразой, кричали одни. Марксизм — «мистическая политика», призывающая к созданию «тысячелетнего царства» путем разрушения, насилия и крови, надрывались в своем усердии услужить буржуазным хозяевам другие. Марксизм — не больше как литературный плагиат социалистических и экономических учений в соединении с бланкистским учением о насилии и разрушении, сенсационно провозглашали третьи. «Капитал» Маркса в своих основных положениях — не более как воспроизведение «государственного социализма» Родбертуса, исторический материализм — плагиат работ Лоренца Штейна,[71] а философия марксизма — простое повторение фейербахианства и гегельянства, кричали буржуазные идеологи из «Preussische Jahrbücher». Марксизм был представлен ими в качестве эклектической, противоречивой системы, видимость единства которой якобы создавала «гегельянская софистика». «Критики», чья «научная добросовестность» являлась звонкой разменной монетой буржуа, в своих обширных «трудах» не жалели сил для посрамления «красной доктрины». Буржуазный адвокат Барт сделал «открытие», что истинным творцом материалистического понимания истории был не Маркс, а Сен-Симон. Маркс будто бы лишь обработал его с помощью идеалистического метода Гегеля.

И позже предпринимались попытки представить теорию научного коммунизма в качестве учения, заимствованного Марксом от Гегеля, причем она всячески искажалась.

Так, например, И. Пленге приходил к заключению, что концепция Маркса в решении исторических и социально-экономических проблем основывается якобы на

---

[71] М. В. Серебряков в своей превосходной книге «Фридрих Энгельс в молодости» опроверг все утверждения о какой-либо положительной роли Штейна в формировании мировоззрения Маркса и Энгельса (М. В. Серебряков. Ф. Энгельс в молодости, стр. 179—183).

содержании произведений Гегеля. С. Геландер в книжке «Маркс и Гегель» стремился доказать, что все важнейшие положения социальной философии Маркса в своем изначальном виде уже существовали в философии права Гегеля, у которого будто бы заимствованы и теория концентрации капитала и обнищания масс, и учение о классовой борьбе, и проч.[72]

Подобный взгляд развивал Леви-Кореф, который в брошюре «Карл Маркс и Гегель» утверждал, что марксизм является прямым следствием и развитием гегелевской философии. Так, например, «три знаменитых марксистских положения здесь (в философии права) Гегелем высказаны со всей отчетливостью: теория накопления, теория концентрации и особенно — теория обнищания».[73]

Возникали и другие фальсификации. Андлер в «Le manifeste communiste» возвестил всему цивилизованному миру, что материалистическое понимание истории представляет собой «простое сочетание идей К. Пеккера и Ф. Листа», а Менгер утверждал, что не Маркс, а Томсон — самый выдающийся основатель научного социализма. Буржуазные идеологи объявили марксизм поверженным в прах, раз навсегда опровергнутым и уничтоженным.

И по сей день предпринимаются попытки представить марксизм учением, основанным на принципах и методе философии Гегеля. Например, Ж. Ипполит и Л. Боннель утверждают, что Маркс в своей социальной концепции исходил из идеи отчуждения, заимствованной от Гегеля, что это фундаментальное положение он сделал основой своей доктрины, в частности «Капитала».

Но против марксизма выступала не одна буржуазия. Ее союзником оказались идеологи мелкой буржуазии. «В начале первого периода, — указывает Ленин, — учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма».[74] Оно вынуждено было бороться с мелкобуржуазными течениями внутри рабочего движения. Все они

---

[72] S. Helander. Marx und Hegel. Jena, 1922, SS. 8, 9, 11, 12, 14, 16, 20, etc.

[73] H. Levy-Korev. Karl Marx und Hegel. Berlin, 1920, S. 20.

[74] В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.

были враждебны учению революционного марксизма и черпали свою «идейную силу» в борьбе против него из одного источника — буржуазной идеологии. В своей критике марксизма они копировали своих учителей. Их враждебные выпады против Маркса и Энгельса были очень часто лишь тенью буржуазного пасквиля на марксизм. Вслед за своими буржуазными друзьями они подвергли теорию марксизма трусливой, жалкой и лицемерной критике, предварительно сведя материалистическое понимание истории к «социальному детерминизму» и «экономическому материализму», а философию марксизма — к вульгарному материализму.

«Социальная утопия», выдвигаемая идеологами различных направлений в рабочем движении, стала со времени появления марксизма реакционной. Мелкобуржуазный социализм превратился в оковы для пробуждающегося рабочего класса. Поэтому борьба против мелкобуржуазного утопического социализма представляла для марксизма жизненную необходимость. Маркс указывал, что «значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию».[75]

---

[75] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 456.

Глава вторая

«КАПИТАЛ» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОБОСНОВАНИИ ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

Экономические произведения Маркса и в первую очередь «Капитал» сыграли исключительно важную роль в обосновании Марксом теории научного социализма. В «Капитале» был дан глубочайший анализ капиталистического способа производства, его закономерностей; капитализм был рассмотрен как одна из ступеней великой лестницы социального прогресса, ведущей со всей исторической неизбежностью к коммунизму; была вскрыта тайна капиталистической эксплуатации. Энгельс в одной из своих рецензий на первый том «Капитала», напечатанных анонимно, писал: «При всем радикально-социалистическом подходе рассматриваемой книги к своей задаче, при всей резкости и беспощадности, с которыми она выступает в различных областях против людей, считающихся авторитетами, мы должны все же признать, что это — в высшей степени ученый труд, претендующий на строжайшую научность».[1]

Вся экономическая концепция Маркса пронизана критикой существующих производственных отношений; она раскрывает закономерности и тенденции, доказывающие неизбежность гибели капиталистического способа производства. Эта критика была дана с точки зрения того класса, который представлял интересы дальнейшего прогрессивного развития общества.

«Капитал» оказал огромное влияние на передовые умы второй половины XIX и начала XX в. Со времени выхода

---

[1] Ф. Энгельс. Рецензия на первый том «Капитала» К. Маркса для «Elberfelder Zeitung». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 219—220.

в свет «Капитала» буржуазные теоретики не могли не считаться с учением Маркса как научной концепцией, глубоко теоретически обоснованной.

Основные идеи «Капитала» наряду с идеями «Манифеста Коммунистической партии» послужили теоретической основой программных документов Международного Товарищества Рабочих, а впоследствии и программ марксистских партий.

После выхода в свет «Капитала» мало у кого из вдумчивых и серьезных исследователей осталось представление, что марксизм не имеет научного обоснования. Марксизм из гипотезы стал глубоко обоснованной теорией. Ленин замечает, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества».[2]

«Капитал» Маркса, естественно, в качестве модели современного общества имел самую развитую капиталистическую страну — Англию, — в которой в наиболее острой форме и в относительно «чистом виде» протекали процессы капиталистического развития. Англия в то время показывала европейским странам их будущее.

Сила абстрактных обобщений в «Капитале» тесно связана с анализом конкретных фактов и явлений. Социологические и экономические исследования составляют конкретный фундамент теоретических исследований Маркса. Изучение и обработка отчетов фабричных инспекторов, официальных отчетов о применении детского и женского труда, а также статистических данных из различных сборников представляют собой неотъемлемую часть аналитических изысканий Маркса в «Капитале». Это относится не только к главе «Рабочий день», но и к главам «Разделение труда и мануфактура», «Машины и крупная промышленность» и др.

В «Капитале» дано обоснование важнейшим сторонам теории научного социализма, в частности учению о классовой борьбе. Маркс вскрыл анатомию капиталистического общества — экономические основы его социальной структуры и тенденции его дальнейшего развития, а в связи с этим — расширения классовой борьбы пролетариата против капиталистического способа производства.

---

[2] В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73.

Маркс показал, что интересы буржуазии и пролетариата, капитала и труда непримиримо противоположны.

Анализируя субъективную сторону производительных сил, Маркс вместе с тем подчеркивает, что в капиталистическом обществе духовные потенции материального производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабощающая их сила. Машинный труд отнимает у рабочего всякую возможность свободной физической и духовной деятельности. Капиталистическая промышленность отделяет от рабочего науку как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу. Моральные силы рабочего становятся во враждебное отношение к эксплуататорской сущности капитала. Растет антагонизм классов.

Маркс, таким образом, показывает, что капитал по своей природе резко сужает проявление субъективных возможностей рабочих, лишает труд его духовного, творческого содержания. Человеческая жизнь рабочего и ее духовные потенции, по выражению Маркса, отчуждаются. Рабочий в производственной деятельности осуществляет не свои цели, а цели капиталиста, трудится не свободно, а в силу необходимости поддержать свое физическое существование. Капитализм обезличивает человека. Субъективный фактор отчуждается в целях и интересах капитализма. Жизнь учит пролетария борьбе против бесчеловечных отношений буржуазного общества.

Маркс в своих ранних экономических произведениях, а также в «Капитале», в главе о товарном фетишизме, глубоко анализировал процесс «обезличивания» или «овеществления» рабочего, его индивидуальных способностей; интеллектуальные, психологические и другие духовные потенции рабочего ставятся на службу капитала. Обедняя и угнетая его возможности, капитализм вместе с тем создает условия для возмущения и борьбы рабочих против него. Экономические факты и тенденции, установленные Марксом, непоколебимы.

Важнейшим открытием Маркса является закон прибавочной стоимости, который был глубоко обоснован в «Капитале». С открытием этого закона и анализом его действия Марксу удалось показать сущность капиталистической эксплуатации и вытекающих отсюда непримиримых классовых противоположностей между пролетариатом и буржуазией. Марксова теория прибавочной стои-

мости имеет величайшее революционизирующее значение: она раскрывает тайну эксплуатации рабочих и указывает путь их освобождения. Поэтому теория прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономического учения марксизма.

В «Капитале» Маркс показывает, что за экономическими отношениями стоят отношения социальных сил — классов современного общества, выясняет роль рабочего класса в создании материальных ценностей и его историческую миссию — могильщика капитализма. В «Капитале», замечает Энгельс, речь идет об уничтожении капитала вообще.

Выясняя сферу отношений капитала и наемного рабочего, Маркс вскрывает закономерности и тенденции, ведущие к классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. Касаясь борьбы рабочего класса за уменьшение рабочего дня, он пишет: «. . . установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом».[3]

Маркс в «Капитале» раскрывает неизбежность нарастания классовой борьбы пролетариата против буржуазии. Анализируя экономические категории «норма прибавочной стоимости», «прибыль» и др., он показывает, что капитал стремится к безграничному росту эксплуатации рабочего класса, который постепенно усиливает сопротивление этим тенденциям, организуется в борьбе против капитала. Маркс показывает, что из развития капитализма с исторической неизбежностью растет фронт классовой борьбы. «Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих, — пишет он, — растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление».[4]

В главе «Машины и крупная промышленность» Маркс показывает, что применение машин капиталом ведет к сокращению оплачиваемого труда, к повышению эксплуатации. Машины служили капиталистам в качестве мощного боевого орудия «для подавления периодических возмуще-

---

[3] К. Маркс. Капитал, т. I. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 308.

[4] Там же, стр. 342.

ний рабочих, стачек и т. д., направленных против самодержавия капитала».[5]

Но крупная машинная промышленность, указывал Маркс, становится необходимой предпосылкой нового способа производства. Из вещественного содержания капиталистического способа производства возникает тенденция замены капитализма коммунизмом. В недрах капиталистического хозяйства созревают материальные основы уничтожения капитализма. И одновременно растет возмущение и сопротивление рабочего класса, который постоянно увеличивается численно, обучается, объединяется и организуется самим процессом капиталистического способа производства. Историческое призвание рабочего класса заключается в том, чтобы «совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы».[6] Устранение капитализма совершается не автоматически. Помимо материальных предпосылок, для этого требуются действия трудящихся, их борьба против существующих общественных отношений. Маркс указывает как на объективные, материальные, так и на субъективные предпосылки для устранения капиталистической общественной формации.

Маркс на основе глубочайшего анализа фактов и тенденций экономического строя капитализма пришел к неопровержимому заключению, что капитализм представляет собой последний общественный строй, опирающийся на эксплуатацию. Все содержание «Капитала» вело к такому выводу. В 24-й главе первого тома Маркс писал о необходимости социалистической революции: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».[7]

Маркс обосновал в своем труде неизбежность коммунистического общества. Буквально во всех разделах «Капитала» раскрываются так или иначе закономерности и тенденции, ведущие к централизации средств производства в руках общества, к коренному изменению формы распре-

---

[5] Там же, стр. 445.

[6] К. Маркс. Послесловие ко второму изданию «Капитала». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 18.

[7] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 773.

деления продуктов, к уничтожению капиталистической формы эксплуатации, к ликвидации наемного труда и т. д. Маркс отмечал, что при коммунизме люди будут работать общими средствами производства, станет общественным и продукт их труда. Общество будет осуществлять контроль над способом производства и распределением. Маркс писал, что человек при коммунистическом строе будет относиться как надзиратель и регулятор не только к процессу производства, но и к «сочетанию человеческих действий и к развитию человеческих отношений».[8]

Важно при этом заметить: Маркс показал, что технический прогресс необходимо ведет к ликвидации капиталистического способа производства, требует замены его коммунизмом. Освещение этой стороны проблемы придает еще большую научную обоснованность и достоверность положениям марксизма. Социализм в «Капитале» трактуется как «союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу».[9]

Но «Капитал» Маркса не только теоретически обосновывает неизбежность революционного устранения капитализма и историческую необходимость перехода к коммунистической общественно-экономической формации. В нем раскрываются некоторые стороны этой новой формации: роль производительных сил и технического прогресса, значение производительности труда и пр. В работах Маркса сформулированы наиболее важные принципы политической экономии социализма (планомерность развития народного хозяйства, распределение по труду и др.). Рассматривая сокращение рабочего времени (рост производительности общественного труда) как общий закон различных формаций, Маркс подчеркивал его особое значение при социализме. Современная политическая экономия социализма использует Марксов анализ многих категорий, в том числе схему расширенного воспроизводства. Маркс в «Капитале» анализирует в общих чертах процесс воспроизводства в коммунистическом обществе. Он отмечает, что закономерности, вытекающие из материальных условий производства и труда, присущие рас-

---

[8] Большевик, 1939, № 11—12, стр. 15.
[9] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 88.

ширенному капиталистическому воспроизводству, будут действовать в целом и в коммунистическом обществе.

Идеологическим положениям прудонизма и лассальянства был нанесен сокрушительный теоретический удар. Анализ Марксом капиталистического воспроизводства со всей четкостью показывает, что автоматически капитализм не создает постепенного перехода к новой общественной формации. Расширенное воспроизводство означает воспроизводство капиталистических общественных отношений. Поэтому все попытки ревизионистов обосновать свою концепцию постепенного врастания капитализма в социализм были развеяны в прах экономическим анализом Маркса в «Капитале».

Все сказанное особенно касается разделов, где рассматриваются проблемы накопления, воспроизводства, обнищания рабочего класса.

Большую популярность «Капитал» приобрел в России, где он впервые был издан в переводе на иностранный язык. Маркс писал Л. Кугельману: «Несколько дней тому назад один петербургский книгоиздатель поразил меня известием, что сейчас печатается русский перевод „Капитала"... Мое сочинение против Прудона (1847), а также то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит „Капитал", оказывается русская».[10]

Перевод «Капитала» Маркса на русский язык был далеко не случаен. Еще до этого книга вызвала широкие отклики в русской печати. Она получила весьма благожелательные оценки еще в 1869 г. в «Отечественных записках» и др.

В «Отечественных записках» в 1870 г. была напечатана статья В. И. Покровского «Что такое рабочий день? (по Марксу, «Das Kapital», 1867)». Она представляла собой в общем переложение главы «Капитала» о рабочем дне. Статья обращала внимание на тяжелое положение русского рабочего и его бесправие. «А при общей бедности и нередком голодании наших рабочих „свободной конкуренции" между ними так много, что воля хозяина может решительно ничем не стесняться, кроме пределов физической возможности».[11]

---

[10] К. Маркс — Л. Кугельману. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 472.

[11] Отечественные записки, 1870, т. IV, стр. 407—434.

Популярность «Капитала» Маркса в России объяснялась тем, что русская передовая общественная мысль жадно искала ответа на поставленные жизнью вопросы о социальном прогрессе в стране. Ленин отмечал, что «для русских социалистов почти тотчас же после появления „Капитала“ главным теоретическим вопросом сделался вопрос о „судьбах капитализма в России“; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения».[12]

Появление в русском переводе «Капитала» послужило значительным толчком для более широкого проникновения идей марксизма в русские нелегальные организации и для широкого обсуждения в легальной печати экономической, философской и социологической системы марксизма в целом.

Идеи «Капитала» получили широкое распространение в странах Европы. С изложением отдельных вопросов «Капитала» Маркс выступал в Генеральном Совете Интернационала. Многие идеи «Капитала» легли в основу важнейших документов Интернационала. Из них исходили сторонники Маркса при рассмотрении конкретных проблем рабочего движения. Так, например, «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам», составленная Марксом и зачитанная как официальный доклад Генерального Совета на I Конгрессе Товарищества, содержала практические выводы из положений «Капитала» о необходимости ограничения рабочего дня, труда детей и подростков и т. д.

С характеристикой идей «Капитала» выступали на различных собраниях и совещаниях А. Бебель, В. Либкнехт. Идеи «Капитала» получили широкое распространение среди немецких рабочих. Маркс писал в послесловии ко второму изданию: «Понимание, которое быстро встретил „Капитал“ в широких кругах немецкого рабочего класса, есть лучшая награда за мой труд».[13] В предложенной III Конгрессу Интернационала (1868 г.) резолюции немецкой делегации рекомендовалось людям всех нацио-

---

[12] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 275.

[13] К. Маркс. Послесловие ко второму изданию «Капитала», стр. 13.

нальностей произведение Маркса «Капитал», в котором впервые был дан научный анализ капиталистического способа производства, и указывалось на необходимость перевода книги на те языки, на которые она еще не переведена.

«Капитал» научно объясняет историческую миссию пролетариата, его роль в создании материальных ценностей, а с другой стороны — в уничтожении капиталистического способа производства и построении нового, коммунистического общества. К анализу этих проблем мы и переходим.

Глава третья

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

Огромной исторической заслугой Маркса и Энгельса является анализ социальной структуры капиталистического общества и обоснование исторической миссии пролетариата. Из анализа экономической структуры общества основоположники марксизма выводят его социальное строение, обосновывают роль каждого класса в нем и особую, социалистическую миссию рабочего класса — его борьбу против капитализма и за построение коммунистического общества.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Марксом и Энгельсом дан глубочайший анализ капиталистического общества, его социальной структуры и разработан вопрос об исторической миссии пролетариата. Характеризуя содержание «Манифеста», Энгельс в своем предисловии к третьему немецкому изданию (1883 г.) писал: «Основная мысль, проходящая красной нитью через весь „Манифест", мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества на-

всегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу».[1]

Этот новый, научный взгляд нанес смертельный удар утопизму в объяснении общественных явлений. Исходя из материалистического понимания истории, Маркс и Энгельс сформулировали положение, согласно которому возникновение классов в обществе и последовавший за этим антагонизм между ними были вызваны экономическим развитием общества. Возникновение частной собственности и изменение ее форм лежат в основе этого исторического процесса. Этот фундаментальный социальный закон лег в основу теории научного социализма.

Конечно, Маркс и Энгельс в своем открытии исходили из тех положительных элементов, которых достигла социальная теория того времени. Это относится не только к некоторым весьма прогрессивным положениям Сен-Симона и Фурье, а также Гегеля, но, как мы отметили, и ко взглядам историков периода реставрации — О. Тьерри, Минье, Гизо. Последние в своих исторических работах выдвинули вопрос о классовых интересах, о борьбе классов и пытались связать эту борьбу с некоторыми экономическими проблемами.

Ставя вопрос о классовой борьбе в обществе, Гизо и другие историки, однако, не смогли выяснить фундаментальные основы этого исторического процесса в антагонистическом обществе. Правда, некоторые из них приближались к решению проблемы, когда выдвигали вопрос о значении поземельной собственности в развитии классовой борьбы. Но эти отдельные попытки не могли привести их к необходимым теоретическим заключениям. Классики политической экономии А. Смит, Д. Риккардо безусловно понимали связь, существующую между распределением продукта в обществе и классами, а также той борьбой, которая возникает на почве процесса распределения. Но все предшественники Маркса лишь эмпирически устанавливали факт борьбы классов и влияния ее на экономи-

---

[1] Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1883 года. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 1—2. — Разумеется, творцом теории научного социализма и исторического материализма является также и Энгельс.

ческую и социально-политическую жизнь. Маркс же, исходя из факта борьбы классов, разработал целостную теорию. В этом было существенное различие между ним и его предшественниками.

Маркс пошел дальше всех этих попыток связать классовую борьбу с отдельными сторонами экономического развития общества. Он раскрыл внутреннюю связь существования классов, характера и содержания классовой борьбы с определенными историческими фазами развития производства. Благодаря этому проблема классовой борьбы в обществе, в частности капиталистическом, получила теоретическое разрешение.

Понятие «классовая борьба пролетариата против буржуазии» раскрыло социальную закономерность капиталистического общества. Оно показало социально-экономические основы этой борьбы, ее содержание, формы и тенденции. Само собой разумеется, эта категория исторического материализма и научного социализма в дальнейшем непрерывно конкретизировалась и обогащалась Марксом и Энгельсом.

В «Манифесте Коммунистической партии» они формулировали основной социальный закон развития антагонистических обществ. «История всех до сих пор существовавших обществ, — писали основоположники марксизма, — была историей борьбы классов».[2] Учение о борьбе классов сделалось у Маркса и Энгельса одним из важных логических звеньев социологической теории и теории научного социализма.

Основой существования классов и их борьбы между собой являются определенные способы производства и те изменения, которые происходят в них. «Но не только отношение одной нации к другим, — писали Маркс и Энгельс, — но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения».[3] Материальное производство непосредственной жизни обусловливает общественные отношения людей, — следовательно, отношения классов и классовую борьбу.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 424.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 20.

Еще в «Немецкой идеологии» Марксом и Энгельсом был поставлен вопрос о тех материальных факторах, которые обусловливали собой появление классов в обществе. Различные ступени в развитии разделения труда определили собой те или иные формы частной собственности, которые и влекли изменения в социальной структуре общества. Три формы собственности предшествовали современной, буржуазной форме: 1) племенная, 2) античная общинная и государственная собственность и 3) феодальная или сословная собственность. Эти формы собственности обусловили определенную классовую структуру общества. Историю человеческого общества поэтому «всегда необходимо изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена».[4]

История человечества характеризуется прежде всего сменой производства и форм собственности, а следовательно — отношений классов. Эти отношения до сих пор являются отношениями господства и подчинения. «Существование угнетенного класса, — писал Маркс, — составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов».[5]

Касаясь социальной структуры современного общества, Маркс писал, что «антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию».[6] Социальная структура капиталистического общества характеризуется тремя классами: наемным рабочим, промышленным капиталистом и земельным собственником. Эти классы составляют остов современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства.

Экономический анализ отношений этих классов был дан Марксом в «Капитале». «Собственники одной только рабочей силы, собственники капитала и земельные собственники, — писал Маркс, — соответственными источниками доходов которых является заработная плата, прибыль и земельная рента, следовательно, наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три

---

[4] Там же, стр. 28.

[5] К. Маркс. Нищета философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 184.

[6] Там же.

больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства».[7]

Правда, в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс указывал, что капиталистическому способу производства имманентно присущи класс капиталистов и пролетариат. «Капиталист и наемный рабочий, — писал Маркс, — являются единственными носителями функций производства и теми его агентами, взаимоотношение и противоположность между которыми проистекают из сущности капиталистического способа производства».[8] В этом определении, а также отчасти и в предшествующем, Маркс абстрагируется от классов переходных, которые связаны были с предшествующей общественно-экономической формацией. Он рассматривает здесь капитализм в его «чистом виде».

Рассматривая конкретную структуру той или иной капиталистической страны, Маркс и Энгельс, кроме того, указывали на существование мелкой городской буржуазии и крестьянства. Энгельс, характеризуя социальную структуру Германии, писал: «Основная масса нации, не принадлежавшая ни к дворянству, ни к буржуазии, состояла в городах из класса мелких ремесленников и торговцев и из рабочего люда, в деревне же — из крестьянства».[9]

В основу понятия общественного класса основоположники марксизма клали прежде всего отношение людей к средствам производства на определенной ступени их развития. Так, например, Энгельс в «Принципах коммунизма», определяя пролетариат как общественный класс, отмечает, что для него характерно отсутствие средств производства и добывание средств к жизни путем продажи своего труда. Буржуазия, напротив, монополизирует средства производства и с помощью их эксплуатирует наемный рабочий класс. Во владении и пользовании крепостного крестьянина находится орудие производства, клочок земли, за что он отдает часть своего дохода или выполняет барщину. Это различное отношение к средствам производства и обусловливает характер класса.

---

[7] К. Маркс. Капитал. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 457.

[8] Там же, т. 26, ч. II, стр. 162.

[9] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 10.

Признаком общественного класса, который находится в подчинении, является также характер труда: труд раба, труд крепостного, труд наемного рабочего класса. И соответственно тот или иной труд, та или иная форма его эксплуатации обусловливают источник дохода. Социальная структура общества всегда отражает способ производства с присущим ему антагонизмом классов. Способ производства определяет все моменты социального бытия класса. Отсюда вытекает роль класса в общественной организации труда.

Важнейшим положением теории научного коммунизма является выяснение исторической миссии пролетариата. Современная крупная промышленность создала материальные и социальные условия, при которых только и может быть уничтожена эксплуатация человека человеком. Только рабочий класс, лишенный средств производства, в состоянии совершить великий социальный переворот, результатом которого будет уничтожение всякой классовой эксплуатации и всякого классового господства. Именно это обстоятельство является решающим, и потому, составляя в общей массе населения огромного большинства стран численно меньшую часть, пролетариат становится руководителем всех эксплуатируемых классов. Только он способен сплотить вокруг себя эксплуатируемых, сделать их своими союзниками. Отсюда проистекает понятие его гегемонии в мировом революционном процессе.

Маркс и Энгельс впервые взглянули на пролетариат не только как на страдающий класс, но и как на субъект исторического творчества, призванный к революционному преобразованию современного общества. Они выделили пролетариат из всей массы угнетенных и эксплуатируемых и раскрыли его объективную революционную роль, а также заинтересованность в социальной революции. Пролетариат, являясь носителем новых производительных сил и производственных отношений, выступает в качестве защитника всех угнетенных групп и классов, становится в ходе классовой борьбы представителем всего общества. Так была обоснована социалистическая миссия рабочего класса. Маркс и Энгельс, подвергая критике общую концепцию Лассаля, обращали внимание на то, что Лассаль никогда не понимал этой всемирно-исторической миссии.

Не сразу рабочий класс достигает понимания своей исторической роли в обществе. Он проходит длительный

путь развития, прежде чем, по выражению Маркса, он превращается из «класса в себе» в «класс для себя».

Чтобы показать степень зрелости политического сознания рабочего класса, его готовность выступить против буржуазии в качестве класса-антипода и осознание им своей исторической роли, Маркс, как мы уже говорили, выдвинул эти два понятия. «Классом в себе» он называл такую историческую ступень в развитии рабочего класса, когда последний социально и политически был не организован, у него еще отсутствовало понимание своих классовых интересов. Пролетариат еще не осознал себя как класс, противостоящий буржуазии.

Напротив, вторая ступень в развитии пролетариата характеризуется тем, что он осознает свои классовые интересы и свою историческую роль в обществе, объединяется в социальную и политическую силу во главе со своей партией. Само собой разумеется, этот переход из «класса в себе» в «класс для себя» совершается не сразу. Зачаточные формы организованности и зародыши классового сознания мы находим у рабочего класса и тогда, когда он в целом еще представляет «класс в себе». Но и на второй ступени исторического развития не исключены элементы стихийности, неорганизованности в его действиях. Вполне организованной и политически сознательной является только более или менее передовая часть его.

Эта диалектика социального и политического развития рабочего класса глубоко проанализирована Марксом в целом ряде произведений. Она теснейшим образом связана у него с проблемой отчуждения и ее постепенной ликвидации.

В «Капитале» Маркс показывает, что капитализм с самого начала отчуждает от рабочего не только средства производства, с помощью которых он добывает себе пропитание, но и его физическую и духовную энергию, способности. Рабочие через страдания, нищету и унижения проходят голгофу капитализма. Только в процессе классовой борьбы, которая возникает на базе сплочения рабочих крупных капиталистических предприятий, пролетариат постепенно осознает свои исторические задачи. Это связано также с тем, что буржуазия в ходе истории становится реакционным классом.

Маркс и Энгельс сформулировали весьма важный закон. «Рабочий класс, — писал Энгельс в 1846 г., — неиз-

бежно является орудием в руках буржуазии, пока буржуазия *сама революционна* или прогрессивна. Поэтому отдельное движение рабочего класса в подобном случае всегда имеет второстепенное значение. Но с того самого дня, когда буржуазия получает всю полноту политической власти, с того дня, когда все феодальные и аристократические привилегии уничтожаются властью *денег*, с того дня, когда буржуазия *перестает* быть прогрессивной и революционной и сама уже не движется вперед, — с этого именно дня движение рабочего класса становится ведущим и превращается в *общенациональное движение*».[10]

Маркс и Энгельс, выдвигая вопрос о превращении рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя», обращают внимание на то, что это связано с возникновением у него своей классовой идеологии. Недостаточно еще чувства антагонизма, принимающего разнообразные оттенки у рабочего, борющегося против капиталиста, чтобы он понял свои исторические задачи в борьбе против буржуазного общества. Необходим переход от смутного, неосознанного чувства классового антагонизма к сознательной борьбе на основе классовой идеологии. В «Капитале» Маркса показан процесс постепенного перехода от классового инстинкта к классовому сознанию, от стихийной солидарности к осознанной и организованной солидарности.

Основоположники марксизма в своих произведениях показывают, что начиная с 40-х годов с каждым новым историческим периодом — по мере развертывания классовой борьбы — все более возрастала роль пролетариата как в национальном, так и в международном масштабе. Они формулируют тезис о возрастающей исторической роли пролетариата в борьбе за социальный прогресс. Жизнь подтвердила истину марксизма.

В настоящее время противники марксизма-ленинизма всячески стремятся опорочить учение о всемирно-исторической роли пролетариата. Приводят всякого рода ложные доводы. Утверждают, что оно неприменимо к современному рабочему классу, так как его экономическое, социальное и политическое положение в обществе резко изменилось. Призывы Маркса будто бы были обращены

---

[10] Ф. Энгельс. Положение в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 575.

к пауперам. Бертран Вольф в книге «Марксизм: сто лет жизни доктрины» (1967 г.) пытается опровергнуть положение Маркса о социалистической миссии рабочего класса, ссылаясь на коренные изменения, которые произошли со времени Маркса в области экономики, социального и политического устройства и отразились в экономическом положении рабочего класса, в его мышлении.

Нужно ли говорить, что все эти утверждения находятся в полном противоречии с современным революционным процессом, в котором рабочий класс выступает гегемоном, главным двигателем исторического прогресса, выражающим интересы широчайших народных масс.

Подведем краткие итоги. Маркс и Энгельс вскрыли законы возникновения, развития и гибели капитализма и анализировали социальную структуру капиталистического общества; рассмотрели понятие класса; вскрыли классовый антагонизм в обществе; определили историческую роль классов в капиталистическом обществе, наметив тенденции их дальнейшего развития; обосновали социалистическую миссию пролетариата; рассмотрели процесс превращения рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя».

Глава четвертая

УЧЕНИЕ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ И РЕВОЛЮЦИИ. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ И СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА

Опираясь на реальные факты всемирной истории, а также на накопленный идейный материал, основоположники марксизма в «Манифесте Коммунистической партии» глубоко и всесторонне обосновали тезис о том, что законом существования и гибели антагонистического общества является борьба классов. Эта борьба вытекает из экономического положения классов и охватывает все сферы общественной жизни. В капиталистическом обществе борьба развертывается между пролетариатом и буржуазией. Но в нее вовлекаются все остальные классы и социальные группы. Не существует ни одной сферы в обществе, которая так или иначе не была бы затронута классовой борьбой. Понятие классовой борьбы в теории научного коммунизма — весьма сложное понятие, в котором отражены различные социальные интересы и противоречия, экономическая, идеологическая и политическая сферы деятельности классов, насильственные или относительно мирные формы их действия.

Основоположники марксизма отмечали три основные формы классовой борьбы: экономическую, политическую и идеологическую. В политической борьбе они видели решающий способ борьбы пролетариата против буржуазии. Всякая классовая борьба неизбежно принимает объективно политический характер. Касаясь экономических забастовок английского рабочего класса, Маркс писал: «Чтобы правильно оценить значение забастовок и рабочих союзов, мы не можем позволить ввести себя в заблуждение тем обстоятельством, что их экономические результаты внешне незначительны, — мы должны иметь в виду

прежде всего их моральные и политические последствия».[1]

Маркс и Энгельс устанавливают принципиальное отличие характера и целей классовой борьбы пролетариата против буржуазии от борьбы классов в предшествующие исторические эпохи. «Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество».[2] Рабочий класс выступает как борец не только за новый экономический порядок в обществе, но и за новый социально-политический строй и является носителем новой идеологии.

Эта историческая закономерность обусловливает решающую революционную роль рабочего класса в современном обществе. Нет других социальных сил, которые могли бы сплотить вокруг себя угнетенные классы и ниспровергнуть существующий капиталистический строй. Это — результат объективных условий самого капиталистического общества. Рабочий класс, постепенно осознающий свою историческую миссию, противостоит классу буржуазии как целостная социальная и политическая сила. Борьба принимает политический характер. «...борьба класса против класса, — писал Маркс, — есть борьба политическая».[3]

Маркс и Энгельс обосновали социалистическую миссию пролетариата и тем самым его ведущую роль по отношению к другим эксплуатируемым классам. Это вытекало из анализа событий в революциях 1848 г. Уже тогда рабочий класс выступил боевой силой, вокруг которой сплачивались остальные прогрессивные силы революции. Касаясь восстания в Дрездене, Пфальце и других городах,

---

[1] К. Маркс. Русская политика по отношению к Турции. — Рабочее движение в Англии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 174—175.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 435.

[3] К. Маркс. Нищета философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 183.

Энгельс писал: «Во всех случаях *подлинные боевые* силы повстанцев состояли из *городских рабочих*, которые первыми брались за оружие и вступали в сражение с войсками».[4]

Весьма важное положение было выдвинуто Энгельсом в работе «Революция и контрреволюция в Германии» при обосновании решающей революционной роли рабочего класса. Он указывал, что «рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы его во всяком другом, от которого можно было бы ждать, что оно либо устранит некоторые препятствия на его пути к политическому господству и социальной революции, либо, по крайней мере, заставит более влиятельные, но менее смелые общественные классы придерживаться более решительного и революционного курса, чем тот, которого они придерживались до сих пор. Рабочий класс взялся за оружие с полным сознанием того, что по своим непосредственным целям это не его собственная борьба».[5]

Энгельс констатирует, что рабочий класс заинтересован непосредственно не только в своей социальной революции, но и в последовательном, наиболее полном развитии буржуазной революции, расчищающей путь к его будущей самостоятельной борьбе против эксплуататоров. Рабочий класс тем самым, по словам Энгельса, представлял действительные и правильно понятые интересы нации в целом. Он ускорял ход революции. Этот весьма важный тезис Маркс и Энгельс подчеркивали всегда, когда возникал вопрос о тактике рабочего класса в буржуазной революции.

Анализируя участие других классов и социальных групп в революции, основоположники марксизма уже на опыте революций 1848 г. приходили к выводу о непоследовательности и своекорыстии буржуазии, шедшей на компромиссы с феодальной реакцией.

Как и во всякой буржуазной революции, в Германии в 1848 г. аграрный вопрос играл решающую роль. Но он имел свои особенности. Борьба немецкого крестьянства в революции направлялась не просто против феодальной

---

[4] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 103.
[5] Там же.

собственности, но и против враждебного крестьянству «прусского пути» преодоления феодализма.[6]

В революции принимало активное участие крестьянство. Анализ его позиции приводил Энгельса к заключению, что не могло быть и речи об одинаковом участии различных социальных слоев крестьянства в революции. «Почти всегда личное социальное положение каждого в отдельности решало, к какой стороне он примыкал. Сельский батрак обычно присоединялся к городским рабочим; мелкий крестьянин-собственник обнаруживал склонность идти рука об руку с мелким буржуа».[7]

Такая расстановка классовых сил в революциях 1848 г. получила подтверждение в последующих исторических событиях. Маркс в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» со всей определенностью указывал, что в странах, где крестьянство составляет существенный элемент нации, рабочие могут развернуть социальную революцию успешно лишь в том случае, если они сумеют привлечь на свою сторону крестьянство. «Французские рабочие, — писал он, — не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам».[8]

Классовая борьба пролетариата, объединяющего эксплуатируемые классы против капитализма, на определенном этапе ее развития непосредственно подготавливает социалистическую революцию. В революциях Маркс и Энгельс видели решающий фактор социального прогресса в условиях антагонистического общества. По словам Маркса, революции — локомотивы истории.

Основоположники марксизма подчеркивали, что социалистическая революция возникает на основе действия внутренних социальных сил во главе с пролетариатом. Ее возникновение обусловливается определенной сте-

---

6 Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, SS. 88—89.

7 Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии, стр. 104.

8 К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 17.

нению экономической зрелости общества. В статье «Морализирующая критика и критизирующая мораль» в «Deutsche Brüsseler Zeitung» Маркс указывал, что если пролетариат свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь мимолетной, пока не возникнут необходимые материальные предпосылки для устранения буржуазного способа производства. «Точно так же лишь кратковременным было бы и свержение абсолютной монархии, если бы экономические условия недостаточно созрели для господства класса буржуазии».[9] Люди строят себе новый мир из исторических приобретений своего отживающего мира. «В самом ходе своего развития должны они сперва *произвести материальные условия* нового общества, и никакие могучие усилия мысли или воли не могут освободить их от этой участи».[10] Социальная революция предполагает прежде всего объективные материальные условия и классовые силы.

В своих последующих работах основоположники марксизма уточняют и углубляют понятия социальной и социалистической революции. В классической форме Маркс в работе «К критике политической экономии» («Предисловие») сформулировал известный тезис: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции».[11]

Здесь Маркс устанавливает общие социально-экономические основы революции. Эти общие основы должны быть конкретизированы при рассмотрении различных форм революции.

Пролетариат, выступая как революционная и преобразующая сила, становится руководящим классом в социалистической революции, привлекает к борьбе против буржуазии союзников в лице крестьянства и мелкой город-

---

[9] К. Маркс. Морализирующими критика и критизирующая мораль. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 299.

[10] Там же.

[11] К. Маркс. К критике политической экономии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

ской буржуазии. В отношении последней Маркс и Энгельс предупреждали, что не следует разделять иллюзий: масса мелких буржуа непоследовательна, нерешительна и нередко пассивна. Они отмечали, что мелкая буржуазия ведет борьбу за сохранение ремесленных форм промышленности и торговли, против непосильной для нее конкуренции с капиталистическими предприятиями. Ее основа — мелкая, по своей форме еще докапиталистическая собственность.

Маркс и Энгельс отчетливо понимали, что в большинстве европейских стран стоит пока историческая задача совершить буржуазно-демократический переворот. Рассматривая под этим углом зрения революцию 1848 г. в Германии, они считали важнейшей задачей ликвидацию монархии и объединение Германии в единую республику. Решающими движущими силами революции являлись народные массы: мелкая буржуазия, крестьяне и пролетариат. Но ни один из этих классов тогда не был в состоянии принять на себя руководство революцией. Эта историческая задача падала на буржуазию, которая, однако, пошла на компромисс с феодализмом, предала революцию.

Но, формулируя историческую задачу буржуазной революции в Германии, Маркс и Энгельс обращали внимание на то, что пролетариат вовсе не должен быть сторонним наблюдателем этой революции. Он кровно заинтересован в ней, поскольку она приближает его к социалистической революции и политически воспитывает его как революционную и преобразующую силу в обществе. Да и сами исторические события требуют участия пролетариата в буржуазной революции, его вмешательство в ход этих событий становится необходимым. Поэтому, указывал Энгельс, нужно передовой, фактически пролетарский фланг толкать дальше вперед.

Вся тактика «Новой Рейнской газеты» была направлена к дальнейшему развитию пролетарского движения и вместе с тем к обеспечению его самостоятельности, передовой роли пролетариата в демократической борьбе масс.

Определяя тактику пролетарской партии, Маркс и Энгельс боролись на два фронта: с одной стороны, с теми, кто хотел ограничить участие пролетариата в революции, кто был против выдвижения им самостоятельных демократических требований; с другой стороны, с теми революционерами, которые стремились забежать вперед, при-

меняя методы тайных заговоров и не считаясь с объективными условиями развития буржуазно-демократической революции. В первом случае Маркс и Энгельс подвергли критике С. Борна, руководителя «Центрального комитета берлинских рабочих», и его сторонников, стремившихся затормозить развитие революции, сковывая революционную инициативу рабочего класса и лишая его политической самостоятельности. Во втором случае основоположники марксизма выступили против А. Готшалька, председателя «Кельнского рабочего союза», не понимавшего буржуазно-демократического характера революции, провозгласившего в сущности требования «рабочей революции». Несколько позже они отвергли тактику фракции Виллиха—Шаппера, которая после поражения революции настаивала на подготовке вооруженного восстания путем тайного заговора. Маркс писал, что Виллих и Шаппер «не могут разобраться в ходе истории, не хотят понять, что форма движения изменилась. Отсюда игра в тайные заговоры и революции».[12]

Подытоживая исторический опыт революций 1848 г., Маркс и Энгельс проанализировали их основные закономерности и тактику различных классов. Прежде всего было подчеркнуто, что эти революции, будучи по своим историческим задачам буржуазно-демократическими, совершались в различных странах на базе особых социально-экономических и идеологических отношений (Франция, Германия и т. д.). Революция во Франции развязала противоречия, которые при благоприятной обстановке могли повести к социальной революции пролетариата. Предвидя наступление событий в будущем, Маркс и Энгельс в марте 1850 г. писали: «Если немецкие рабочие и не смогут достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью более длительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть, по крайней мере, уверенность, что первый акт этой приближающейся революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен».[13]

---

[12] К. Маркс. Послесловие ко второму изданию «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 550.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Соч., т. 7, стр. 267.

Предвидения Маркса и Энгельса относительно характера будущей социальной революции во Франции, как известно, сбылись в 1871 г., когда возникла Парижская Коммуна.

Анализируя закономерности буржуазной революции, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что по характеру развития исторических событий и результатам их в различных странах революции существенно отличаются друг от друга. Они в этом плане противопоставляли французскую революцию 1789 г. половинчатой революцией в Германии в 1848 г. В первом случае феодализм был сметен революцией; буржуазия пришла к власти, крестьяне из ее рук получили землю. Во втором случае все дело кончилось тем, что феодальные отношения сохранились, буржуазия получила жалкие подачки. Такое положение вещей определялось целым рядом объективных исторических условий, а также действиями классов.

Особенностью революций XIX в. является возникновение социальных проблем, в которых кровно был заинтересован пролетариат. Буржуазно-демократические революции совершаются в этот период по сравнению с более ранними революциями в условиях, когда пролетариат так или иначе занял важнейшее место в структуре капиталистического общества и стал проявлять в своем движении политическую самостоятельность. Маркс в 1852 г. писал, что «социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого».[14]

Изменилось соотношение классовых сил. В период революции 1793 г. были лишь зачатки рабочего класса. В революциях 1848 г. рабочий класс в различных странах на разных ступенях своего исторического развития выступил серьезной революционной силой. Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии» писал, касаясь открытых восстаний в 1848 г., что подлинными боевыми силами в революционных действиях выступали г о р о д с к и е р а б о ч и е.

Рабочий класс, по словам Энгельса, стремился увлечь нацию на революционный путь, по мере сил ускорял ход революции. Пролетариат был заинтересован в буржуазно-

---

[14] К. М а р к с. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 8, стр. 122.

демократической революции, как заключили основоположники марксизма. Это имело весьма важное значение для определения революционно-пролетарской тактики. Одним из важнейших теоретических выводов Маркса из исторического опыта революции 1848 г. было указание на самостоятельность рабочего класса в революции. «Так как последовательное дальнейшее развитие революции в высокой степени зависело от выступления рабочего класса, обращали свое внимание коммунисты на то, чтобы организовать пролетарские силы».[15]

Маркс еще накануне революции писал, что рабочие «могут и должны участвовать в *буржуазной революции*, поскольку она является предпосылкой *рабочей революции*. Но рабочие ни одного мгновения не могут рассматривать буржуазную революцию как свою *конечную цель*».[16]

В ходе революции 1848 г. Маркс выдвигает понятие революционной диктатуры народа. Народ должен сплотиться для нанесения удара по монархии и феодальным условиям жизни в Германии. Он должен захватить политическую власть в свои руки. Рабочий класс должен при этом непременно сыграть решающую роль.

Анализируя особенности революции 1848 г., Маркс писал: «История прусской, как и вообще немецкой буржуазии с марта по декабрь доказывает, что в Германии невозможна чисто *буржуазная революция* и установление *буржуазной власти* в форме *конституционной монархии*, что возможна либо феодально-абсолютистская контрреволюция, либо *социально-республиканская революция*».[17]

Революционная диктатура народа мыслилась Марксу на стадии буржуазно-демократической революции. Ее историческая задача заключалась в уничтожении диктатуры помещиков, в очищении страны от всего старого, средневекового и в создании объективных условий для дальнейшего развития революции.

Понятие революционной диктатуры народа у Маркса имело общий характер. Оно получило свое дальнейшее развитие у Ленина на опыте революции 1905 г. Ленин

---

[15] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 79.

[16] К. Маркс. Морализирующая критика и критизирующая мораль, стр. 313.

[17] К. Маркс. Буржуазия и контрреволюция. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 134.

раскрыл Марксову формулу в своем учении о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Эта революционная диктатура народа должна была способствовать процессу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую при определенных конкретно-исторических условиях.

Устанавливая общие причины будущей социальной революции пролетариата, Маркс считал, что при наличии промышленного процветания возможность социалистической революции против буржуазии исключается, так как отсутствует острота противоречий в развитии производительных сил и буржуазных форм производства. «При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы* и *буржуазные формы производства*, вступают между собой в *противоречие*».[18]

Только глубокие противоречия в области экономики, подрывающие экономические устои в капиталистическом обществе и затрагивающие коренные интересы трудящихся классов, усиливающие их борьбу, могут вызвать революцию. Касаясь положения в Англии летом 1850 г. и анализируя тогдашние социально-экономические отношения, Маркс и Энгельс приходили к заключению, что о революции не может быть и речи. Наступил период реакции. «*Новая революция*, — писал Маркс, — *возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего*».[19]

В ряде своих критических выступлений против идеологов заговорщицких концепций революции Маркс самым недвусмысленным образом указывал, что революции вырастают из развития социально-экономических отношений и из борьбы классов. Они не могут быть «созданы» по произволу отдельных лиц и сект. Революции — это движение масс в обстановке социально-экономического и политического кризиса. Маркс выступил против так называемых «импровизированных революций». Он критиковал Мад-

---

[18] К. Маркс. Классовая борьба во Франции..., стр. 100.
[19] Там же.

зини и его последователей за их вечные заговоры, за отсутствие понимания того, что революции не делаются сверху. «Революции, — писал Маркс, — никогда не делаются по приказу».[20]

Обращаясь к сторонникам Мадзини, Маркс писал в одной из своих корреспонденций в «New York Daily Tribune» в 1853 г.: «...если вы в течение трех лет кричите: *действовать, действовать, действовать*, и весь ваш революционный словарь ограничивается одним словом „восстание", то нельзя рассчитывать, что у вас хватит авторитета продиктовать в любой момент: *восстания не должно быть*».[21]

Весьма важные выводы Маркс и Энгельс сделали из опыта революций 1848 г. в отношении движущих сил. Мы уже отмечали, что они со всей ясностью указывали на то, что пролетариат должен добиваться привлечения крестьянства на свою сторону. Крестьянство — естественный союзник пролетариата. Но это станет возможным лишь в процессе борьбы рабочего класса за своего будущего союзника. Маркс и Энгельс подчеркивали, что класс мелких крестьян разобщен, часто пассивен, цепляется за старые традиции, держится за свою парцеллу. Рабочий класс должен бороться за присоединение крестьянства к его борьбе.

Энгельс в 1852 г. вслед за Марксом, объясняя причины поддержки крестьянами Луи Бонапарта, писал: «Этот класс — мелкие крестьяне, обремененные ипотечным долгом, — составляя по крайней мере три пятых французской нации, был, как и всякое сельское население, тяжел на подъем, чтобы действовать самому или поддаться воздействию извне; он цеплялся за свои старые традиции, относился с недоверием к премудростям апостолов всех партий из городов; вспоминая, что ему жилось привольно, что он был свободен от долгов и сравнительно богат во времена императора, он передал с помощью всеобщего избирательного права исполнительную власть в руки его племянника».[22]

---

[20] К. Маркс. Миланское восстание. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 551.

[21] К. Маркс. Кошут и Мадзини. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 572—573.

[22] Ф. Энгельс. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого года. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 239.

Маркс и Энгельс подчеркивали необходимость проведения пролетариатом в ходе революции активной агитации среди крестьянства для завоевания его на свою сторону.

Оценивая роль мелкой городской буржуазии — переходного класса, — основоположники марксизма усматривали в ней весьма значительную силу в революции. Это относится не только к немецкой и австрийской революциям 1848 г., но и к французской революции 1848 г. В тот период времени мелкий торговый и промышленный люд составлял основную массу населения в городах, особенно административных центрах. История революций 1848 г. свидетельствует о существенном значении позиции этого класса. Мелкая буржуазия городов на первых этапах революции играла положительную роль.

Вместе с тем отсутствие решительности, непрерывные колебания и неспособность мелкой буржуазии проводить последовательную прогрессивную политику против господствующего класса характеризовали ее поведение в революциях 1848 г. «Мелкая буржуазия, — писал Энгельс, — великая в хвастовстве, совершенно не способна к действию и трусливо избегает рисковать чем бы то ни было. Мелочная природа ее торговых сделок и кредитных операций как нельзя более способна наложить отпечаток на весь ее характер, лишая его энергии и предприимчивости; поэтому следовало ожидать, что такими же свойствами будет отличаться и ее политическая деятельность».[23]

Мелкая городская буржуазия в период кризисов в революции покидала рабочий класс. Она стремилась к общественным изменениям лишь на почве существующего строя и вовсе не помышляла о действительной социальной революции. Анализ социальной природы мелкой буржуазии и ее политической деятельности приводил Маркса и Энгельса к убеждению, что рабочий класс в своем поведении должен считаться как с объективными, так и с субъективными условиями положения этого класса в обществе. Отсюда должна вытекать тактика пролетарской партии по отношению к мелкой буржуазии. В марте 1850 г. основоположники марксизма писали: «Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с ней против той фракции, к низ-

---

[23] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии, стр. 105.

вержению которой рабочая партия стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить свое положение в своих собственных интересах».[24]

Из исторического опыта февральской революции во Франции и других странах Маркс и Энгельс пришли к весьма важному выводу о возможности сближения буржуазно-демократической революции в ходе ее развития с социалистической революцией. Не обязательно буржуазная революция должна быть отделена от социалистической значительным периодом. Этот тезис получил свою точную формулировку в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов», хотя он довольно ясно вытекал из того анализа, который Маркс и Энгельс дали в своих произведениях, посвященных революции 1848 г. В конце «Обращения» указывалось, что боевым лозунгом рабочего класса должна стать «непрерывная революция».

Маркс и Энгельс понимали, что на европейском континенте буржуазно-демократические революции будут в ходе своего развития перерастать в социальные революции пролетариата. В «Обращении» они набрасывают модель будущей буржуазно-демократической революции, поведения классов и партий, а также намечают тактику революционно-пролетарской партии на различных этапах буржуазно-демократической революции, подводящей к этапу самостоятельной пролетарской борьбы.

Как известно, В. И. Ленин, основываясь на этом анализе, данном основоположниками марксизма, разработал учение о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Перед Марксом и Энгельсом, обосновавшими неизбежность пролетарской революции в буржуазном обществе, вставал вопрос о закономерностях ее развития. Подчеркивая, что пролетариат каждой страны должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией, они вместе с тем считали, что коммунистическая революция должна произойти одновременно по крайней мере в большинстве передовых стран.

Еще в «Немецкой идеологии» основоположники марксизма в несколько абстрактной форме писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствую-

---

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Обращение... стр. 260.

щих народов, произведенное „сразу", одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения».[25]

Энгельс в «Принципах коммунизма» ставил вопрос: «Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране?». На этот вопрос он давал следующий конкретный ответ: «Нет. Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии».[26]

В своем предположении Маркс и Энгельс учитывали ту ступень развития капитализма, на которой он тогда находился. То был период промышленного капитализма, когда закон неравномерности экономического и политического развития не обнаружился с такой силой и резкостью, как это произошло позже, именно в эпоху империализма.

Подчеркивая, что победа социалистической революции может быть одержана как совместная победа пролетариев ряда развитых капиталистических стран, Маркс и Энгельс считали, что сама по себе революция могла начаться не обязательно одновременно во Франции, Англии, Германии. Но они понимали, что в условиях того этапа социально-экономического развития ни внутренних, ни внеш-

---

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3. стр. 34.

[26] Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 334.

них условий для победы пролетариата, а тем более для ее полного обеспечения ни в одной из европейских стран не было. Они учитывали и то, что в тех условиях легко было создать контрреволюционную коалицию государств против революции в одной стране. Энгельс тщательно подсчитывал возможности как революции во Франции, так и контрреволюции, отмечая, что последняя имеет безусловно численный перевес в вооруженных силах.

Маркс и Энгельс, обращая внимание на особое положение Англии, наиболее экономически развитой капиталистической страны, вместе с тем отмечали, что одиночное выступление английского пролетариата находилось бы под сильнейшей угрозой. Англия зависела от сырья и хлеба, которыми ее снабжали страны континента. Ее рынок сбыта зависел в значительной степени от европейских стран. Реакционные европейские государства могли нанести серьезный удар по экономике Англии.

Возник перед Марксом и Энгельсом также вопрос о насильственной или мирной формах революции. В «Принципах коммунизма» Энгельсом был поставлен вопрос: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?». Ответ гласил: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов изо всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом».[27]

В период 40-х и 50-х годов Маркс и Энгельс по преимуществу подчеркивали насильственную сторону революции, — прежде всего потому, что это был период нарастания революции, за которым последовала волна контрреволюции.

[27] Там же, стр. 331.

В ходе революционных событий, будучи их современниками, основоположники научного социализма переоценивали иногда реальные возможности для созревания предпосылок социалистической революции. Это было естественно. Маркс и Энгельс страстно желали приближения революции рабочего класса. Но преувеличение в предсказании близкого краха капитализма и победы социалистической революции касалось лишь сроков. Тенденции и историческая неизбежность этих событий были безусловны. При жизни Маркса и Энгельса Парижская Коммуна подтвердила это со всей очевидностью.

Маркс и Энгельс подробно рассмотрели и обосновали вопрос об активной, решающей роли субъективного фактора в процессе классовой борьбы и социальной революции. Этой проблеме они посвятили немало страниц в своих произведениях, раскрыв диалектику соотношения объективных условий и субъективного фактора. Решение этой проблемы дает возможность вскрыть механизм воздействия человека на окружающую его действительность с целью ее преобразования, что, в свою очередь, приводит к признанию определяющего — в конечном счете — значения объективных, в первую очередь экономических условий в историческом процессе, но при этом и *активной, а подчас решающей роли субъективного фактора*.

Все силы сознания, в процессе практики воздействующие на объективные условия и их изменяющие, составляют субъективный фактор. Но эти силы сознания неравнозначны. Решающей стороной субъективного фактора является целенаправленная сознательная деятельность людей, класса, народа, партии, выражающая объективные тенденции исторического прогресса. Остальные стороны субъективного фактора — моральный, психологически-волевой, организационный и иные компоненты — могут при известных объективных условиях играть весьма важную роль, в отдельных событиях. приобретая даже иногда решающее значение.

Само собой разумеется, субъективный фактор может быть прогрессивным и реакционным, и отсюда проистекают его различные связи с объективными условиями. Реакционный субъективный фактор вырастает из отживающих или отживших, консервативных общественных отношений, и тип связи его с объективными условиями — использование консервативных условий и приспособление

к новым возникающим условиям с целью их использования для сохранения существующего.

Прогрессивный субъективный фактор вырастает из развивающихся объективных социально-экономических отношений. Он выражает сознание и волю прогрессивных классов в процессе их практической деятельности и борьбы.

В статье «Рабочий митинг в Лондоне» Маркс писал, что «ни одно серьезное нововведение, ни одна решающая мера не были проведены» в Англии без больших внепарламентских народных демонстраций, в которых деятельное участие принял рабочий класс, действовавший по собственному побуждению, выступая либо в качестве главного лица, либо в качестве хора.[28]

В исторических работах, в которых Маркс и Энгельс исследовали конкретные закономерности революции 1848 г., со всей решительностью подчеркивалось, что рабочий класс своей беззаветной деятельностью и мужеством ускорял ход исторического развития. Энгельс писал, что пролетариат «по мере сил ускорял ход революции, которая стала теперь исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы. . .».[29]

Рассматривая закономерности социальной революции, Маркс и Энгельс обращают внимание на роль субъективного фактора, отмечая такие важные стороны его, как революционная активность, мужество, отвага класса, который вступил на путь революции. «Но в революции, как и на войне, — писал Энгельс, — всегда необходимо смело встречать врага лицом к лицу и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом».[30]

Известны положения Энгельса, относящиеся к вооруженному восстанию. В произведении «Революция и контрреволюция в Германии» Энгельс, характеризуя восстание как искусство, рассматривает различные стороны субъективного фактора и их значение для успеха восстания.

---

[28] К. Маркс. Рабочий митинг в Лондоне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 465.

[29] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии, стр. 104.

[30] Там же, стр. 80.

Он подчеркивает решимость идти до конца («никогда не следует играть с восстанием»), наступательность, создание и удержание морального перевеса в борьбе с противником и смелость повстанцев.

Все это Энгельс считает необходимым для успеха восстания, само собой разумеется, при наличии объективных условий. Инициатива, отвага проистекают из ясного понимания положения вещей. Но субъективный фактор становится решающим лишь в определенных обстоятельствах.

Касаясь причин поражения класса мелкой буржуазии в немецкой революции, Энгельс снова обращает внимание на значение субъективного фактора. «Мы уже видели, — писал он о классе мелкой буржуазии, — какую он потерпел неудачу — не столько из-за неблагоприятных обстоятельств, сколько из-за своей явной трусости, неизменно проявлявшейся во всех решающих движениях, какие только имели место с начала революции; он потерпел эту неудачу из-за того, что в политике обнаружил ту же самую близорукость, малодушие и нерешительность, которые характерны для его коммерческих операций. В мае 1849 г. вследствие такого поведения он уже утратил доверие рабочего класса — подлинной боевой силы всех европейских восстаний».[31]

Проблеме социальной психологии, психологии того или иного класса в разные исторические периоды Маркс и Энгельс придавали серьезное значение, считая необходимым учитывать настроение масс, их энтузиазм и решимость в борьбе.

Анализируя конкретный исторический процесс, основоположники марксизма раскрывают структуру не только идеологии, но и социальной психологии, всех тех изменений, которые возникают в психологии классов в обществе. Они прекрасно понимали, что идеологические и психологические процессы сопутствуют друг другу, взаимодействуют между собой.

В своих исторических работах Маркс и Энгельс глубоко и с конкретными подробностями анализируют и такую весьма важную сторону субъективного фактора, как проведение своей политики различными классами (буржуазией, мелкой буржуазией, рабочим классом) накануне и в период революции. Они с исключительной глуби-

---

[31] Там же, стр. 112.

ной раскрывают политическую деятельность партий, боровшихся между собой за власть, а также политическую роль вооруженных сил контрреволюции. Характеристика в этом плане буржуазных и мелкобуржуазных партий и их руководителей дает возможность Марксу показать конкретно в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» роль субъективного фактора в развитии революции по нисходящей линии.

Вместе с тем Маркс раскрывает объективную социально-экономическую сторону субъективного фактора. Она является определяющей. Энгельс указывал, что необходим объективный анализ исторических событий, для того чтобы пролетариат и его партия могли действовать в нужном направлении.

Решая вопрос о роли субъективного фактора в общественно-историческом развитии, Маркс и Энгельс боролись против двух крайних ложных концепций: фаталистического и волюнтаристского истолкования исторического процесса. В борьбе против идеалистов из буржуазного лагеря и представителей реакционного утопического социализма Марксу и Энгельсу пришлось со всей основательностью анализировать зависимость субъективного фактора и его действий от объективных обстоятельств и условий общественной жизни. Они подвергли критике тезис волюнтаризма о независимости сознания и воли. Борясь же с попытками противников марксизма навязать ему вульгарно-материалистическое объяснение истории и квиетизм, Маркс и Энгельс исследовали роль сознательной и организованной деятельности и борьбы пролетариата, а также его психологических и моральных сил.

Резюмируем. Маркс и Энгельс 1) обосновали объективные основы классовой борьбы в капиталистическом обществе; 2) анализировали вопрос об основных формах классовой борьбы; 3) наметили в основном вопрос о гегемонии пролетариата; 4) поставили и обосновали вопрос о союзе пролетариата и крестьянства; 5) раскрыли социально-экономическое и политическое содержание пролетарской революции; 6) поставили вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую; 7) рассмотрели проблему победы социалистической революции в условиях промышленного капитализма; 8) выдвинули вопрос об объективных и субъективных условиях революции.

Глава пятая

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Разрабатывая учение о социалистической революции, Маркс и Энгельс неизбежно пришли к вопросу о том, что же будет с политической властью, с государством после победы пролетариата. Еще в «Немецкой идеологии» основоположники марксизма в общей форме заявили о том, что рабочий класс в революции завоюет политическую власть. Они писали, что «каждый стремящийся к господству класс, — если даже его господство обусловливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть».[1]

В «Принципах коммунизма» Энгельс отмечал, что социалистическая революция «создаст *демократический строй* и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата. Прямо — в Англии, где пролетарии уже теперь составляют большинство народа, косвенно — во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа».[2] Политическая власть должна осуществить конкретные мероприятия социалистической революции.

В «Манифесте Коммунистической партии» общим выводом из глубокого анализа капиталистического общества является научно обоснованное положение о необходимости

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 32.

[2] Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 332.

свержения рабочим классом буржуазии и установления им своего политического и экономического господства — диктатуры пролетариата. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс по существу ставят вопрос о диктатуре пролетариата, когда говорят об установлении пролетариатом своего господства. Ленин в своих заметках о «Манифесте» указывает на то, что хотя в нем нет еще термина «диктатура пролетариата», но очевидно, что превращение пролетариата в «господствующий класс», его «организация как господствующего класса», его «деспотическое вмешательство в право собственности» и т. д. — это и есть «диктатура пролетариата».[3]

Понятие диктатуры пролетариата, введенное Марксом и Энгельсом в их теорию, неразрывно было связано с понятием пролетарской революции.

Маркс в теоретическом анализе диктатуры пролетариата обращает внимание не только на ее политическую сторону, но в особенности на социально-экономическую сторону, на те социально-экономические мероприятия, которые должны произвести коренные изменения в современных общественных отношениях.

Идея диктатуры пролетариата красной нитью проходит через все содержание «Манифеста Коммунистической партии». «Пролетариат, — указывается в нем, — использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».[4] Пролетариат вторгается деспотически в право собственности, организует социалистическое хозяйство.

Маркс и Энгельс выдвинули социально-экономическую программу действий пролетариата после победы над буржуазией, подчеркнув, что эти мероприятия будут иметь различный характер в различных странах. Общими мероприятиями являются:

«1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

---

[3] Ленинский сборник, т. XIV, стр. 283.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 446.

«2. Высокий прогрессивный налог.

«3. Отмена права наследования.

«4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

«5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

«6. Централизация всего транспорта в руках государства.

«7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

«8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, а в особенности для земледелия.

«9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

«10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.».[5]

Эта социально-экономическая программа, конечно, рассчитана на значительный период. Но Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» пока еще не ставят вопрос о переходном периоде и фазах развития коммунистического общества, характеризуют в общей форме экономический, социальный и политический прогресс на пути к коммунизму. «Когда в ходе развития, — писали Маркс и Энгельс, — исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности,

[5] Там же, стр. 446—447.

уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса».[6]

В этом положении основоположники марксизма еще не отделяют исторические процессы, по времени относящиеся к переходному периоду, от тех, которые присущи последующим стадиям новой общественной формации. Касаясь государства диктатуры пролетариата, они отмечают вместе с тем его демократический характер. Рассматривая государство пролетариата в перспективе его дальнейшей судьбы, Маркс и Энгельс подчеркивают, что общественная власть потеряет свой политический характер. Останется публичная власть как управление экономическими и социальными процессами.

Подытоживая опыт февральской революции 1848 г., Маркс и Энгельс обращаются к вопросу о государстве будущего после завоевания пролетариатом политической власти. В произведении «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркс дал глубокое обоснование диктатуры пролетариата. Он показал, что существующей буржуазной диктатуре в ходе непрерывной революции должна противостоять пролетарская диктатура. Здесь впервые употреблен термин «диктатура пролетариата».

Подчеркивая самую суть теории научного социализма, Маркс писал о пролетарском социализме в противовес доктринерскому социализму: «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений».[7] Маркс имеет в виду в сущности фазу социализма, которая необходимым образом связана с предшествующей переходной ступенью. Но он пока не делает такого теоретического вывода. Для него, однако, нет сомнений в том, что для уничтожения классовых различий и тех «отношений производства», на которых они строятся, необходима диктатура пролетариата

---

[6] Там же, стр. 447.

[7] К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 91.

как **переходная ступень**. «Понятие „диктатура пролетариата“, содержание которой обрисовано уже в „Манифесте Коммунистической партии“, сделалось твердой составной частью теории государства научного коммунизма».[8]

В работах основоположников марксизма, относящихся к периоду поражения революций 1848 г., настойчиво выдвигается положение о завоевании пролетариатом политической власти как цели непрерывной революции. Рабочий класс должен стремиться к социальному и политическому господству. В статье «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» Энгельс, анализируя вопрос о борьбе английского рабочего класса вокруг билля о десятичасовом рабочем дне, писал: «*... никакое прочное улучшение его положения не может быть добыто для него другими... он сам должен добыть его, прежде всего посредством завоевания политической власти... Социальная революция и господство пролетариата — утверждаем мы*».[9]

К числу важных теоретических выводов по вопросу об отношении пролетариата к буржуазному государству принадлежит тезис Маркса, сформулированный им в 1852 г. Он писал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее».[10]

Таким образом, Маркс, анализируя социальную и политическую роль государственной машины в предшествующих революциях, пришел к заключению, что все перевороты прошлого не трогали эксплуататорского существа государственного аппарата, они его лишь усовершенствовали. То же произошло и в период революции 1848 г. во Франции и других странах. «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе».[11]

Пролетарская революция не может использовать эксплуататорскую машину в своих социально-экономиче-

---

[8] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 174.

[9] Ф. Энгельс. Вопрос о десятичасовом рабочем дне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 242—243.

[10] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 206.

[11] Там же.

ских и политических интересах. Она должна сломать ее. Вывод напрашивался сам собой: пролетариат, по Марксу, должен создать свою собственную государственную машину.

Оценивая огромное значение теоретического положения Маркса, Ленин писал:

«В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с „Коммунистическим Манифестом“. Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

«Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве».[12]

Ленин при этом замечает, что в 1852 г. Маркс еще не ставит конкретно вопрос о том, чем заменить буржуазную государственную машину. Исторический опыт еще не давал материала для ответа на этот вопрос.

Вновь упоминание о диктатуре пролетариата мы находим в документе, относящемся к апрелю 1850 г. Маркс и Энгельс предприняли новую попытку создать международную организацию революционеров по руководству рабочим движением. В первой статье основного договора по созданию «Всемирного общества коммунистов-революционеров» значилось: «Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода».[13] Договор был подписан Марксом, Энгельсом, Виллихом и другими видными революционерами.

Против употребления термина «диктатура пролетариата» выступил редактор «Neue Deutsche Zeitung» Люнинг 22 июня 1850 г. Он утверждал, что тезис о диктатуре пролетариата будто бы приходит в противоречие со стрем-

---

[12] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 28.

[13] Всемирное общество коммунистов-революционеров. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 551.

лением революционеров уничтожить классы и всякие классовые различия.

На выступление Люнинга последовал ответ Маркса в газете «Neue Deutsche Zeitung». В нем Маркс разъясняет, что здесь нет никакого противоречия, что, напротив, диктатура пролетариата вырастает в ходе развития революции против буржуазии и что перед ней стоит историческая задача уничтожения в обществе классов вообще. В подтверждение своей точки зрения Маркс ссылался на «Нищету философии» и «Манифест Коммунистической партии».[14]

Вопрос о диктатуре пролетариата четко сформулирован Марксом в письме к И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г., где он писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*».[15]

Диктатура пролетариата рассматривалась Марксом как социально-политический закон развития общества, вступившего в социалистическую революцию.

Идея Маркса и Энгельса об овладении политической властью как о предварительном условии социального освобождения рабочего класса получила распространение не только на континенте, но и в Англии. Так, Э. Джонс, видный чартист в «People's Paper», испытавший значительное влияние идей Маркса, неоднократно высказывал в 50-х годах мысль о том, что социального освобождения рабочий класс не сможет добиться без предварительного овладения политической властью.

---

[14] К. Маркс. Заявление редактору «Neue Deutsche Zeitung». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 339.

[15] К. Маркс — И. Вейдемейеру. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 424—427.

В интересной статье М. П. Мариничевой «„Red Republican" — печатный орган революционного чартизма» [16] раскрывается влияние идей Маркса и Энгельса на наиболее левую часть чартистов, дается анализ статей Макфарлин в «Red Republican» в 1850 г., где автор выдвигает программу в духе требований марксизма: уничтожение земельной и промышленной частной собственности, отмена антагонистических классов, осуществление принципа ассоциации, справедливое распределение продуктов. Что касается политической власти, то Макфарлин писала: «. . . мы должны не только пытаться передать политическую власть в руки народа, но и научить его, *как использовать эту власть, когда он будет иметь ее*».[17]

В «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» в 1864 г. подчеркивалось, что «завоевание политической власти стало, следовательно, великой обязанностью рабочего класса. Рабочие, по-видимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии».[18]

Вместе с тем следует отметить, что ни в «Учредительном манифесте», ни во «Временном уставе» нет термина «диктатура пролетариата». Это объяснялось тем, что Маркс при организации Интернационала должен был учитывать различный уровень сознания представителей тех организаций, которые вошли в Международное Товарищество Рабочих. Программа должна была быть составлена в общей форме, которую могли принять руководители таких организаций, как английские тред-юнионы, французские прудонисты, немецкие лассальянцы и т. д.

Маркс предполагал, что в ходе развития рабочего движения, в условиях выработанного общими усилиями различных организаций единства будет создана программа, исходящая из принципов научного социализма. Лишь

---

[16] В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, ГИПЛ, М., 1963.

[17] Цитируется по статье М. П. Мариничевой в сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, стр. 532—533.

[18] К. Маркс. Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 10.

в результате рабочей революции в 1870 г. в Париже завоевание рабочим классом политической власти квалифицируется в документах Интернационала как установление диктатуры пролетариата.

Резюмируем. Выводом из теории классовой борьбы и революции Маркса и Энгельса является учение о диктатуре пролетариата. Они разработали программу социально-экономических, политических и идеологических мероприятий диктатуры пролетариата и пришли к выводу, что существующая государственная машина буржуазии должна быть разбита и заменена новой. Диктатура пролетариата представляет переход к уничтожению классов, к обществу без классов.

Глава шестая

ПРОБЛЕМА ПАРТИИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Вопросы политической организации рабочего класса встали перед Марксом и Энгельсом с самого начала их деятельности. Они придавали исключительное значение этой стороне международного рабочего движения. Возникновение научного социализма было неразрывно связано с созданием Союза коммунистов и его работой.[1]

У истоков научного социализма находилась первая политическая организация рабочих, сыгравшая весьма видную роль в исторических событиях революции 1848 г. в Германии. «Союз коммунистов с первых дней революции принял активное участие в революционном движении в различных европейских странах».[2] Маркс и Энгельс непосредственно руководили его деятельностью.

Они понимали, что создание национальных пролетарских партий возможно лишь в процессе длительного политического воспитания рабочего класса, его борьбы с господствующими классами. Революции 1848 г. стали исходной точкой этого исторически неизбежного процесса. Энгельс писал впоследствии: «Когда разразилась февральская революция, немецкая „коммунистическая партия“, как мы ее называли, состояла лишь из немногочисленного ядра, из Союза коммунистов, организованного в тайное пропагандистское общество... Помимо рабочих обществ за границей, среди которых Союз вербовал своих членов,

---

[1] См.: Е. П. Кандель. Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953.

[2] Geschichte der deutschen Arbeitenbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 100.

у него было около тридцати общин, или секций, в самой Германии и, кроме того, были отдельные члены во многих местах».[3]

В партии коммунистов Маркс и Энгельс видели передовую часть рабочего класса. «Коммунисты, следовательно, на практике, — писали они, — являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».[4]

Союз коммунистов выступил в качестве той революционной рабочей организации, которая стремилась возглавить борьбу пролетариата. Маркс и Энгельс, прибыв в Кельн, основали ежедневный орган «Neue Rheinische Zeitung». Они делали все возможное, чтобы рабочий класс обрел сознательность, понимание стоящих перед ним исторических задач.[5]

Но обстановка в Германии была весьма тяжелая. Буржуазия в ходе революции переметнулась в стан контрреволюции. Мелкая городская буржуазия оказалась нерешительной и непоследовательной, крестьянство принимало слабое участие в революции. Что касается рабочих, то несмотря на свой героизм они еще политически не созрели. Местные общины были малочисленны и не имели органической связи с рабочим классом. Внутри руководящих кадров не было единомыслия в понимании исторических задач и в проведении революционной тактики. Вопрос упирался в подготовку субъективного фактора революции. Из опыта революций 1848 г. вытекала со всей ясностью необходимость создать революционную пролетарскую партию и с помощью ее внести социалистическую сознательность в ряды рабочего класса. Этот вывод сделали Маркс и Энгельс, выдвинув вопрос о партии на передний план деятельности марксистов. Энгельс отмечал

---

[3] Ф. Энгельс. Маркс и «Neue Rheinische Zeitung». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 14.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 437.

[5] См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 115—122.

впоследствии, что накануне 1849 г. делались первые шаги к основанию немецкой рабочей партии.[6]

Существенное влияние Маркс и Энгельс оказывали на чартистское движение в Англии в 50-е годы. Это влияние затрагивало не только теорию и идеологию, но и область организационно-политических идей. Борьба таких видных чартистов, как Э. Джонс, за массовую рабочую организацию в Англии проходила под влиянием Маркса.[7]

Маркс поддерживал возникшую идею Рабочего парламента, считая это шагом на пути к объединению всех сил английского рабочего класса в борьбе за социальную и политическую программу. Эта идея отвечала той исторической задаче, которую ставил Маркс, — созданию революционной партии в Англии.

Маркс и Энгельс стремились на основе внутренних сил революционного движения в стране создать революционно-пролетарскую организацию, используя дореволюционный организационный опыт, накопившийся в Союзе коммунистов.

Анализируя революционное движение во Франции, Италии и других странах, Маркс и Энгельс приходили к выводу о необходимости создания рабочих партий в этих странах. В связи с этим они подвергли критике всякого рода сектантские организации, мешавшие выполнению этой задачи.

Проблема классовой борьбы и революции, таким образом, тесно связана у основоположников марксизма с вопросом о роли революционной партии в освободительном движении пролетариата. Маркс и Энгельс с самого начала своей теоретической и практической деятельности стремились опереться на революционную организацию. «Союз коммунистов» стал центром пролетарского движения. В период революции 1848 г. он сыграл важную роль в развертывании исторических событий в Германии. Маркс, Энгельс, Шаппер обратились к трудящимся массам с «Требованиями Коммунистической партии в Гер-

---

[6] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 70.

[7] См. статью: В. В. Галкин. Борьба чартистов за создание массовой рабочей организации в Англии. В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, ГИПЛ, М., 1963.

мании». Они были напечатаны отдельной листовкой, а также опубликованы в демократических газетах.[8]

«В „Требованиях“ Маркс и Энгельс конкретизировали общие политические положения „Коммунистического Манифеста“ соответственно новому положению после первых успехов революции. Они изложили то, что нужно сделать для того, чтобы революцию привести к победе».[9] Это была целостная программа революционного пролетариата, рассчитанная не только на период буржуазно-демократической революции, но и на дальнейшее, имея в виду историческую перспективу. «Требования» учитывали объективные конкретные условия Германии, в первую очередь необходимость достичь национального единства страны путем уничтожения феодально-абсолютистского строя и создать демократическую республику. Программа предусматривала революционное разрешение аграрного вопроса — ликвидацию помещичьего землевладения и обращение земель в собственность государства.

В «Требованиях» был выдвинут целый ряд демократических мероприятий в области промышленности, финансов, транспорта и политического устройства государства. Германия объявлялась единой, неделимой республикой.

Программа предусматривала своими социально-экономическими преобразованиями довести буржуазно-демократическую революцию до конца. И больше: Маркс и Энгельс формулировали ряд требований, которые выходили за рамки буржуазной революции и означали «деспотическое вмешательство» в право собственности и в буржуазные производственные отношения. Программа предусматривала национализацию банка, транспорта и пр.; хотя эти мероприятия были буржуазно-демократическими, но здесь по существу в перспективе ставился вопрос о переходе к последующему этапу развития революции. Перед рабочими открывались дальнейшие исторические возможности. Таким образом, основоположники марксизма в своей программе социально-экономических и политических требований исходили из возможности при определенных условиях перехода от этапа буржуазно-демократической революции к революции пролетарской. Это

---

[8] См. статью: С. З. Левикова. Разработка Марксом и Энгельсом программы пролетариата. В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, ГИПЛ, М., 1963.

[9] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 101.

весьма важный момент в учении Маркса и Энгельса, который нашел развитие в их дальнейших работах. «В „Требованиях Коммунистической партии Германии“ дана программа действий народа, рассчитанная на буржуазно-демократическую революцию и на обеспечение передовой роли пролетариата в этой революции, выражением чего должна была стать революционно-демократическая диктатура».[10]

Нам представляется, что ко времени опубликования «Требований» у Маркса, по-видимому, складывается мысль о том, что буржуазно-демократическая революция в соответствующей обстановке не будет отделена длительным периодом от революции социалистической. Поэтому в требованиях предусмотрено переходное состояние общественного развития. Эти положения подтверждаются содержанием «Обращения...», в котором в 1850 г. был поставлен вопрос о непрерывности революции.

Основоположники марксизма подчеркивали, что пролетариат станет политической и идеологической силой, когда во главе его будет находиться самостоятельная политическая партия. «...пролетариат, — писал Энгельс, — становится силой с того момента, когда он образует самостоятельную рабочую партию, а с силой приходится считаться».[11] Анализ событий в революциях 1848 г. показал, что отсутствие необходимого руководства со стороны революционно-пролетарской партии народными массами влекло за собой стихийность движения, которое было использовано буржуазией в своих интересах.

Основоположники научного коммунизма стремились к созданию массовой партии, выражающей интересы класса. Они понимали, что в условиях 40-х годов рабочий класс еще недостаточно политически зрел. Но это в еще большей степени требовало работы в гуще пролетариата и в массовых рабочих организациях. В массовости Маркс и Энгельс видели одну из специфических черт пролетарской партии. Маркс диалектически решал вопрос о роли партии в классовой борьбе пролетариата: организация самостоятельной политической партии означала зрелость классовой борьбы и в то же время ее дальнейшее развертывание и сплочение рабочих.

---

[10] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 104.
[11] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии..., стр. 69.

Исходя из реальных объективных условий, которые указывали на то, что рабочий класс Германии еще слаб, политически не созрел для создания самостоятельной партии, Маркс и Энгельс считали необходимым включиться в общедемократическое движение, стремясь возглавить его. Иная тактика привела бы представителей Союза коммунистов к сектантству. По возвращении в Германию весной 1848 г., вспоминал Энгельс, они примкнули к демократической партии, потому что это было единственное возможное средство быть услышанными рабочим классом.

Маркс и Энгельс в конкретных условиях Германии 1848 г. глубоко проанализировали соотношение демократического и пролетарского начала в революции и заняли единственно правильную позицию — толкать дальше вперед демократическое движение, сохраняя при этом самостоятельность интересов и требований пролетариата. Тактика Маркса и Энгельса для условий Германии того периода заключалась в объединении всех прогрессивных сил страны для совместных действий в революции. Они подчеркивают, что в этом временном объединении должен обязательно проявиться специфически пролетарский характер левого фланга демократии.

Проблема организации рабочего класса в борьбе против буржазии встала перед основоположниками как важнейшая историческая проблема. Они подчеркивали решающее значение в революции таких сторон субъективного фактора, как организация и единодушие в политических вопросах. Энгельс, анализируя восстание рабочих в Париже (1848 г.), писал: «Если 40 000 парижских рабочих могли достигнуть таких огромных результатов в борьбе с противником, вчетверо превосходившим их численно, то что сможет совершить вся масса парижских рабочих, если она будет действовать единодушно и согласованно!».[12]

Маркс и Энгельс подчеркивали самостоятельный характер пролетарской партии, ее тактики. Энгельс писал: «Само собой разумеется, что во всех этих случаях рабочая партия не будет просто плестись в хвосте у буржуазии, а будет выступать как совершенно отличная от нее, самостоятельная партия. Она будет по всякому поводу

---

[12] Ф. Энгельс. Июньская революция (ход восстания в Париже). В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 158.

напоминать буржуазии, что классовые интересы рабочих и классовые интересы капиталистов прямо противоположны и что рабочие сознают это. Она будет сохранять и развивать свою собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии и только вести с последней переговоры как сила с силой. Таким путем она обеспечит себе позицию, которая внушит к ней уважение, будет разъяснять отдельным рабочим их классовые интересы, и при ближайшей революционной буре, — а эти бури теперь так же регулярно повторяются, как торговые кризисы и как бури в дни равноденствия, — будет готова к действию».[13]

Необходимость создания массовой пролетарской партии в Германии, помимо общих причин, обусловливалась историческими особенностями развития страны. История Германии сложилась иначе, чем история Франции и других стран. В Германии издавна прусская реакция представляла собой крупную и часто решающую силу. Коренные национальные вопросы решались половинчато, часто не прогрессивными силами народа, а сверху, господствующим классом. Революция 1848 г. осталась незавершенной. Буржуазия все больше политически сращивалась с реакцией.

Маркс и Энгельс боролись за революционный путь общественно-исторического развития Германии. Лишь в итоге распада Пруссии, в итоге ликвидации специфического духа пруссачества могла возникнуть, по их мнению, демократическая Германия. В этих условиях создание революционно-пролетарской партии было настоятельной необходимостью. Возникновение немецкой социал-демократической партии в Германии являлось результатом всей предшествовавшей деятельности Маркса и Энгельса, плодом их непрерывных усилий в этом направлении. Основоположники марксизма со всей резкостью поставили вопрос о необходимости для пролетариата иметь свою собственную, самостоятельную партию (1850 г.). «Вместо того, — писали они, — чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны добиваться того, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабо-

---

[13] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии.., стр. 78.

чей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний».[14]

Здесь была подчеркнута, во-первых, самостоятельность рабочей партии, во-вторых, необходимость сочетания легальной и нелегальной деятельности и, в-третьих, создание общинных организаций партии. Маркс и Энгельс одной из главных задач считали высвобождение рабочих из-под влияния буржуазии и мелкой буржуазии. Анализируя это влияние в период революции 1848 г. в Германии, Энгельс писал: «Пролетарской, или подлинно-революционной, партии лишь постепенно удавалось освобождать массу рабочих от влияния демократов, в хвосте которых они плелись в начале революции».[15]

Марксу и Энгельсу, развивавшим учение о создании революционно-пролетарской партии как необходимом условии победы рабочего класса, пришлось выдержать жестокую борьбу с идеологами заговорщицких обществ. Еще в период существования «Союза коммунистов» основоположники марксизма решительно выступили против заговорщицкой тактики, против попыток сужения массовой политической организации до небольшой конспиративной группы, ставящей себе целью свержение господствующих классов только с помощью заговора, вне связи с широким революционным движением. Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике подобное сектантство.

В рецензии на клеветнические памфлеты А. Шеню и Л. Делаода основоположники марксизма обрисовали заговорщиков периода 40-х годов, которые игнорируют объективные условия и обстоятельства жизни и руководствуются чисто субъективными представлениями. «Само собой разумеется, — писали они, — что эти заговорщики не довольствуются тем, чтобы вообще организовать революционный пролетариат. Их дело заключается как раз в том, чтобы опережать процесс революционного развития, искусственно гнать его к кризису, делать революцию экспромтом, без наличия необходимых для нее условий. Единственным условием революции является для

---

[14] Обращение ЦК к Союзу коммунистов. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 262.

[15] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 44,

них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют превратность представлений, ограниченность навязчивых идей прежних алхимиков. Они увлекаются изобретениями, которые должны сотворить революционные чудеса: зажигательными бомбами, разрушительными машинами магического действия, мятежами, которые должны подействовать тем чудотворнее и поразительнее, чем меньше имеется для них разумных оснований».[16]

Такого рода заговорщики, рекрутировавшиеся из мелкобуржуазной и люмпен-пролетарской среды, не могли иметь каких-либо прочных связей с рабочим классом. «По мере того как парижский пролетариат сам стал выдвигаться вперед в качестве партии, эти заговорщики начали терять руководящее влияние, среди них начался распад, они встретили опасную конкуренцию в тайных пролетарских обществах, ставивших себе целью не непосредственное восстание, а организацию и развитие пролетариата».[17]

И в последующие годы Маркс и Энгельс критиковали различные разновидности заговорщичества и сектантства, особенно когда на историческую арену партийной борьбы выступили бакунисты. Но об этом мы расскажем позже.

Основоположники марксизма не отрицали, что конспирация и нелегальная деятельность необходимы для революционно-пролетарской партии при определенных обстоятельствах общественной жизни, когда действует реакция. Но при любых обстоятельствах партию Маркс и Энгельс рассматривали как массовую, исходящую в своих действиях из объективных условий общественного развития. Она не должна быть сектантской. Только тогда, когда партия связана с массами, она становится революционной силой. Этому подчиняются все формы ее деятельности, в том числе конспиративные связи. В своем учении о революционно-пролетарской партии Маркс и Энгельс настаивали на том, что она должна иметь свою программу и свою тактику. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» основоположники марксизма указывали, что коммунисты стремятся выработать в умах рабочих ясное

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Рецензии. А. Шеню. «Заговорщики». Соч., т. 7, стр. 287—288.

[17] Там же, стр. 289.

сознание противоположности, враждебности интересов пролетариата и буржуазии. Излагая основы тактики коммунистов и отмечая, что коммунисты поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя, они самым решительным образом подчеркивали самостоятельность пролетарской партии.

Маркс и Энгельс критиковали первых чартистов, не понимавших необходимости создания партии английского рабочего класса. Они возлагали свои надежды на левое крыло чартизма во главе с Гарни и Джонсом. В связи с этим они считали, что для организации рабочей партии необходимо размежевание с правым крылом чартизма. Они поддерживали лидера чартистов Джонса в его стремлении возродить чартистское движение на новой политической основе, усматривая в этом возможность создания массовой политической организации английских рабочих. В «Письме Рабочему парламенту» (1854 г.) Маркс заявил, что перед Рабочим парламентом стоит историческая задача организации рабочего класса в национальном масштабе. Только при этом условии можно освободить производительные силы от оков монополии и подчинить их коллективному контролю производителей.

В 1865 г. Маркс писал об односторонности, узости тред-юнионизма: «Тред-юнионы успешно действуют в качестве центров сопротивления наступлению капитала. Частично они терпят неудачу вследствие неправильного использования своей силы. В общем же они терпят неудачу, поскольку ограничиваются партизанской борьбой против следствий существующей системы, вместо того чтобы одновременно стремиться изменить ее, вместо того чтобы использовать свои организованные силы в качестве рычага для окончательного освобождения рабочего класса, то есть окончательного уничтожения системы наемного труда».[18]

Маркс и Энгельс в 60-х годах уделяют значительное внимание вопросам тактики революционной партии пролетариата. Исходя из конкретного анализа революционных событий во Франции, Германии и других странах, а также из развития чартистского движения в Англии, они

---

[18] К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 155.

разрабатывали общие принципы революционно-пролетарской тактики (по отношению к различным классам и их партиям, к абсолютистско-феодальному и буржуазному государствам, к различным общественным институтам).

Принципиальная сторона этой проблемы выясняется ими в многочисленных статьях, посвященных рассмотрению вопросов о всеобщем избирательном праве, о национально-освободительном движении в Ирландии, Польше и др. Глубокая и содержательная статья Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» анализирует тактику пролетариата по отношению к различным классам Германии.

Сопоставляя феодальный и буржуазный классы в Германии, Энгельс приходил к выводу, исходя из опыта всей предшествующей истории, что «каждая победа реакции задерживает общественное развитие и неизбежно отдаляет момент победы рабочих. Напротив, каждая победа буржуазии над реакцией в известной мере является вместе с тем и победой рабочих, способствует окончательному свержению господства капиталистов, приближает время победы рабочих над буржуазией».[19] К реакции Энгельс относил также бонапартизм.

Отсюда Энгельс приходил к заключению, что «в интересах рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов *до тех пор, пока она верна самой себе*. Каждое завоевание, которое буржуазия вырывает у реакции, идет при этих условиях, в конечном счете, на пользу рабочему классу».[20]

Но эта поддержка буржуазии рабочим классом возможна в том случае, если движение буржуазии прогрессивно и отвечает интересам пролетариата. Однако во всех случаях рабочая партия должна быть самостоятельной и не плестись в хвосте у буржуазии. «Она будет по всякому поводу напоминать буржуазии, что классовые интересы рабочих и классовые интересы капиталистов прямо противоположны и что рабочие сознают это. Она будет сохранять и развивать свою собственную организацию в противовес партийной организации буржуазии и только вести с последней переговоры как сила с силой».[21]

---

[19] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии.., стр. 70.
[20] Там же, стр. 77.
[21] Там же, стр. 78.

Основоположники марксизма в своих произведениях глубоко проанализировали отношение пролетарской партии к мелкой городской буржазии и крестьянству. В предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» Энгельс рассмотрел различные социальные группы крестьянства и в этой связи поставил вопрос об отношении к ним рабочей партии. Указав, что в Северной и Восточной Германии господствует средняя и крупная земельная собственность и в деревне существует наиболее многочисленный класс сельскохозяйственных рабочих, Энгельс отметил, что «*здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*».[22]

Этот класс ближе всего стоит к городским промышленным рабочим. «Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и настоятельнейшая задача немецкого рабочего движения».[23]

Основоположники научного социализма решительно выступили против сектантства в тактике пролетариата. Они подчеркивали, что нужно исходить из реальных условий, что возможно временное объединение с оппозиционными партиями в борьбе против господствующих классов. Революционная партия должна объединить усилия и борьбу народных масс. Партия — не секта. Вот почему в революции 1848 г. Союз коммунистов пошел на соглашение с Демократической партией. «Если бы, — писал Энгельс, — мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам не оставалось бы ничего другого, как проповедовать коммунизм в каком-нибудь мелком захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов и не для этого составили мы свою программу».[24]

Таким образом, Маркс и Энгельс разработали принципиальные основы тактики революционно-пролетарской

---

[22] Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 419.

[23] Там же, стр. 420.

[24] Ф. Энгельс. Маркс..., стр. 16.

партии по отношению к различным классам современного общества, а также показали примеры ее применения к решению конкретных проблем.

Они подчеркивали, что пролетариат сливает демократическую борьбу с борьбой за социализм, никогда не теряя при этом своей самостоятельности. Забегая вперед, отметим, что Энгельс в брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (1865 г.) также обосновывает этот тезис, а впоследствии эта весьма важная проблема была полно разработана Лениным.

Уроки бурных революционных событий 1848 г. подтвердили мысль Маркса и Энгельса о необходимости организации пролетарских партий в национальных масштабах. Без революционной партии рабочий класс неизбежно терпит поражение. Союз коммунистов не мог выполнить роль авангарда пролетариата. Рабочий класс вследствие своей малочисленности, недостаточной политической организованности и идеологической зрелости не был в состоянии руководить народными массами.

Анализируя уроки, которые основоположники научного коммунизма извлекли из революций 1848 г., Ленин обращает внимание прежде всего на то, что Маркс и Энгельс в мартовском «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» советуют рабочему классу организовываться, создать свою самостоятельную партию.

Во время движения чартистов за созыв Рабочего парламента Маркс ставил перед делегатами этого парламента главную задачу — организовать политическую рабочую партию. Он прекрасно понимал, что отсутствие такой партии является решающей причиной неудач английского рабочего движения в последние десятилетия. Маркс писал 3 марта 1854 г.: «Рабочий класс завоевал природу; теперь он должен завоевать человека. Для успешного завершения этого дела у него достаточно сил, но требуется организация всех этих сил, организация рабочего класса в национальном масштабе — такова, я полагаю, великая и славная цель, поставленная перед собой Рабочим парламентом».[25]

Маркс предупреждал: «Если Рабочий парламент позволит растратить свое время на обсуждение чисто теоре-

---

[25] К. Маркс. Письмо Рабочему парламенту. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 123.

тических вопросов, вместо того чтобы подготовить путь для подлинной организации партии в национальном масштабе, его подобно Люксембургской комиссии постигнет неудача».[26]

В учении Маркса и Энгельса о партии исключительное значение приобрел вопрос о создании газеты как организатора трудящихся. Еще со времени революционно-демократического периода в политическом и духовном развитии Маркса созданная им газета «Rheinische Zeitung» стала агитатором и организатором обездоленных масс. В революции 1848 г. в Германии «Neue Rheinische Zeitung» играла подобную же роль. Она сплачивала трудящихся в революционной борьбе, своей агитацией политически просвещала их. И в последующие периоды развития пролетарского движения в различных странах Маркс и Энгельс придавали исключительное значение созданию массовой политической газеты как органа революционно-пролетарской партии. «Политической основой вновь организованной газеты для демократической революции в Германии была самостоятельная пролетарская программа, которая была развита К. Марксом и Ф. Энгельсом в 17 требованиях».[27]

В «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс, исходя из программы «Требований» Коммунистической партии Германии, агитировали за проведение в жизнь конкретных революционных мероприятий, раскрывали перед народными массами политическую перспективу в борьбе за единую, неделимую Германскую демократическую республику. Энгельс писал: «Ни одна из немецких газет — ни раньше, ни позже — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как „Neue Rheinische Zeitung“».[28]

Когда перед Марксом и Энгельсом встал вопрос об участии их в газете «Sozialdemokrat», которую стал издавать Всеобщий германский рабочий союз, они сочли необходимым сотрудничать в нем, несмотря на то что эта газета была весьма далека от идей научного социализма. «Для нас важно, — писал Маркс Энгельсу, — иметь орган

---

[26] К. Маркс. Открытие Рабочего парламента. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 115.

[27] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 118.

[28] Ф. Энгельс. Маркс..., стр. 22.

в Берлине, специально ради того общества, в создании которого я принял участие в Лондоне».[29]

Как известно, Ленин, ссылаясь на исторический опыт основоположников марксизма, придавал исключительное значение созданию большевиками массовой политической газеты («Искра», «Вперед», «Правда»). Без такой газеты партия не может успешно выполнять свою роль.

Эра революций 1848—1849 гг. со всей ясностью показала, что пролетарское движение в различных странах носит интернациональный характер, что ему свойственно взаимодействие и взаимная помощь. Сила рабочего класса в той или иной стране резко возрастает на базе его единства и организованности не только в период революций, но и в годы относительного затишья. Деятельность Союза коммунистов полностью подтвердила учение Маркса и Энгельса о роли партии для пролетарского движения.

После революций 1848—1849 гг. и этапа господства контрреволюции, в период нового подъема демократического и пролетарского движения конца 50-х—начала 60-х годов, возникают тенденции к организационному объединению рабочих не только в национальных рамках, но и в масштабах нескольких стран. Это конкретно выразилось в создании Международного Товарищества Рабочих. Это было великое событие, подготовленное не только объективным ходом истории, но и всей теоретической и практической деятельностью Маркса и Энгельса в области научного социализма. Историческая необходимость создания Интернационала в тот период была результатом закономерного развития пролетарского движения во всем мире, что и сказалось в стремлении различных рабочих организаций участвовать в первой международной организации пролетариата. Интернационализм лег в основу этого стремления и той деятельности, которую стали проводить великие организаторы Международного Товарищества Рабочих — Маркс и Энгельс.

Марксу принадлежит написание таких программных документов, как «Учредительный манифест» и «Временный устав». Маркс и Энгельс определяли принципиальную линию деятельности Центрального (Генерального) Совета Интернационала.

---

[29] К. Маркс — Ф. Энгельсу 14 февраля 1864 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 17.

«Завоевание политической власти, — указывалось в «Учредительном манифесте», — стало, следовательно, великой обязанностью рабочего движения. Рабочие, по-видимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

«Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание».[30]

Во «Временном уставе Товарищества» в первом пункте сформулирована основная задача Интернационала. В нем говорилось: «Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами, существующими в различных странах и преследующими одинаковую цель, а именно — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса».[31]

Маркс и Энгельс справедливо рассчитывали, что Интернационал будет побуждать к организационному слиянию рабочих обществ в той или иной стране в единую национальную революционно-пролетарскую партию. В пункте седьмом Устава указывалось, что члены Международного Товарищества Рабочих приложат «все усилия для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами».[32]

Основоположники марксизма при основании Международного Товарищества Рабочих исходили из объективного состояния мирового пролетарского движения: в большинстве стран Европы еще не сложились национальные пролетарские партии, рабочее движение в разных странах находилось на различных уровнях зрелости и понимания исторических задач. В национальных рамках той или иной страны действовали различные рабочие организации.

Марксу и Энгельсу приходилось учитывать такое разнообразие, они считали необходимым в вопросах органи-

---

[30] К. Маркс. Учредительный манифест..., стр. 10.

[31] К. Маркс. Временный устав Товарищества. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 13.

[32] Там же, стр. 14.

зации, стратегии и тактики Интернационала принимать во внимание все эти исторические обстоятельства и соответственно руководить и действовать. Основоположники марксизма боролись за то, чтобы в процессе совместной деятельности и дискуссий со всеми различными направлениями в рабочем движении создать единство в рядах пролетариата.

Интернационал впервые в истории международного рабочего движения объединил различные отряды рабочего класса на почве общих политических задач, положив в основу связей между ними великий принцип интернационализма. Этот принцип сказался не только в объективных связях рабочих организаций разных стран и национальностей, но и в разработке их программных требований и общей тактической линии.

В «Учредительном манифесте» подчеркивалась необходимость братского союза рабочих всех стран. «Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий».[33]

Это было весьма важным положением, из которого исходила стратегия и тактика марксистов. Оно было постоянным напоминанием рабочим каждой страны об их интернациональном долге.

Принцип интернационализма, легший в основу деятельности Международного Товарищества Рабочих и его программных документов, был направлен против сектантства и национализма, возобладавших в некоторых рабочих организациях, в частности у лассальянцев. Само создание международной организации ставило перед всеми отрядами рабочих задачу классовой организации внутри страны, объединения своих усилий как в национальных рамках, так и в международном масштабе. Это относилось и к Германии, где рабочий класс тоже не имел настоящей революционно-пролетарской партии. Существовал Всеобщий германский рабочий союз, который в своей деятельности был далек от научного социализма, находился под идейным влиянием Ф. Лассаля.

---

[33] К. Маркс. Учредительный манифест..., стр. 10—11.

В основе представлений лассальянцев о рабочем движении и его организации лежал принцип национальной ограниченности. Отсюда проистекала их борьба против Интернационала, его политики и тактики. Основоположники марксизма прекрасно понимали принципиальную суть разногласий с последователями Лассаля. «Пока эта лассальянская дрянь, — писал Маркс, — будет преуспевать в Германии, для *Международного Товарищества* там не будет места».[34]

Маркс и Энгельс подвергли глубокой критике лассальянскую платформу с ее главным требованием — всеобщего избирательного права. Проанализировав соотношение классов в Германии в 60-х годах, Энгельс пришел к выводу, что в тот период всеобщее избирательное право являлось для рабочего класса западней. В известной брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» он писал: «Правительство *знает*, и буржуазия также знает, что все нынешнее немецкое рабочее движение только *терпимо*, — оно существует лишь до тех пор, пока это *угодно* правительству. Пока правительству выгодно, чтобы это движение существовало, чтобы у буржуазной оппозиции вырос новый, независимый противник, до тех пор оно будет терпеть это движение. Но с того момента, когда это движение превратит рабочих в самостоятельную силу, когда оно вследствие этого станет опасным для правительства, такому положению дел сразу наступит конец... И если бы кто-либо вообразил, что теперешнее правительство освободит печать, право союзов и собраний от нынешних оков, то он относился бы именно к тем людям, с которыми не стоит и разговаривать».[35]

В статье «К роспуску лассальянского рабочего Союза» Энгельс вскрыл глубоко ошибочную и вредную тактику Лассаля — стремление поставить Всеобщий германский рабочий союз под крылышко министерства Бисмарка и рассматривать всеобщее избирательное право в качестве единственного и верного средства для завоевания политической власти рабочим классом. «„Всеобщее, прямое и равное избирательное право“ существует уже два года...

[34] К. Маркс — Ф. Энгельсу 13 февраля 1865 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 60.

[35] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии..., стр. 75.

Рабочие, вместо того, чтобы стоять у государственного руля и по рецепту Лассаля декретировать „государственную помощь“, еле-еле провели в рейхстаг с полдюжины депутатов. Бисмарк — союзный канцлер, а *Всеобщий германский рабочий союз — распущен*».[36]

Энгельс обращал внимание на то, что Лассаль и его приверженцы игнорировали борьбу за свободу печати, право союзов и собраний и проч., т. е. за то, что особенно необходимо рабочему движению.

Основоположники научного социализма подвергли критике политическую платформу Лассаля, который в своей «Программе работников» не думал о радикальном социально-экономическом преобразовании общества. Не зная много о личных связях Лассаля и Бисмарка, Маркс и Энгельс на основании только его выступлений и программы действий приходили к заключению, что он стремится вовлечь рабочее движение в фарватер национально-либеральной рабочей политики.[37]

Характеризуя политику Лассаля в 1859 г. и критику его Марксом, Ленин писал:

«Мы думаем, что прав был (вопреки Мерингу) Маркс, а Лассаль был и тогда, как и в своих заигрываниях с Бисмарком, оппортунистом.

«Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики. Маркс же поощрял, развивал самостоятельную, последовательно-демократическую, враждебную национально-либеральной трусости политику (вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии)».[38]

Критика Марксом и Энгельсом Лассаля и его программы разоблачала его приспособленчество к абсолютистскому режиму; политику национальной исключительности немецкого рабочего движения; тактику мирного и

---

[36] Ф. Энгельс. К роспуску лассальянского рабочего Союза. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 340.

[37] См. статью: А. К. Воробьева. Из истории рабочего движения в Германии в 1862—84 гг. В сб.: Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, М., 1955.

[38] В. И. Ленин. Под чужим флагом. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138.

законного пути общественного развития; стремление к насаждению своего культа и к противопоставлению себя массам; националистскую политику в вопросах войны. Известной объективной заслугой Лассаля, как отмечал Маркс, было пробуждение в Германии рабочего движения, которому он придал политический характер.

Все черты мировоззрения и программы Лассаля нашли в той или иной степени отражение во взглядах его последователей. Тактика «королевского социализма» Лассаля все больше и больше вступала в конфликт с тактикой Маркса и Энгельса и противоречила исторической задаче создания в Германии революционно-пролетарской партии.

Энгельс в брошюре «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» (1865 г.) полемизировал против стратегии и тактики лассальянцев в национальном вопросе и обосновал позицию пролетариата.

Весьма важное значение для стратегии и тактики пролетариата имел тезис Маркса о том, что рабочий класс должен овладеть тайнами международной политики. Он должен иметь собственную точку зрения на внешнюю политику, разоблачать дипломатическую деятельность своих правительств, в случае необходимости противодействовать ей и добиваться того, чтобы «простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

«Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса».[39]

Здесь впервые Маркс сформулировал положение о рабочей иностранной политике.

Подведем краткие итоги: Маркс и Энгельс доказали историческую неизбежность и необходимость революционно-пролетарской партии; подвергли критике заговорщицкие, сектантские и тред-юнионистские концепции применительно к организации рабочего класса; выдвинули важнейшие теоретические положения тактики пролетариата; разработали программные требования пролетариата в буржуазно-демократической революции и при переходе к социалистической революции; создали Интернационал и обосновали его практическую и идеологическую деятельность.

---

[39] К. Маркс. Учредительный манифест.., стр. 11.

Глава седьмая

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Анализируя сущность и социально-экономические интересы крестьянства, Маркс и Энгельс показывают, что в противоположность пролетариату крестьяне на базе мелкого производства, живя в одинаковых условиях, не вступают в общественные отношения, которые бы сплачивали их как единый класс экономически и политически. «Каждая отдельная крестьянская семья, — писал Маркс, — почти что довлеет сама себе, производит непосредственно бо́льшую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом... Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса».[1]

Отсюда Маркс и Энгельс делают вывод, что крестьянство не способно к самостоятельному движению. Там, где оно возникает, оно терпит поражение. Сила крестьянства заключается в его численности, слабость — в его неорганизованности. Сила сопротивления и наступления класса зависит от его значения в системе общественного произ-

[1] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 207, 208.

водства, от той роли, которую он играет в обществе. Крестьянство экономически распылено. В нем сильно выражена дифференциация и тем самым социальная распыленность, которая явилась одной из причин поражения крестьянства в восстаниях. Крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны рабочего класса. Его нередко использует в своих интересах буржуазия. Так было во всех революциях. Маркс и Энгельс указывали, что первейшей задачей пролетариата является привлечение крестьянства на свою сторону. Аграрно-крестьянский вопрос был выдвинут самой жизнью. Уже революции 1848—1849 гг. сделали необходимым анализ этого вопроса. Маркс и Энгельс со всей отчетливостью видели, что успех буржуазно-демократических революций — а в дальнейшем пролетарской революции — самым теснейшим образом связан с позицией крестьянства и его участием в движении. Вот почему в произведениях основоположников марксизма уже в рассматриваемый период мы находим основные решения аграрно-крестьянской проблемы.

Маркс и Энгельс в связи с революцией 1848 г. и последующими событиями определили уже тогда свою позицию в аграрном вопросе. В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» и в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» они отстаивали принцип общей собственности на землю. В седьмом пункте «Требований» указывалось: «Земельные владения государей и прочие феодальные имения, все рудники, шахты и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях земледелие ведется в интересах всего общества в крупном масштабе и при помощи самых современных научных способов».[2]

Маркс и Энгельс заявляли, что феодальная собственность в результате революции должна стать достоянием государства. Рабочие «должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым в обстановке расшатывающихся

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Требования Коммунистической партии в Германии. Соч., т. 5, стр. 1.

буржуазных отношений собственности принцип общей собственности немедленно же станет на твердую почву».[3]

С организацией Интернационала обсуждение аграрного вопроса приобрело исключительное значение. На позиции обобществления земли стояли члены Генерального Совета в Лондоне Ф. Лесснер и Г. Эккариус. Они разделяли взгляд Маркса. К ним присоединились другие члены Интернационала, в том числе С. Де-Пап, который в докладе на Брюссельском конгрессе (1868 г.) отстаивал целесообразность крупного сельского хозяйства и обобществления земли. Базельский конгресс (1869 г.) признал право общества отменить частную собственность на землю и подчеркнул экономическую необходимость обобществления земли.

В докладе С. Де-Папа было подтверждено «сделанное на предыдущем конгрессе заявление, что те самые общественные нужды и потребности, которые раньше привели к установлению частной собственности на землю, теперь ведут к ее упразднению. Там, где преобладает мелкая собственность, дробление земли неизбежно должно привести к ассоциированной обработке, которая создаст своего рода коллективную собственность. В Англии число собственников непрерывно уменьшается; в один прекрасный день не останется ни одного представителя породы собственников, и земля перейдет к нации. . . Доклад заканчивается заявлением, что земля должна быть обращена в общественную собственность с предоставлением простого пользования отдельными лицами или товариществами на началах обоюдного договора, который бы одновременно обеспечивал обществу его права, а земледельцу — плоды его труда».[4]

Что касается формы обработки и использования земли, были высказаны два мнения: «1) большинство считает, что землю должны будут обрабатывать и эксплуатировать объединенные общины; 2) меньшинство считает, что общество должно будет сдавать землю отдельным землевладельцам или, что особенно подчеркивается, *землевла-*

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Соч., т. 7, стр. 265.

[4] Базельский конгресс Первого Интернационала. Партиздат, 1934, стр. 40.

дельческим товариществам за арендную плату в пользу общества».[5]

Для Маркса не было сомнений в том, что исходным пунктом аграрной программы должно быть признание национализации земли. В «Капитале» дано глубокое обоснование марксистской программы в аграрно-крестьянском вопросе. На заседании Генерального Совета 6 июня 1869 г. Маркс при обсуждении вопроса о национализации земли обосновал ее неизбежность общественно-экономическими процессами.

В своем социально-экономическом анализе Маркс показывает исторически неизбежный процесс расслоения крестьянства в результате вторжения капитализма в сельское хозяйство. Он подчеркивал, что результат этого процесса — гибель мелкого крестьянского хозяйства и концентрация земельной собственности у крупных землевладельцев и богатых крестьян. В «Капитале» и других экономических произведениях Маркс вскрывает закономерность обнищания парцелльного крестьянства и неотвратимость разрушения его хозяйства. Только сверхчеловеческий труд и тяжелейшие условия существования мелкого крестьянства противостоят капиталу с его техникой и агрономической наукой.

Анализируя экономическую основу мелкого производителя, Маркс и Энгельс показывают особенности его идеологии и психологии. Поскольку он стремится сохранить свое мелкое хозяйство, он выступает противником исторического прогресса. Его позиция не может не быть в этом смысле консервативной. Но поскольку для него неизбежен переход в армию пролетариев в силу разорения капиталом его хозяйства — постольку он оказывается сторонником рабочего класса. Эту двойственность основоположники марксизма характеризовали следующим образом: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они

---

[5] Там же, стр. 96.

защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата».[6]

Здесь Маркс и Энгельс вскрывают общую закономерность развития мелкого производителя, его будущность. Анализируя его позицию по отношению к капитализму в конкретных ситуациях, они подчеркивают двойственность, непоследовательность и противоречивость этой позиции, указывают, что пролетариату необходимо использовать прогрессивную сторону его борьбы против капитализма. Характеризуя мелкую городскую буржуазию и ее принципиальное отличие от рабочего класса, Энгельс писал: «Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим жизненным условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Ее политическая позиция так же полна противоречий, как и ее общественное бытие».[7]

В своих исторических работах Маркс и Энгельс, естественно, главное внимание уделяют крестьянству и его участию в революциях. Энгельс писал, что «крестьянство нуждается в инициативном воздействии со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов».[8]

Исходя из двойственной природы крестьянства, Маркс и Энгельс отмечали как его революционную, так и консервативную роль в общественном движении. Они ясно представляли себе, что рабочий класс без поддержки крестьян не сможет совершить победоносную социальную революцию. «Французские рабочие, — писал Маркс, — не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам».[9]

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 434.

[7] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 68.

[8] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 13.

[9] К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 17.

Пролетариат должен бороться за крестьянина и имеет реальную возможность привлечь его на сторону революции. Маркс и Энгельс видели в крестьянстве союзника рабочего класса. Крестьяне, писал Маркс, «находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок».[10]

Вместе с тем основоположники марксизма, отмечая мелкобуржуазный характер класса крестьянства и существование у него вследствие этого консервативной тенденции, подчеркивали возможность использования его буржуазией в качестве политического резерва. В своем анализе социально-политической позиции крестьянства в 1848—1851 гг. Маркс и Энгельс исключительно глубоко раскрыли конкретные социально-экономические причины того факта, что крестьянство во Франции оказалось на стороне буржуазии: крестьянство получило помещичьи земли от буржуазии, выступившей в свое время против феодализма.

Марксу и Энгельсу была чужда мысль о том, что крестьянство является исконным союзником буржуазии и противником пролетариата. Напротив, раскрывая экономические и социальные законы развития класса крестьянства, они считали, что союз крестьянства с рабочим классом органически вытекает из этих законов. Маркс писал, что крестьянство в ходе неизбежного разорения своего хозяйства расстанется с верой в государственную власть — бонапартизм. Поражение революций 1848 г. со всей ясностью показало неизбежность отхода крестьянства от буржуазии. «Перед лицом коалиции контрреволюционной буржуазии, — писал Маркс, — все уже революционизированные элементы мелкой буржуазии и крестьянства естественно должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом».[11] Интересы крестьянства, делал он вывод, не созвучны, а противоположны интересам буржуазии.

Анализируя причины поражения революции 1848 г., Маркс и Энгельс приходят к неопровержимому выводу, что серьезную роль сыграло отсутствие поддержки революции со стороны немецкого крестьянства. Такое же за-

---

[10] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера..., стр. 211.
[11] К. Маркс. Классовая борьба во Франции..., стр. 59—60.

ключение они делают по поводу революции в Венгрии, Италии, Франции. В своих работах, подытоживающих ход событий и уроки их в революции 1848 г., основоположники марксизма и научного коммунизма обращают особое внимание на этот вопрос. Энгельс с связи с этим написал работу «Крестьянская война в Германии».

Крестьянство рассматривалось Марксом и Энгельсом в качестве потенциального союзника пролетариата в революции. Маркс образно выразил эту мысль, сказав, что в лице крестьянства *«пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»*.[12]

Поэтому тактика революционной партии пролетариата в крестьянских странах должна ставить целью привлечение крестьянства на свою сторону. Надо оторвать его от буржуазии. Это один из краеугольных камней пролетарской тактики. Оспаривая требование Бакунина об отмене права наследования, Маркс, например, отмечал, что это требование может оттолкнуть крестьянство от пролетариата и бросить его в объятия реакции. В своих работах, обобщающих итоги революции 1848 г., в особенности в произведении «Классовая борьба во Франции», Маркс дал решение вопроса о главном союзнике пролетариата в революции.

Главные результаты разработки Марксом и Энгельсом аграрно-крестьянского вопроса можно вкратце свести к следующему: анализ экономической и социальной структуры крестьянского хозяйства и установление его общих социально-экономических закономерностей; постановка вопроса о крестьянстве как естественном союзнике пролетариата; установление основных положений аграрной программы; разработка основных тактических положений пролетариата по отношению к крестьянству.

---

[12] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера..., стр. 607.

Глава восьмая

МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Социалистическое движение пролетариата Маркс и Энгельс самым теснейшим образом связывали с разрешением национального вопроса. Сам же национальный вопрос они рассматривали, исходя в конечном счете из интернациональной позиции рабочего класса, вытекающей из его положения в обществе. «Так как положение рабочих всех стран, — говорил Энгельс, — одинаково, так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща и братскому союзу буржуазии всех наций они должны противопоставить братский союз рабочих всех наций».[1]

Рабочий класс решительно выступает против не только социального, но и национального угнетения. В связи с этим Энгельс выдвинул тезис, легший в основу программы и тактики марксизма: «Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации. Следовательно, освобождение Германии не может совершиться без освобождения Польши от угнетения ее немцами».[2]

Маркс и Энгельс связывали победу социалистической революции с началом уничтожения национального угнетения во всем мире. В своей речи о Польше Маркс говорил: «Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленых конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами. Вот почему победа проле-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. О Польше. Соч., т. 4, стр. 373.
[2] Там же, стр. 372.

тариата над буржуазией является одновременно сигналом к освобождению всех угнетенных наций».[3]

С самого начала своей деятельности в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс провозгласил на ее страницах право наций на самостоятельность. Разрушение феодально-абсолютистских монархий Австрии, Германии, России являлось первым условием независимости ряда наций. «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, — говорилось в обращении к редакции итальянской газеты «Alba», — мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше».[4]

В своем предисловии к книге «Господин Фогт» Маркс отмечал, что еще до 1848 г. революционеры сходились в том, что независимость Польши, Венгрии и Италии нужно отстаивать не только как *право этих стран*, но и с точки зрения *интересов Германии и Европы*. Энгельс в работах «По и Рейн», «Савоя, Ницца и Рейн», а Маркс в книге «Господин Фогт» изложили национальную концепцию пролетариата и его тактику в конкретных условиях 59—60-х годов, выступив против всякого угнетения народов.

Национальная проблема и ее разрешение интересовали Маркса и Энгельса не только в Европе, но и во всем мире. Они создали революционное учение по национально-колониальному вопросу. Они глубоко проанализировали процесс капиталистической колонизации, разрушения кровавым путем патриархально-племенного общественного строя в Азии, Африке и Америке. Интересы человеческого общества требовали ликвидации колониального господства капиталистических государств.

Особое значение основоположники марксизма придавали колониальному вопросу. Каждый раз, когда они обращались в период 40—70-х годов к анализу социально-экономического положения Китая, Индии и других колониальных стран, они высказывали твердое убеждение в том, что социальные процессы и освобождение колоний внутренне обусловливают друг друга. Освобождение колоний связано с завоеванием власти пролетариатом в метро-

---

[3] Там же, стр. 371.
[4] К. Маркс. Письмо редактору газеты «Alba». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 4.

полии. Маркс в 1853 г. указывал, что Англия руководствовалась самыми низменными целями, разрушая старый общественный строй в Индии. Чтобы изменить сложившееся положение в общественной жизни, необходима коренная социальная революция. «Вопрос заключается в том, — писал Маркс, — может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии».[5]

Маркс глубоко анализировал экономические и социальные процессы, совершающиеся в колониальных странах. Эти процессы внутренне противоречивы. Капитализм, огнем и мечом изменяя общественный строй в колониальных странах, в известной мере развивает производительные силы (добыча руды, нефти и т. д.), подвергая варварской эксплуатации народы Азии, Африки и Америки. Буржуазия помимо собственной воли создает социальные предпосылки для возникновения и роста антиколониальных сил. Маркс предполагал, что освобождение Индии, — как, впрочем, и других колоний, — может произойти либо в результате действия внутренних антиколониальных сил, либо вследствие социалистической революции в странах метрополии. «Буржуазный период истории, — писал Маркс, — призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых».[6]

---

[5] К. Маркс. Британское владычество в Индии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 136.

[6] К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 230.

Маркс указывал на внутреннюю связь национальных и социальных событий в Азии и Европе, подчеркивая, с одной стороны, неизбежность революционных последствий тех коренных экономических и социальных изменений, которые происходят под действием капиталистической эксплуатации в колониальных странах, а с другой — влияние революционных событий в Азии на общественные отношения в Европе. В статье «Революция в Китае и в Европе» Маркс, исследуя эту проблему, указывал на возможность цепной связи всего происходящего в Европе и в колониях. Закон единства противоположностей, замечает он, раскрывает себя и в этих явлениях. «Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления будут, вероятно, в большей мере зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи — прямой противоположности Европы, — чем от какой-либо иной существующей ныне политической причины. . .».[7]

Маркс, таким образом, указывает на существующую объективную взаимозависимость экономических и социальных отношений капиталистической Европы и Азии. Эта взаимозависимость не может не иметь революционно-политических последствий как в прямой, так и в косвенной форме. Пролетариат борется за освобождение угнетенных наций. В свою очередь, назревание национально-освободительного движения способствует борьбе европейского пролетариата. Интересы развития пролетариата настоятельно требуют ликвидации колониальной эксплуатации.

Эта исключительно четкая позиция Маркса раскрывается в его постановке вопроса об Ирландии, первой английской колонии. К решению о полном отделении Ирландии от Англии Маркс постепенно подходит в своих статьях. Если первоначально он считал, что английский рабочий класс принесет свободу Ирландии, то позже, на основании роста ирландского национально-освободительного движения и изменившейся расстановки классовых сил в Англии, приходит к заключению, что нацио-

---

[7] К. Маркс. Революция в Китае и в Европе. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 98.

нальное освобождение Ирландии является предварительным условием освобождения английского рабочего класса. Указывая, что народ, порабощающий другой народ, не может стать свободным, что он сковывает себя во всех своих социальных действиях, Маркс всесторонне обосновывает это положение:

«Во-первых, Ирландия является *цитаделью* английского лендлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии... Английский лендлордизм потеряет не только крупный источник своих богатств, но также *важнейший источник своей моральной силы* как *представителя господства Англии над Ирландией.* С другой стороны, оставляя неприкосновенным могущество своих лендлордов в Ирландии, английский пролетариат делает их неуязвимыми в самой Англии.

«Во-вторых, английская буржуазия не только эксплуатировала ирландскую нищету, чтобы ухудшить положение рабочего класса в Англии путем *вынужденной имиграции* ирландских бедняков, но она, коме того, разделила пролетариат на два враждебных лагеря».[8]

Имеется в виду глубокий антагонизм между английским и ирландским пролетарием.

Далее Маркс замечал, что, «не говоря уже о международной справедливости, *предварительным* условием *освобождения* английского *рабочего класса* является превращение существующей *принудительной унии* (то есть порабощения Ирландии) *в равный и свободный союз,* если это возможно, или *полное отделение*, если это необходимо».[9]

Таким образом, для Маркса и Энгельса вопрос о национальном освобождении Ирландии был важен не только с точки зрения справедливости в отношении ирландцев, но и в связи с возможностью социальной революции для английского рабочего класса. Об интересе основоположников марксизма к Ирландии свидетельствует то, что Энгельс начиная с 1869 г. работал над составлением «Истории Ирландии», которую, к сожалению, он не смог закончить. К 1869 г. относится и рукопись Маркса об

---

[8] К. Маркс. Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 406.

[9] Там же, стр. 407.

истории Ирландии. Как замечает Л. И. Гольман, она была написана «скорее всего для уяснения вопроса самому себе в связи с обсуждением ирландских дел в Интернационале. Не исключено, однако, что работа была предназначена в качестве подготовительного материала для книги Энгельса по истории Ирландии».[10]

Безусловно то, что для Маркса и Энгельса знать об Ирландии необходимо было в связи с выработкой в Интернационале тактической линии по ирландскому вопросу. Энгельс замечал, что «с 1841 г. население ее уменьшилось на два с половиной миллиона, и более трех миллионов ирландцев эмигрировало. И все это делается ради прибылей и вследствие домогательств крупных землевладельцев английского происхождения. Если так будет продолжаться еще тридцать лет, то ирландцев можно будет найти разве только в Америке».[11]

В упомянутой рукописи Маркса исследуется движение ирландских крестьян, отмечается его местный и разрозненный характер. Стихийность восстания, отсутствие политической организации предопределили его поражение. Основоположники марксизма в своих трудах по истории Ирландии вскрывают также методы экономической и политической колониальной эксплуатации, духовного угнетения ирландцев.

Глубокий анализ истории этой страны и изучение современного ее экономического и социального состояния дали возможность Марксу и Энгельсу раскрыть процесс колонизации, ограбления английскими господствующими классами ирландского народа, а также характер и развитие национального движения ирландцев. Это имело весьма важное значение для рассмотрения вопроса о колониях вообще и о закономерностях национального движения. «Своими исследованиями основоположники марксизма, — замечает Л. И. Гольман, — раскрыли особенности процесса формирования ирландской нации и развития ирландского национально-освободительного движения, внеся

---

[10] Л. И. Гольман. Маркс и Энгельс о важнейших проблемах истории Ирландии в XVIII в. В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. ГИПЛ, М., 1963, стр. 133.

[11] Ф. Энгельс. Заметка для предисловия к сборнику ирландских песен. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 526.

тем самым вклад в теоретическую разработку национально-колониального вопроса».[12]

В письме к Л. Кугельману от 29 ноября 1869 г. Маркс подчеркивал, что необходимо внедрить в сознание рабочего класса убеждение, что он никогда не будет в состоянии сделать решающий шаг, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов по вопросу об Ирландии.

В письме Э. Мейеру и А. Фогту от 9 апреля 1870 г. Маркс писал: «После многолетней работы над ирландским вопросом я пришел к заключению, что решительный удар господствующим классам в Англии (а он является решающим для рабочего движения во всем мире) может быть нанесен *не в Англии, а только в Ирландии*».[13]

В письме к Л. и П. Лафаргам 5 марта 1870 г. Маркс высказал аналогичную мысль в еще более широком плане: «Для того чтобы ускорить социальное развитие Европы, необходимо ускорить крушение официальной Англии. А для этого необходимо нанести ей удар в Ирландии. Это ее самый уязвимый пункт. С утратой Ирландии Британской „Империи“ — конец, и классовая борьба в Англии, протекавшая до сих пор в дремотно-затяжной форме, примет острый характер. А ведь Англия — метрополия лендлордизма и капитализма во всем мире».[14]

Здесь чрезвычайно глубоко сформулирована стратегическая линия революционного пролетариата, подчеркнуто, какое важнейшее значение для мирового революционного процесса имеет нанесение удара по капиталистической Англии со стороны национального движения ирландцев.

Проблема национального освобождения Ирландии сливается с социальным вопросом не только в Ирландии, но и в Англии. Дело в том, что Ирландия, как указывал Маркс, является цитаделью английской земельной аристократии. Падение ее господства в Ирландии повлечет за собой ее падение в Англии. «Тем самым, — писал

---

[12] Л. И. Гольман. Маркс и Энгельс о важнейших проблемах. . ., стр. 218.

[13] К. Маркс — З. Мейеру и А. Фогту. В кн.: К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 556.

[14] К. Маркс — Лауре и Полю Лафарг. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 549.

Маркс, — были бы созданы предварительные условия пролетарской революции в Англии».[15]

Одновременно произошла бы аграрная революция в Ирландии, где земельный вопрос неотделим от разрешения национальной проблемы.

Исключительно важно было бы национальное освобождение Ирландии для изменения взаимоотношений английского и ирландского пролетариата, которые представляли в то время два враждебных лагеря. «Обыкновенный английский рабочий, — замечал Маркс, — ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему представителем *господствующей* нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии*, укрепляя этим их господство *над самим собой*».[16] Ирландский пролетарий «видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии*».[17]

1 января 1870 г. Генеральный Совет выпустил конфиденциальное, составленное Марксом, циркулярное письмо, в котором была изложена его позиция по ирландскому вопросу. Эта позиция стала отправной точкой тактики, которую принял Первый Интернационал.

То разрешение ирландского вопроса, которое дали Маркс и Энгельс в своих работах, является классическим примером отношения марксизма к колониальному вопросу, к признанию за нациями равного права на самостоятельное существование. Важно отметить и другое: Маркс при рассмотрении ирландского вопроса исходил из того, что в подобных случаях необходимо руководствоваться в первую очередь интересами пролетарской революции.

В этом отношении не менее характерна позиция основоположников марксизма в польском вопросе. Еще накануне революции 1848г. Маркс и Энгельс, выступая на международном митинге в Лондоне, выдвинули ряд весьма важных теоретических положений, легших впоследствии в основу тактики марксизма по национальному вопросу. Они прежде всего подчеркнули коренное различие в постановке этого вопроса идеологами буржуа-

---

[15] К. Маркс — З. Мейеру и А. Фогту, стр. 557.
[16] Там же, стр. 558.
[17] Там же.

зии и пролетариата. «Объединение и братство наций, — говорил Маркс, — фраза, которая в настоящее время на устах у всех партий и, в особенности, у буржуазных сторонников свободы торговли. Действительно, существует своего рода братский союз буржуазных классов всех наций. Это — братский союз угнетателей против угнетенных, эксплуататоров против эксплуатируемых».[18]

Этому союзу Маркс и Энгельс противопоставили интернациональную позицию пролетариата. Против союза буржуазии всех наций пролетарская партия должна выдвинуть союз рабочих всех наций. Буржуазному национализму был противопоставлен пролетарский интернационализм — идеология, политика и тактика рабочего класса. Маркс и Энгельс подвергли критике прудонистов за то, что они игнорировали национальный вопрос, в частности национальную проблему Польши.

Основоположники марксизма считали, что окончательно разрешит национальный вопрос победа пролетариата над буржуазией. В 1847 г. они выражали уверенность в том, что английский рабочий класс во главе с чартистами совершит революцию, которая приведет к разрешению национального вопроса в Европе и, в частности, в Польше. «Вот почему, — говорил Маркс, — Польшу надо освобождать не в Польше, а в Англии. Вы, чартисты, не должны поэтому ограничиваться высказыванием благих пожеланий об освобождении наций. Разбейте ваших собственных внутренних врагов, и тогда у вас по праву будет гордое сознание, что вы разрушили все старое общество».[19]

Исключительно глубокий анализ Энгельсом дебатов по польскому вопросу во Франкфурте четко показал позицию революционного пролетариата в решении национальной проблемы. Энгельс, разоблачая доклад комиссии по вопросам международного права, сделанный Штенцелем, писал: «Первые разделы Польши до 1815 г. были вооруженным грабежом территории; разделы 1848 г. — это *кража*».[20] «Линия раздела, которую эти три державы провели через Польшу, является цепью, приковывающей их друг

---

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. О Польше, стр. 371.

[19] Там же, 372.

[20] Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 348.

к другу; совместный грабеж связал их узами солидарности».[21]

Касаясь захвата немцами Познани, Энгельс заявлял, что решение относительно Познани будет связано с восстановлением Польши. Познанский вопрос «является лишь частью польского вопроса и может быть решен лишь в связи с этим вопросом и вместе с ним. Граница между Германией и Польшей может быть установлена лишь тогда, когда Польша будет снова существовать».[22]

Стоя на интернациональной позиции, Энгельс писал, что «национальное существование Польши ни для кого, однако, не представляет большей необходимости, чем именно для нас, немцев».[23] Народы, угнетающие другие народы, не могут быть свободными. Священный союз — это не только внешняя, но и внутренняя реакция. Маркс и Энгельс вполне реалистически ставили вопрос о создании жизнеспособной Польши.

Рассматривая внутренние процессы, Энгельс показал, что для крупной феодальной польской аристократии союз с тремя державами, захватившими страну, был «...последним средством спасения от революции, он был насквозь реакционным».[24] Что касается «дворянской демократии», она умерла. На смену ей придет крестьянская демократия. Польша сделалась *революционной* частью России, Австрии и Пруссии. Оппозиция поляков против угнетателей вместе с тем является оппозицией против высшей аристократии внутри Польши. Восстановление Польши неизбежно на демократическом пути — таков вывод Энгельса.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» основоположники научного социализма подчеркивали демократический характер национального освобождения Польши, связь его с аграрной революцией в стране. «Среди поляков, — писали они, — коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года».[25]

---

[21] Там же, стр. 351.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же, стр. 352.
[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 458.

Основную причину того, что польское движение в 1863 г. не имело успеха, Маркс и Энгельс видели в том, что повстанческими силами руководили представители помещичьего класса и верхушки буржуазии, связанные с аристократической польской эмиграцией, между тем как успех польского движения зависел от участия в нем широких народных масс. Большое значение они придавали аграрной революции в России, которая означала бы слияние революционного движения польского крестьянства с движением русского крестьянства.

Пророческие слова Маркса об освобождении от национального гнета и восстановлении Польши полностью подтверждены ходом истории, жизнью. Революционная платформа Маркса и Энгельса — классически яркий образец решения пролетариатом национального вопроса.

Подчеркивая исключительно сильно интернационализм, революционный долг английского рабочего класса, основоположники марксизма выделяют общедемократические основы в национальном движении. Эту сторону вопроса они проанализировали позже, в связи с восстанием в Польше. Энгельс в 1866 г. писал, что «рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику».[26] Маркс и Энгельс подвергли бичующей критике политику царизма в отношении Польши.

Основоположники научного социализма обращали внимание рабочего класса и на то, что пока немцы угнетают поляков, до тех пор в Германии нельзя сломать феодальный абсолютизм. Освобождение Польши есть необходимое условие демократической свободы в Германии. В «Инструкции делегатам», написанной Марксом в 1866 г., указывалось, что «при современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходимо существование демократической Польши. Без нее Германия превратится в форпост Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. Рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться, пока останется нерешенным

---

[26] Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши? В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 156.

этот важный европейский вопрос».[27] Инициативу в этом вопросе должен взять на себя рабочий класс Германии.

Все рассмотренные принципы и идеи по национально-колониальному вопросу, выдвинутые и разработанные Марксом и Энгельсом, составили целостную программу рабочего класса. Рабочие партии, возникавшие в различных странах, и Интернационал в своей политической деятельности руководствовались ими.

Но есть еще один момент, мимо которого нельзя пройти. Маркс и Энгельс, говоря о праве наций на самостоятельное существование в Европе, признавали это право за большими нациями. В статье «Какое дело рабочему классу до Польши?» Энгельс, справедливо критикуя так называемый «принцип национальностей» в отношении отдельных народностей, уже слившихся с большой нацией, выдвигает тезис, согласно которому в Европе право распоряжаться своей судьбой должно быть предоставлено большим и жизнеспособным национальным образованиям. «Это право больших национальных образований Европы на политическую независимость, признанное европейской демократией, не могло, конечно, не получить такого же признания в особенности со стороны рабочего класса. Это было на деле не что иное, как признание за другими большими, несомненно жизнеспособными нациями тех же прав на самостоятельное национальное существование, каких рабочие в каждой отдельной стране требовали для самих себя».[28]

Положение Энгельса нуждается в уточнении. Он справедливо критикует панславизм как орудие царской России в порабощении целого ряда славянских народов. Однако критерий для определения жизнеспособности нации представляет в известной степени уязвимое место в статье Энгельса. Его ссылка на то, что румын из Валахии нельзя сравнивать с итальянцами, которые имеют двухтысячелетнюю историю и устойчивую национальную жизнеспособность, недостаточно убедительна.

Энгельс исходил здесь из убеждения в том, что исторический прогресс при капитализме связан с экономиче-

---

[27] К. Маркс. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 202.

[28] Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши? стр. 160.

ской и политической централизацией, с созданием крупных государств. Эта объективная тенденция предопределяет неизбежность поглощения малых народов более крупными нациями. Действительно, такая тенденция при капитализме существовала и существует, Энгельс справедливо приводит многочисленные примеры. Однако он недооценил силы другой тенденции, противодействующей капиталистической централизации. Эта другая тенденция заключалась в борьбе малых народов за свою национальную независимость. Составляя часть общедемократической деятельности, эта борьба была исторически прогрессивной, — конечно, в том случае, если она не использовалась контрреволюцией.

Поэтому отрицательная оценка Энгельсом движения славянских народов, входивших в состав Австрийской империи и выступивших на последнем этапе революции 1848—1849 гг. на стороне контрреволюции, была безусловно объективно правильной. Ленин отметил, что именно это последнее обстоятельство и побудило Энгельса отнестись отрицательно к движению чехов и южных славян.

Основоположники научного социализма считали, что пролетариат поддерживает и развивает не всякое национальное движение, а только то, которое служит интересам пролетариата в его борьбе за социальное освобождение. Это весьма важный тезис марксизма, которому чужд формально-правовой подход к национальному вопросу. Маркс и Энгельс требовали конкретного решения национальной проблемы в интересах революционного пролетариата.

Но в чем Энгельс был неправ — это в понимании дальнейших судеб указанных славянских народов. Ведь история в прошлом указывала на прогрессивно-демократическое движение чехов и других славянских народов. На первом этапе революции 1848 г. у чехов проявились весьма сильные революционные тенденции. Поэтому из отрицательной роли чехов и южных славян, которую они сыграли на позднем этапе революции, нельзя было делать общее заключение о дальнейшем характере их борьбы за национальную независимость.

Между тем, Энгельс в статьях «Борьба в Венгрии» и «Демократический панславизм» считал южных славян обломками народов, продуктом запутанного тысячелетнего развития, не имеющих шансов на самостоятельное нацио-

нальное развитие, лишенных исторической дееспособности. Кроме поляков и русских, «у всех остальных славян, — писал он, — отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности».[29]

Ошибка Энгельса в отношении малых народов вытекала из недооценки их стремления к национальной независимости, ставшего в дальнейшем, как показала история, серьезным фактором общественного прогресса.

Анализируя национально-освободительное движение в Польше, Италии и других странах, основоположники марксизма обращали внимание на то, что оно не должно быть сектантским. Лишь то национально-освободительное движение приводит к победе, которое является массовым и, следовательно, демократическим. Маркс подверг критике заговорщическую тактику Мадзини и его сторонников, непонимание ими того, что основой национально-освободительного движения в стране является движение народа. Маркс отмечал, что «даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия, и не от высших классов можно ожидать в наше время революционного движения».[30]

Маркс присовокупил к этому положению весьма важное замечание в адрес сторонников Мадзини, что «надо серьезно заняться материальным положением сельского населения Италии, если они хотят встретить отклик на свой лозунг „Dio e popolo". В будущем я намерен подробно обрисовать те материальные условия, в которых живет подавляющее большинство сельских жителей этой страны, — условия, которые до настоящего времени делают их если не реакционными, то по крайней мере, равнодушными к национальной борьбе Италии».[31] Национальный вопрос невозможно решить без движения основной массы народа — крестьянства. Маркс и Энгельс боролись за демократическое решение вопроса о национальном объединении Италии. Они с исключительным вниманием следили за героической борьбой Гарибальди,

---

[29] Ф. Энгельс. Демократический панславизм. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 294.

[30] К. Маркс. Кошут и Мадзини. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 573.

[31] Там же.

рассчитывая на то, что он доведет революционно-демократическую борьбу до полного завершения.

Резюмируем. Маркс и Энгельс в национально-колониальном вопросе выдвинули положение, согласно которому пролетариат при разрешении национально-колониальной проблемы исходит из интересов социалистической революции; дали анализ социально-экономической сути колониализма эпохи промышленного капитализма и глубоко рассмотрели ирландский вопрос как вопрос об английской колонии; выдвинули фундаментальное положение теории пролетариата: не может быть народ свободным, пока он угнетает другие народы; сформулировали пролетарскую программу национального освобождения и восстановления Польши; подчеркнули, что национальный вопрос теснейшим образом связан с крестьянским вопросом и должен быть разрешаем на демократической основе; поставили вопрос о соотношении интернационального и национального в стратегии и тактике пролетариата.

Раздел II

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Глава первая

Обобщение Марксом и Энгельсом исторического опыта Парижской Коммуны по вопросам государства и переходного периода от капитализма к социализму

Глава вторая

Дальнейшее развитие проблемы революции и государства в борьбе с сектантством

Глава третья

Критика Марксом и Энгельсом «национального социализма» Лассаля и обоснование коренных основ научного социализма в «Критике Готской программы»

Глава четвертая

Обоснование и развитие Энгельсом теории научного социализма в работах «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства»

Глава пятая

Дальнейшее обоснование Марксом и Энгельсом учения о пролетарской партии

Глава шестая

Борьба Маркса и Энгельса против оппортунизма и ревизионистских тенденций в немецкой социал-демократии

Глава седьмая

Маркс и Энгельс об исторической роли крестьянства в революционном движении и о закономерностях его перехода к социализму

Глава восьмая

Марксизм и вопросы войны и мира

Глава первая

ОБОБЩЕНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ПО ВОПРОСАМ ГОСУДАРСТВА И ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Парижская Коммуна, первая пролетарская революция, и ширившееся в 70—80-х годах XIX в. международное рабочее движение во всех капиталистических странах мира явились исходным пунктом дальнейшего развития Марксом и Энгельсом теории научного коммунизма. Действительный ход исторических событий и глубокое понимание их закономерностей, живой опыт народных масс давали возможность основоположникам марксизма обогащать новыми идеями свою революционную теорию. Маркс и Энгельс не просто изучали и анализировали прошлое, но всегда исходили из исторических уроков, чтобы наметить перспективы движения рабочего класса и поднять это движение на более высокую ступень. В социалистической теории был обобщен как прежний, так и новый богатый опыт революционной борьбы. Теория научного социализма шагнула далеко вперед.

Парижская Коммуна стала первым опытом диктатуры пролетариата, первой в истории человечества попыткой создать пролетарское государство. Она была идейно подготовлена Интернационалом. Учение о диктатуре пролетариата было проверено и подтверждено событиями в Париже в 1871 г. — новой исторической практикой, и она поставила перед основоположниками марксизма новые проблемы, потребовала дальнейшей разработки теории научного коммунизма.

Огромное значение имеет рассмотрение Марксом и Энгельсом вопроса о коммунистической общественно-экономической формации и теснейшим образом связанного

с ним другого вопроса — о переходном периоде от капитализма к социализму.

Парижская Коммуна, поставившая эти вопросы, со всей четкостью показала коренное отличие новой, рабочей революции от всех прежних, буржуазных революций. Ее экономические, социальные и политические мероприятия, — правда проводившиеся не всегда последовательно, — означали вторжение в экономические, социальные и политические отношения капитализма. Непоследовательность и ошибки подчеркивали (о чем говорили Маркс и Энгельс) лишь необходимость более твердого и основательного выступления пролетариата против всех основ буржуазного общества.

Мероприятия Парижской Коммуны представляли собой первые ростки новых, переходных отношений. Это были только зародыши будущих общественных форм, но их сумели разглядеть и проанализировать Маркс и Энгельс. *«Коммуна,* — писал Маркс в 1871 г., — *политическая форма социального раскрепощения,* освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, созданных самими трудящимися или даруемых природой».[1] В произведениях «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы» и некоторых других Маркс обобщил опыт Парижской Коммуны, проанализировав новые, едва возникающие экономические, социальные и политические явления, сделав исключительно важные теоретические выводы относительно переходного периода от капитализма к социализму и содержания коммунистической общественно-экономической формации. Классики марксизма раскрыли общие условия и основные пути, ведущие к победе коммунизма, сформулировали основные принципы коммунистического общества.

Важное значение опыта Парижской Коммуны прежде всего заключалось в том, что она подтвердила правильность основных положений марксистской теории государства и диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна, несмотря на кратковременность ее существования, раскрыла основные тенденции общественного развития, показала в главных чертах характер перехода от капита-

---

[1] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 550.

лизма к будущему обществу. Она практически доказала, что теория пролетарской диктатуры может стать революционной действительностью.

Маркс говорил о Парижской Коммуне как о социальной революции XIX в., которая переросла национальные рамки. В первоначальной редакции «Гражданской войны во Франции» он писал, что какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет весь мир. Маркс подчеркивал международный характер Парижской Коммуны, всеобщий характер закономерностей пролетарской революции, указывая, что духом интернационализма было проникнуто все существование Коммуны, вся ее деятельность.

Среди проблем, на которые обращает внимание Маркс в своем анализе исторического опыта Парижской Коммуны, выделяются прежде всего две: вопрос о государстве и о переходном периоде от капитализма к социализму.

Маркс на основе этого нового опыта конкретизирует свой тезис, сформулированный им в качестве гениального прогноза в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в 1852 г. Именно тогда он высказал мнение, что пролетарская революция должна не просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход, а разрушить старый государственный аппарат. Маркс в письме к Кугельману от 12 апреля 1871 г. писал: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего „Восемнадцатого брюмера", ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».[2]

Пример Парижской Коммуны практически доказал, что необходимо разрушить буржуазную государственную машину и создать новый аппарат государственной пролетарской власти. Именно это заставило Маркса и Энгельса в предисловии к «Манифесту Коммунистической партии» в 1872 г. оговорить устарелость отдельных мест программы «Манифеста», особенно подчеркнуть положение о том, что рабочий класс не может овладеть готовой буржуазной

---

[2] К. Маркс — Л. Кугельману. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 172.

государственной машиной и использовать ее для своих собственных целей.[3]

Опыт Парижской Коммуны был Марксом глубоко теоретически проанализирован и всесторонне обобщен в одном из важнейших документов революционного марксизма — «Гражданской войне во Франции». Ленин замечает, что это произведение Маркса до сих пор служит лучшим руководством в борьбе за ниспровержение капитализма.[4] Подчеркивая значение практического опыта для дальнейшего развития марксизма, он писал: «Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году».[5]

Маркс прежде всего подчеркивал коренное, принципиальное отличие революции 1871 г. от всех предшествовавших революций, в которых принимал участие французский пролетариат. Коммуна имела целью уничтожение эксплуататорского господства в современном обществе и проведение в жизнь социальной программы рабочего класса. Маркс писал, что «одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой».[6]

Согласно оценке Маркса, Парижская Коммуна была первым опытом рабочей революции. Это имело исключи-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года. Соч., т. 18, стр. 90.

[4] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 378.

[5] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 31.

[6] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции», стр. 547.

тельно большое значение для международного рабочего класса и всего последующего революционного движения. Парижская Коммуна — первая попытка пролетариата взять власть в свои руки. «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда».[7]

Публикуя пламенный манифест Маркса («Гражданская война во Франции»), в котором был дан анализ исторической попытки парижских пролетариев создать диктатуру пролетариата, Энгельс написал к нему введение. Отвечая на возмущенные крики оппортунистов и примиренцев по поводу опубликования Марксовой «Критики Готской программы», он писал: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата».[8]

Оппортунисты либо пытались замолчать движение парижских коммунаров, либо клеветали на это движение, рассматривая его как стихийный и бессмысленный бунт. В последнем случае они следовали всецело за буржуазными идеологами. Маркс и Энгельс дали деятельности Коммуны оценку, мимо которой ни один марксист впоследствии не мог пройти, рассматривая современное рабочее движение. Теорию социалистической революции Маркс обогатил рядом исключительно глубоких идей на основе опыта борьбы парижских коммунаров.

Среди вопросов, рассматриваемых Марксом в «Гражданской войне во Франции», одно из центральных мест занимает вопрос об уничтожении пролетариатом буржуазной государственной машины в ходе революции и о создании пролетарского государственного аппарата.

На примере централизованной государственной власти во Франции Маркс показывает классовый угнетательский

---

[7] К. Маркс. Гражданская война во Франции. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 346.

[8] Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 201.

характер ее аппарата: постоянная армия, полиция, бюрократия, духовенство, суд и судейское сословие и пр. Прямой противоположностью этой государственной машины была Коммуна, которая создавала новый государственный аппарат, приспособленный к целям рабочего класса. В течение короткого времени она создала свои органы, определила их функции. Это была творческая деятельность народа. «По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, „силу попов", путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом... Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью».[9] Суд тоже стал служить рабочему классу.

Анализируя особенности нового пролетарского государства, создаваемого Коммуной, Маркс указывал, что Коммуна была работающей корпорацией, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы. Она образовалась из выбранных на основе всеобщего избирательного права представителей по различным округам Парижа. Большинство их состояло из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Члены нового правительства могли быть сменены во всякое время — на основе права отзыва депутатов избирателями или в рабочем порядке. Маркс подчеркивал широкую и действительную демократию, созданную Коммуной. Государство стало слугой общества. «Коммуна, — писал Энгельс, — должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя

[9] К. Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 343.

их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время».[10]

Таким образом, Маркс конкретизирует свой тезис о необходимости уничтожить буржуазную государственную машину в процессе пролетарской революции, раскрывает его содержание. Он показал, какие основные звенья старого государственного аппарата должны быть разрушены и чем они должны быть заменены, а также — какие институты могут быть оставлены. Маркс писал, что необходимо «отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».[11] Установление этой закономерности обогатило необычайно теорию научного коммунизма.

Маркс при этом подчеркивал, что задачей рабочей революции вовсе не является восстановление парламентаризма в его буржуазной форме. Еще при Второй империи последний выродился в пустой фарс. В первом варианте «Гражданской войны во Франции» он писал: «Парламентаризм тогда умер во Франции, и уж конечно не рабочей революции воскрешать его из мертвых».[12]

Подчеркивая исключительно важное значение приведенного выше положения Маркса, Ленин писал: «Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к „Коммунистическому Манифесту“».[13]

Но опыт Парижской Коммуны вместе с тем дал возможность Марксу поставить вопрос об особом характере государства, о его новом типе. Если прежде он и Энгельс ограничивались общей характеристикой будущего общественного устройства, то теперь, в связи с конкретным анализом создания нового государственного аппарата взамен уничтожаемого буржуазного, они выясняют существенные признаки первого в истории пролетарского государства как особого по своему типу. Маркс замечал, что «Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Фран-

[10] Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса..., стр. 199.
[11] К. Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 344.
[12] К. Маркс. Первый набросок..., стр. 548.
[13] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 37.

ции».[14] Больше того, она «должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни».[15] Опыт Парижской Коммуны позволил Марксу сделать вывод о государственной форме диктатуры пролетариата.

Выясняя особенности нового типа государства, Маркс указывал, что «Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений».[16] Маркс противопоставляет буржуазному парламентаризму новый общественный строй Коммуны. «Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны».[17] Маркс подчеркивал новый характер демократии Парижской Коммуны. Народ стал распоряжаться в своих интересах своей собственной общественной жизнью. Именно это обстоятельство дало основание Марксу сказать, что если бы все крупные города организовались в коммуны по образцу Парижа, никакое правительство не смогло бы подавить это движение.

После смерти Маркса Энгельс в своей критике Эрфуртской программы социал-демократии писал: «. . . наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата».[18]

Впоследствии Ленин подчеркивал большое значение тезиса Маркса, выдвинутого в ходе развития революции 1871 г., об особом типе пролетарского государства. Он подверг критике фальсификацию взглядов Маркса оппортунистами в этом важнейшем вопросе. Работа Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» — произведение, в котором наиболее всесторонне критикуется позиция оппортунизма в лице Каутского, извратившего теоретические выводы и обобщения Маркса, касающиеся опыта Парижской Коммуны.

---

[14] К. Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 343.
[15] Там же.
[16] Там же, стр. 345.
[17] Там же, стр. 344.
[18] Ф. Энгельс. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 237.

Маркс указывал, что особый характер государства Парижской Коммуны вытекал из экономических и социальных целей, поставленных революцией. Коммуна была открытой политической формой, долженствующей ниспровергнуть экономический фундамент, на котором зиждется самое существование классов и классовое господство. Коммуна хотела уничтожить частную собственность на средства производства, экспроприировать экспроприаторов. «Она хотела сделать индивидуальную собственность реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда. — Но ведь это коммунизм, „невозможный" коммунизм!».[19]

Маркс с исключительным вниманием анализировал конкретные практические шаги Парижской Коммуны, которые считал зародышем будущего пролетарского государства, видел в них принципиальное отличие будущей политической организации от существующей буржуазной. Такими мероприятиями социалистического и демократического характера были: уничтожение «постоянного войска», классового органа буржуазной государственной машины, и вооружение народа; выборы в Коммуну самих рабочих или признанных ими представителей, ответственных перед избирателями и в любое время сменяемых; всенародное выполнение функций государственной власти; уничтожение парламентаризма и соединение законодательной и исполнительной власти Коммуны; ликвидация бюрократизма, полная выборность и сменяемость в любое время всех должностных лиц; проведение в жизнь принципа, согласно которому религия является по отношению к государству частным делом (отделение церкви от государства); бесплатность обучения для всех; социально-экономические мероприятия (запрещение ночной работы пекарей, запрещение понижения заработной платы рабочих путем штрафов и пр.) и т. д.

Ленин подчеркивал, что Маркс по вопросу о характере пролетарского государства не вдавался в утопии, он ждал ответа на этот вопрос от опыта массового движения. Маркс «„учится" у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих

---

[19] К. Маркс. Гражданская война во Франции, стр. 346.

движений угнетенного класса...».[20] Он анализирует деятельность и социальные мероприятия Коммуны, показывая коренное отличие этого типа государства от всех его предшествовавших исторических форм.

Исходя из этого анализа Маркса, Ленин приходил к заключению: «Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и „открытая наконец" политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое».[21]

Большое значение для теории научного социализма имел вопрос о союзниках пролетариата в революции. Маркс писал, что мелкобуржуазные слои населения Парижа примкнули к рабочему классу. В «Гражданской войне во Франции» он приходил к обоснованному выводу и твердому убеждению, что и крестьянство несомненно стало бы на сторону Коммуны, если бы удалось прорвать блокаду версальцев.

Крестьянство поддержало бы рабочий класс. «Крестьяне вскоре провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом».[22] Маркс с особой силой подчеркивал значение союза Парижской Коммуны и крестьянства. Но Коммуна оказалась изолированной версальцами от остальной страны. Все ее руководители также понимали необходимость этого союза.

Маркс приходил к заключению, что Коммуна была истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества и являлась поэтому действительно национальным правительством, которое отражало интересы трудящегося населения. Вместе с тем он подчеркивал интернациональное значение Парижской Коммуны для рабочих всего мира. В ней они видели свое будущее.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс четко развивает мысль о руководящей роли рабочего класса в пролетарской революции, прослеживая ее в политических, социальных и экономических мероприятиях Парижской Коммуны.

Вместе с тем Маркс, исходя из опыта революции во Франции, ясно видел всю сложность и противоречивость

---

[20] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 48.
[21] Там же, стр. 56.
[22] К. Маркс. Первый набросок..., стр. 556.

развития пролетарского государства. Это — не гладкая дорога. Маркс обращает внимание на то, что буржуазия в борьбе против пролетариата стремится внести в экономику дезорганизацию, чтобы сломить силу рабочих. «Очень многие мастерские и фабрики в Париже, — писал Маркс, — закрылись, так как их владельцы бежали. Это — старый метод капиталистов-промышленников, считающих себя вправе, „в силу стихийного действия законов политической экономии", не только извлекать прибыль из труда рабочих, рассматривая это как условие труда, но и совершенно приостанавливать работу и выбрасывать рабочих на мостовую, чтобы вызывать искусственный кризис всякий раз, когда победоносная революция угрожает „порядку" их „системы"».[23]

В набросках к «Гражданской войне во Франции» Маркс выдвигает весьма важный тезис о классовой борьбе в период диктатуры пролетариата. Он отмечает, что классовая борьба с победой пролетариата не устраняется. Рабочий класс должен пройти различные стадии этой борьбы. Создание им нового общественного строя будет «задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов».[24] С помощью классовой борьбы пролетариат добивается уничтожения всех классов и, следовательно, классового господства.

Анализируя деятельность правительства Коммуны, Маркс подверг критическому разбору его ошибки и недостатки, которые были результатом непоследовательного проведения им политики диктатуры пролетариата: отказ от немедленной национализации французского банка, неуменье привлечь на свою сторону крестьянство, непонимание законов классовой борьбы и гражданской войны, нерешительность в действиях против угнетательской машины буржуазного государства, мягкость и уступчивость по отношению к своим классовым врагам и предателям. Маркс показал, что из негативного исторического опыта Парижской Коммуны вытекали весьма важные уроки для международного пролетариата.

В набросках к «Гражданской войне во Франции» и в самом произведении Маркс высказывает ряд весьма важных мыслей, которые дали ему возможность позже,

---

[23] Там же, стр. 533.
[24] Там же, стр. 554.

в «Критике Готской программы», в классическом виде сформулировать тезис о переходном периоде от капитализма к социализму. Маркс и Энгельс приходили к весьма важному выводу: Парижская Коммуна практически подтвердила, что власть рабочего класса является средством подавления эксплуататоров и орудием экономической революции, означающей построение социализма. «Маркс подчеркивал, что в период строительства бесклассового общества все большее значение будет приобретать хозяйственная деятельность пролетарского государства, призванного перестроить всю организацию экономики на новых основах, избавить ее от стихийного, анархического характера, добиться „гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства“».[25]

О необходимости подавления противников пролетариата с помощью пролетарского государства Энгельс говорит в письме к Бебелю от 18—23 марта 1875 г. Он развивает, как и Маркс, чрезвычайно важное положение, что государство является «временным учреждением», которое пролетариату необходимо в борьбе, в революции для подавления противников, для удержания их от реставрации старых порядков. Когда же будет свобода (Энгельс имеет в виду полный коммунизм), тогда не будет существовать государство.

В письме к американскому социалисту Ван-Паттену в 1883 г. Энгельс, подчеркивая необходимость подавления эксплуататоров и проведения пролетарской экономической политики, указывал: «...класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому». Посредством своей государственной власти «победоносный рабочий класс может осуществлять только что завоеванную им власть, подавить своих врагов — капиталистов и провести то экономическое переустройство общества, без которого вся победа неминуемо закончится поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны».[26]

---

[25] Карл Маркс. Биография. М., 1968, стр. 560.

[26] Ф. Энгельс — Ф. Ван-Паттену. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 9.

Ленин высоко оценивал теоретические выводы Маркса, сделанные им на основании опыта Парижской Коммуны. Они легли в основу дальнейшего развития Лениным теории научного коммунизма. Его работа «Государство и революция», представлявшая собой обобщение международного опыта революционного движения на новом этапе в развитии капитализма, написана на основании тщательного изучения всех работ и высказываний основоположников научного социализма о Парижской Коммуне.

Маркс и Энгельс глубоко проанализировали не только положительный опыт, но и ошибки парижских коммунаров. Впоследствии Ленин в период Великой Октябрьской социалистической революции неоднократно ссылался на эти исторические уроки. В письме к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. Маркс писал: «Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости... Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне».[27]

Анализируя политическую деятельность Коммуны по отношению к реакции, Маркс и Энгельс подчеркивали, что руководители ее не использовали в необходимой мере средства политического насилия. Касаясь экономической политики Коммуны, Энгельс указал, что она упустила многое, что ей необходимо было сделать. «Труднее всего, разумеется, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой».[28]

Крупнейшим историческим недостатком действий Парижской Коммуны было то, что во главе ее стояли левые прудонисты и бланкисты, не понимавшие закономерностей общественного развития, законов классовой борьбы. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на то, что восставшими трудящимися Парижа не руководила революционная партия, вооруженная необходимой теорией и владевшая тактикой революционной борьбы.

---

[27] К. Маркс — Л. Кугельману. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

[28] Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса..., стр. 197.

Впоследствии, в период Великой Октябрьской социалистической революции, большевики под руководством Ленина, исходя из опыта Парижской Коммуны и анализа Марксом и Энгельсом ее деятельности, избежали ошибок парижских коммунаров. Парижская Коммуна, будучи интернациональной по своему социальному содержанию и историческим задачам, была первой рабочей революцией, давшей миру опыт создания пролетарского государства.

На различных исторических этапах революционного движения в России Ленин ссылался в подтверждение своих теоретических выводов на учение Маркса о сломе буржуазной государственной машины, о руководящей роли пролетариата, о социальной и экономической политике пролетарской революции и т. д.

В период Великой Октябрьской революции обобщения Марксом опыта Парижской Коммуны имели для российского пролетариата не только теоретическую, но и большую практическую ценность. Ленин в целом ряде своих произведений проводит параллель между Парижской Коммуной как особым типом государства и тем новым типом государства, который вырос в ходе революции в России. Еще в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин писал, что Советы рабочих и солдатских депутатов «воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал „открытой, наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся“».[29]

Защищая от оппортунистов учение Маркса и Энгельса о государстве нового типа, Ленин конкретизирует и развивает его дальше на основе опыта революции в России, в особенности в период строительства пролетарского государства. В своем произведении «Государство и революция» он указывал: «Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса».[30]

---

[29] В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 163.

[30] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 56.

Резюмируем. На основе исторического опыта Парижской Коммуны Маркс и Энгельс сделали обобщения, имеющие всемирно-историческое значение и послужившие основой для дальнейшего развития Лениным марксизма по вопросам переходного периода и диктатуры пролетариата. Главные из этих обобщений: Коммуна, являясь первым опытом рабочей революции, имеет международное значение и открывает начало социалистических революций во всем мире; опыт Коммуны практически доказал, что пролетариату необходимо разрушить буржуазную государственную машину и создать новый аппарат государственной пролетарской власти; Коммуна поставила вопрос об особом характере пролетарского государства, о его новом типе; практика Коммуны раскрыла историческую необходимость переходного периода от капитализма к социализму; конкретные социально-экономические мероприятия Коммуны указали направление политики пролетариата в переходный период; Коммуна продемонстрировала необходимость объединения рабочего класса с крестьянством и проведения соответствующей пролетарской политики по отношению к последнему; на опыте Коммуны выяснилось, что буржуазия будет оказывать отчаянное сопротивление рабочему классу, поэтому исторически необходимо подавление пролетариатом своих противников; пример Коммуны показал, что рабочий класс должен иметь единую революционную партию, вооруженную революционной теорией; Коммуна подчеркнула интернациональные задачи диктатуры пролетариата.

Маркс на заседании Генерального Совета 23 мая 1871 г., выразив опасение, что Парижская Коммуна находится накануне своего падения, сказал, что «если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения».[31] По выражению Маркса, Парижская Коммуна является зарей великой социальной революции, которая освободит человечество от классового общества.

---

[31] Запись речи К. Маркса о Парижской Коммуне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 629.

Глава вторая

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГОСУДАРСТВА В БОРЬБЕ С СЕКТАНТСТВОМ

Парижская Коммуна практически опровергла не только правооппортунистические взгляды, но и анархистские учения о государстве. Она со всей ясностью показала беспочвенность и вредность взглядов анархистов. Опыт Парижской Коммуны требовал усиления борьбы со взглядами Бакунина и других анархистов.

Из всех мелкобуржуазных сектантских групп в рабочем движении бакунизм был одной из наиболее опасных. Представители этого течения выступали против создания революционной партии пролетариата, против марксистского учения о диктатуре пролетариата; они стремились извратить исторический характер Парижской Коммуны, пытались представить ее как образец отмены государства в общественной жизни. Они выступили против политической борьбы рабочего класса.

Исключительно большое значение в борьбе против бакунистов, против их «политического индифферентизма» имели решения Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 17—23 сентября 1871 г. В авторской записи речи на заседании конференции 21 сентября 1871 г. Энгельс подчеркивал: «Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу. Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен

признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика».[1]

Вокруг резолюции «О политическом действии рабочего класса» на конференции возникли жаркие прения и споры. Основоположники марксизма и их сторонники в борьбе с анархистами подчеркивали, что рабочий класс только через политическую борьбу, высшей формой которой является революция, может прийти к победе. Они подвергли критике взгляды анархистов, отрицавших этот путь и предлагавших создать вместо Интернационала, политической организации международного рабочего класса, объединение профессиональных союзов, очень сходное с организацией тред-юнионов. Ставя вопрос о политической борьбе рабочего класса как основного пути достижения им победы в революции, Маркс и Энгельс при этом подчеркивали роль революционной партии.

В 1873 г. вышла в свет книга Бакунина «Государство и анархия». Это был прямой вызов теории научного коммунизма. Бракке сообщил Марксу, что бакунисты зашевелились и в Германии. На Готском съезде кое-кто был склонен уступить им в одном: не распространять направленной против них литературы. Деятельность бакунистов в Испании вызывала тревогу марксистов. Бакунисты своим соглашением с буржуазной федералистической партией погубили самостоятельное социалистическое движение и способствовали тем самым разгрому правительством восстания.

Все это делало неотложной критику бакунизма с его требованием отмены «всякого государства» и авторитета. Необходимо было вскрыть вредность «политического индифферентизма» анархистов. К тому же Бакунин в книге «Государственность и анархия» пытался сделать Маркса ответственным за все теоретические и тактические про-

---

[1] Ф. Энгельс. О политическом действии рабочего класса. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 421—422.

махи и ошибки В. Либкнехта, заявляя, что последний действует под прямым руководством Маркса. В 70-х годах усиливается борьба Маркса и Энгельса против идеологии анархизма.

Характеризуя взгляды Бакунина, Маркс замечал: «Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов* (!), *отмена права наследования как исходная точка* социального движения (сен-симонистский хлам), *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как *догма*, и т. д., а в качестве главной догмы (*по-прудонистски*) — *воздержание от участия в политическом движении*».[2]

В процессе критики бакунизма, опираясь на опыт Парижской Коммуны, Маркс и Энгельс конкретизируют и развивают отдельные стороны теории научного коммунизма, главным образом по вопросу о государстве будущего. Особенно большое значение в этом плане имеют закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом под названием «Мнимые расколы в Интернационале» (1872 г.); произведения Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (1872 г.), «Бакунисты за работой» (1873 г.) и «Об авторитете» (1874 г.); произведения Маркса «Политический индифферентизм» (1873 г.) и замечания на книгу Бакунина «Государственность и анархия».

К критике бакунизма по вопросу о государстве примыкает выступление Энгельса против прудониста Мюльбергера. В произведении «К жилищному вопросу» он в теоретическом плане рассматривает весьма сложную и острую проблему современности: отношение буржуазного государства к жилищному вопросу. Книга явилась ответом на серию статей в «Volksstaat», написанных прудонистом Мюльбергером. Разоблачая прудонистские рецепты разрешения жилищного кризиса, Энгельс дает принципиальную оценку этого явления. «Так называемая жилищная нужда, — пишет он, — которой в настоящее время уделяется в печати такое большое внимание, заключается не в том, что рабочий класс вообще живет в скверных, перенаселенных, нездоровых жилищах. *Эта*

---

[2] К. Маркс — Ф. Больте. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 279.

жилищная нужда не является чем-то специфическим для современности; она не является даже одним из страданий, характерных именно для современного пролетариата в отличие от всех прежних угнетенных классов; напротив, она затрагивала почти в равной мере все угнетенные классы всех времен. Чтобы положить конец *этой* жилищной нужде, есть только *одно* средство: устранить вообще эксплуатацию и угнетение трудящихся классов господствующими классами».[3]

Таким образом, обостренная жилищная нужда в городах капиталистических стран представляет собой одно из неизбежных следствий капиталистического способа производства и его дальнейшего развития. Жилищный кризис затрагивает непосредственно и мелкую буржуазию.

Энгельс выдвигает принципиальное решение проблемы. Он подвергает критике прудонистскую концепцию разрешения жилищной нужды на почве современного буржуазного общества. Он высмеивает предложение Мюльбергера об отмене найма жилищ путем выкупа их у собственников, показывая, что это требование находится во внутренней связи со всей прудонистской программой возврата от современного капиталистического общества к мелкобуржуазному строю. «Сама идея о том, — замечал Энгельс, — что рабочий должен *купить* себе свое жилье, опять-таки покоится на уже отмеченном нами реакционном прудоновском принципе, будто созданные современной крупной промышленностью условия являются болезненными наростами и что необходимо вернуть общество насильно, — то есть наперекор той тенденции, которой оно следует в течение ста лет, — к такому состоянию, при котором общим правилом является старый, косный ручной труд обособленного производителя и которое вообще есть не что иное, как идеализированное восстановление погибшего и еще погибающего мелкого ремесленного производства».[4]

Выступая против прудонизма с его программой решения социального вопроса в рамках капиталистических отношений, Энгельс указывает, что пока существует капиталистический способ производства, до тех пор утопией

---

[3] Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 207.

[4] Там же, стр. 219—220.

является попытка разрешить жилищный или какой-либо другой вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Радикальное, полное решение может быть найдено лишь на путях социальной революции. В этой связи он подвергает критике книгу Э. Закса «Жилищные условия трудящихся классов и их реформа», в которой автор пытается доказать, что возможность разрешить жилищную проблему в рамках капиталистического общества существует.

Ждать социального решения жилищного вопроса от буржуазного государства, как это делают прудонисты, — значит желать неосуществимого. «Ясно, как день, — писал Энгельс, — что современное государство и не может и не хочет устранить жилищные бедствия. Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих. Чего не желают отдельные капиталисты, ... того не желает и их государство».[5]

Все эти положения, выдвинутые Энгельсом, разоблачили мелкобуржуазную программу прудонизма и дали прямой ответ на вопрос о причинах жилищной нужды в буржуазном обществе и о способах ее ликвидации.

Социальная революция рабочих, уничтожив капиталистический способ производства, сосредоточит в руках рабочего класса все средства существования и средства труда. Энгельс при этом замечает, что он не берется отвечать на вопрос о том, произойдет ли захват средств производства и средств существования путем насилия, или пролетариат заплатит за них тотчас же вознаграждение, или выкупит постепенно эту собственность. Это будет зависеть от конкретных условий той или иной страны.

Предположение Энгельса оправдывается ходом развития социалистической революции в различных странах.

Касаясь решения жилищного вопроса после социальной революции, Энгельс указывал, что оно зависит не только от обстоятельств времени и места, но и от ряда вопросов принципиального характера, среди которых важнейшее значение имеет вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней.

Рассматривая жилищную политику пролетариата в первый период революции, Энгельс писал, что «сначала

---

[5] Там же, стр. 253.

всякая социальная революция должна будет брать вещи такими, какими она их найдет, и бороться с наиболее вопиющим злом при помощи имеющихся налицо средств. И мы уже видели, что помочь устранению жилищной *нужды* можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части».[6]

Произведение Энгельса «К жилищному вопросу», известным образом примыкая к более ранним работам Маркса, в которых дается критика прудонизма, поднимает, как мы видели, новый вопрос, освещает одну из немаловажных сторон общественного развития. Впоследствии эта проблема получила свое дальнейшее развитие в работах Ленина на опыте социалистической революции.

Произведения Маркса и Энгельса, направленные против бакунизма в 70-е годы, выдвигают весьма важные вопросы научного коммунизма (вопросы революции и государства) и дают всестороннюю критику теоретических основ анархизма и практической деятельности бакунистов на опыте революционного движения в Испании.

Характеризуя теснейшую связь взглядов Бакунина и Прудона, Энгельс в письме к Т. Куно от 24 января 1872 г. писал: «У Бакунина своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем самым существенным является прежде всего то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал и, следовательно, не возникшую в результате общественного развития классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, а государство».[7]

После Парижской Коммуны борьба Маркса и Энгельса с бакунизмом по вопросу о государстве резко усилилась. Исторический опыт Коммуны настоятельно требовал полного разоблачения реакционных воззрений анархистов на государство.

В циркуляре «Мнимые расколы в Интернационале» Маркс и Энгельс подвергли критике сектантство в революционном движении, разоблачили перед пролетариатом враждебную деятельность анархистов, их борьбу против Интернационала. Основоположники марксизма, проанали-

---

[6] Там же, стр. 239.

[7] Ф. Энгельс — Т. Куно. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 327—328.

зировав историю сектантского движения, подчеркнули, что «секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными».[8] В настоящее время альянс Бакунина «провозглашает анархию в пролетарских рядах как наиболее верное средство сокрушить мощную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров».[9]

Бакунин развивал в новых условиях взгляды Макса Штирнера и Прудона, а также их сторонников. Он требовал немедленной отмены государства, отрицая необходимость политической борьбы рабочего класса и захвата им политической власти. В своей книге «Государственность и анархия» он игнорировал экономические основы возникновения и развития государства. Государственность, по словам Бакунина, — это главное зло в истории; против нее и следует бороться. Будущий строй — это господство анархии, где отсутствует авторитет и принуждение. Бакунин заявлял, что для него не имеет значения тот или иной тип государства. Государство должно быть отменено с сегодня на завтра. Энгельс в недавно опубликованном письме к Карло Кафьеро от 1 июля 1871 г. писал иронически: «Во время восстания в Лионе в сентябре 1870 г., подавленного вооруженной силой, Бакунин декретировал в ратуше отмену государства, не приняв никаких мер против всех буржуа из национальной гвардии, которые преспокойно отправились в ратушу, выгнали вон Бакунина и менее чем за час восстановили государство».[10]

Критикуя программу Бакунина, Энгельс подчеркивает полное непонимание им зависимости государства от классов. «В то время как основная масса социал-демократических рабочих вместе с нами считает, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для защиты своих общественных привилегий, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Мнимые расколы в Интернационале. Соч., т. 18, стр. 30.

[9] Там же, стр. 45.

[10] Ф. Энгельс — К. Кафьеро. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 201—202.

только по милости государства. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего упразднить государство, и тогда капитал сам собой полетит к черту. Мы же говорим обратное: упраздните капитал — присвоение немногими всех средств производства, — и тогда государство падет само собой. Разница существенная: упразднение государства без осуществления прежде социального переворота — бессмыслица; упразднение же капитала — это *и есть* социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства».[11]

Выступление Бакунина после Парижской Коммуны против государственности не могло ничего иного означать, как борьбу против признания диктатуры пролетариата. Конспект Маркса книги Бакунина «Государственность и анархия» подчеркивает как раз эту сторону его воззрений. Установка Бакунина в вопросе о государстве была объективно рассчитана на разоружение международного рабочего движения, на отказ от борьбы за диктатуру пролетариата.

Маркс в конспекте книги Бакунина, отвергая анархистское требование отмены государства с сегодня на завтра, подчеркивает необходимость пролетарской государственности в результате социальной революции рабочего класса. Этому учит опыт Парижской Коммуны. Он указывает, что пролетариат должен применять меры насилия по отношению к своим врагам — господствующим классам, ибо последние не исчезают сразу. Пролетариат нуждается в государстве еще и потому, что старые экономические отношения, на которых основываются классы и их борьба, должны быть насильственно устранены или преобразованы.

К. Маркс предельно кратко, но исключительно ясно обосновывает эту точку зрения: «Это значит, покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры *насилия*, стало быть, правительственные меры; если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается клас-

---

[11] Ф. Энгельс — Т. Куно, стр. 328.

совая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен».[12]

Здесь Маркс, исходя из исторических уроков Парижской Коммуны, рельефно подчеркивает одну из важнейших закономерностей переходного периода, отмечая основные социально-политические и экономические задачи диктатуры пролетариата. Теория переходного периода получает у Маркса свою дальнейшую конкретизацию. Касаясь вопроса о сроках существования диктатуры пролетариата и критикуя заявление Бакунина о том, что марксисты будто бы считают ее кратковременной, Маркс писал: «*Классовое господство* рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов».[13] Вместе с тем здесь отмечается, что диктатура пролетариата имеет исторически преходящий характер.

Это важное принципиальное положение теории научного коммунизма было впоследствии разработано дальше на основе опыта социалистической революции Лениным.

В теснейшей связи с вопросом об основной закономерности в переходный период — о борьбе против капиталистического класса на базе коренного преобразования старых производственных отношений — Маркс выдвигает другой весьма важный вопрос в теории переходного периода: вопрос об отношении пролетариата к крестьянству. Он дает четкий ответ, исходя из исторического опыта революций на Западе и особенно Парижской Коммуны. «Значит там, — писал Маркс, — где крестьянин существует в массовом масштабе как частный земельный собственник, там, где он даже образует более или менее значительное большинство, как во всех странах западноевропейского континента, там, где он не исчез и не заменен сельскохозяйственными батраками, как в Англии, — там произойдет следующее: либо крестьянин станет препятствовать и приведет к крушению вся-

---

[12] К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 611.

[13] Там же, стр. 617—618.

кую рабочую революцию, как он это делал до сих пор во Франции, либо же пролетариат (ибо крестьянин-собственник не принадлежит к пролетариату; даже тогда, когда по своему положению он к нему принадлежит, он думает, что не принадлежит к нему) должен в качестве правительства принимать меры, в результате которых непосредственно улучшится положение крестьянина и которые, следовательно, привлекут его на сторону революции; меры, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так чтобы крестьянин сам пришел к этому хозяйственным путем; но нельзя огорошивать крестьянина, провозглашая, например, отмену права наследования или отмену его собственности. . .».[14]

Исходя из опыта революционного движения, Маркс формулирует принципы политики пролетариата по отношению к крестьянству: рабочий класс должен с помощью своего государства принимать меры, которые бы улучшили положение крестьянства и привлекли его на сторону пролетарской революции. Важно заметить, что Маркс указывает на необходимость таких государственных мероприятий, которые в зародыше могли бы в дальнейшем облегчить переход крестьянства от частной собственности на землю к собственности коллективной. Маркс подчеркивает, что этот переход должен совершиться на базе экономического развития самого сельского хозяйства. Он выступает против скоропалительных административных мероприятий в отношении собственности крестьянства.

Великая Октябрьская социалистическая революция, как и последующее развитие социалистических революций в других странах, полностью подтвердила научное предвидение Маркса, его обоснование основных принципов пролетарской политики в отношении крестьянства в переходный период. Эти идеи получили свое дальнейшее развитие и обогащение в трудах Ленина, который разработал вопрос о союзе пролетариата с крестьянством на различных этапах буржуазно-демократической и социалистической революций.

Отрицая социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, анархисты выступали тем самым против

---

[14] Там же, стр. 611—612.

признания авторитета в обществе. Бакунисты объявили себя сторонниками полной, ничем не ограниченной свободы, полной автономии личности. Первым актом борьбы против государства, утверждали они, является отмена всякой власти и всякого авторитета. «(Каким образом, — спрашивал Энгельс, — люди будут пускать в ход фабрики, пользоваться железными дорогами, управлять кораблем без единой, решающей в последней инстанции воли, без единого руководства, — этого нам, конечно, не говорят). Прекращает также существовать и авторитет большинства по отношению к меньшинству. Каждая личность, каждая община автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них не поступился чем-нибудь из своей автономии, — об этом Бакунин снова умалчивает».[15]

Маркс в своем конспекте книги Бакунина подвергает критике бакунистскую точку зрения на «автономию личности» и непризнание авторитета в различных областях общественной жизни. «Неужели, например, в профессиональном союзе, — иронически замечал Маркс, — весь союз образует свой исполнительный комитет? Неужели на фабрике исчезнет всякое разделение труда и различные функции, из него вытекающие? А при бакунинском построении „снизу вверх“ разве все будут „вверху“? Тогда ведь не будет никакого „внизу“. Неужели все члены общины будут в равной мере ведать общими интересами „области“? Тогда не будет никакого различия между общиной и „областью“».[16]

Энгельс в статье «Об авторитете» (1874 г.) излагает марксистскую точку зрения на принцип авторитета в социалистической революции. Опровергая анархистский принцип автономии личности, он обосновывает марксистское решение вопроса. «Предположим, — замечал Энгельс, — что социальная революция свергла капиталистов, авторитету которых подчиняются в настоящее время производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью тех рабочих, которые их используют.

---

[15] Ф. Энгельс — Т. Куно, стр. 329.

[16] К. Маркс. Конспект книги Бакунина.., стр. 615.

Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму?».[17]

Энгельс показывает, что из характера современной крупной промышленности неизбежно вытекает принцип авторитета: необходим, например, инженер для бесперебойного функционирования машин, и т. д. «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке».[18] Материальные условия, при которых происходит производство и обращение продуктов, объективно, обусловливают необходимость авторитета, руководителей производственного процесса.

Столь же неизбежен авторитет и в области политических отношений. Выступая против требования анархистов об «отмене авторитета» в области революционной борьбы, Энгельс подчеркивал, что стихийное движение народных масс требует руководства ими в ходе развития революции. Сами народные массы авторитетно с помощью политической власти навязывают свою революционную волю побежденной реакции. «Они требуют, — писал Энгельс об анархистах, — чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитетная вещь, какая только возможна... Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» [19]

Исключительное значение для марксистского понимания принципа авторитета имеет положение Энгельса: «Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития».[20] Авторитет в условиях социалистического общества меняет свое содержание и форму. Он покоится на добровольном и вместе с тем не-

---

[17] Ф. Энгельс. Об авторитете. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 303.

[18] Там же, стр. 304.

[19] Там же, стр. 305.

[20] Там же, стр. 304.

обходимом его признании широкими народными массами.

В социалистическом обществе вопрос о политическом авторитете связан с решениями большинства. Социалистическое общество допускает авторитет лишь в тех границах, в которых его неизбежно предписывают условия производства и руководства в социальной, политической и культурной областях. Он не может иметь абсолютного характера.

Авторитет в социалистическом обществе имеет свой источник в массах, в их добровольной и признанной ими оценке руководителей в различных областях общественных отношений. Понятие авторитета не имеет ничего общего с возвеличиванием личности, против которого Маркс и Энгельс на протяжении всей своей жизни вели непримиримую борьбу (это касается Лассаля, в своей деятельности исходившего в значительной степени из культа своей личности). В этой связи они решительно выступали против возвеличения их роли в рабочем движении. «И Маркс и я, — писал Энгельс, — всегда были против всяких публичных демонстраций, посвященных отдельным лицам; это допустимо разве только в том случае, когда таким путем может быть достигнута какая-нибудь значительная цель; но больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас».[21]

Ленин высоко оценивал статью Энгельса «Об авторитете». Он подчеркивал, что современные социал-демократы не поняли действительной критики Энгельса.

«Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно*, — вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

«Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: „мы-де признаем государство, а анархисты нет!“. Разу-

---

[21] Ф. Энгельс. Певческому кружку лондонского Коммунистического просветительного общества немецких рабочих. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 270.

меется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих».[22]

Маркс и Энгельс в своей критике анархизма вскрывают и коренное различие, существующее между марксистами и анархистами в понимании классовой борьбы. В статье «Политический индифферентизм» (1874 г.) Маркс показывает, что Прудон был решительным противником борьбы рабочего класса против буржуазии в экономической области, выступая против классовых организаций пролетариата. Его ученики являются ярыми противниками ведения пролетариатом политической борьбы и завоевания ими политической власти. «Учитель, — замечал Маркс, — проповедовал экономический индифферентизм, *чтобы оградить свободу, или буржуазную конкуренцию*, нашу единственную гарантию. Ученики проповедуют политический индифферентизм, чтобы оградить буржуазную свободу, их единственную гарантию».[23]

Маркс и Энгельс указывали, что политическая борьба является решающей формой борьбы рабочего класса, необходимым средством завоевания им власти. Пролетариат не должен воздерживаться и от участия в парламентской борьбе — одном из видов политической борьбы. В этой связи Маркс раскрывает соотношение между политической и экономической формами борьбы рабочего класса. В письме к Фридриху Больте от 23 ноября 1871 г. он писал:

«Политическое движение рабочего класса, разумеется, имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой экономической борьбы.

«С другой же стороны, всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как *класс* господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение. Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капитали-

---

[22] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 63.

[23] К. Маркс. Политический индифферентизм. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 301.

стов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть *политическое* движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, то есть движение *класса*, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества».[24]

Впоследствии Ленин, исходя из этих марксистских идей, в процессе борьбы с «экономистами» развил тезис о решающем значении политической борьбы пролетариата, о первенстве ее в сравнении с борьбой экономической.

В статьях «Бакунисты за работой» (1873 г.) Энгельс показал на примере восстания в Испании летом 1873 г., что принципы бакунизма, диктующие воздержание от политики, были опрокинуты жизнью.

События в Испании развернулись после отречения от престола короля Амадео 9 февраля 1873 г. Была провозглашена республика. В баскских провинциях Испании вспыхнуло монархическое восстание. Борьба шла между монархистами и республиканцами, а внутри республиканского лагеря — борьба буржуазии против рабочего класса, за его устранение из общественного движения страны. Рабочие массы стремились к активному участию в событиях.

«Правительство, — писал Энгельс, — назначило выборы в учредительные кортесы; какую позицию должен был занять Интернационал? Главари бакунистов были в величайшей растерянности. Дальнейшая политическая бездеятельность становилась со дня на день все более смешной и невозможной; рабочие хотели „видеть дело“. С другой стороны, альянсисты много лет проповедовали, что не следует принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение рабочего класса, что предпринять какое-либо политическое действие значило бы тем самым признать государство,

---

[24] К. Маркс — Ф. Больте. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 282—283.

этот источник всякого зла, и что именно поэтому участие в каких-либо выборах является преступлением, заслуживающим смертной казни».[25]

Бакунисты оказались политическими банкротами. Они на деле отреклись в самой трусливой форме от ими же провозглашенных ранее теоретических принципов и вступили в движение, однако не имея для рабочей массы никакой политической программы.

«Бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу... Каков же был естественный результат этого? — Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Санлукар-де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки буржуа-интрансижентов, как это было в большинстве восстаний...

«Одним словом, бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик, как *не* следует делать революцию».[26]

Итак, Маркс и Энгельс, подытожив опыт революционной борьбы в Испании (как ранее опыт Парижской Коммуны), в борьбе с анархистами еще раз подтвердили необходимость ведения рабочим классом политической борьбы против существующего капиталистического государства. Энгельс писал, что деятельное вмешательство рабочего класса в политику становится неотвратимым и необходимым. Но это вмешательство, как он неоднократно отмечал, имеет своим основанием в конечном счете социально-экономические объективные условия. Между тем Бакунин и его последователи исходили в своей трактовке революции отнюдь не из них. «*Воля*, а не экономические условия, — замечал Маркс, — является основой его социальной революции».[27]

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс, рассмотрев вопрос о политической форме классовой борьбы и ее значении для освобождения угнетенного класса от экономического гнета,

---

[25] Ф. Энгельс. Бакунисты за работой. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 458.

[26] Там же, стр. 473—474.

[27] К. Маркс. Конспект книги Бакунина..., стр. 615.

замечал: «Борьба угнетенного класса против господствующего неизбежно становится политической борьбой, борьбой прежде всего против политического господства этого класса».[28]

Уничтожив государственную машину буржуазии, пролетариат создает собственное государство, которое необходимо ему до его окончательной победы над классовыми врагами, т. е. вплоть до окончательной победы коммунизма. Диктатура пролетариата является необходимой ступенью классового господства. Она исчезнет тогда, когда исчезнут экономические основы существования классов. Задача пролетариата в социалистической революции заключается не в том, чтобы, как утверждают анархисты, сразу разрушить государство вообще, а в том, чтобы приступить к его коренной ломке, заменяя его аппаратом нового, пролетарского государства.

Маркс и Энгельс в полемике с анархистами поставили вопрос об исторических условиях отмирания государства вообще. Этот процесс они относили, во-первых, к пролетарскому государству; во-вторых, связывали его с ликвидацией экономических основ существования классов, которая происходит в результате полной победы коммунизма.

Во внутренней связи с борьбой против бакунизма Энгельс подверг критике политическую и теоретическую позицию бланкизма. Глубоко анализируя взгляды Бакунина и его приверженцев, он подчеркивал близость их к программе бланкистов. Бланкизм исходит из убеждения, что революции вообще не сами происходят, а производятся по заранее разработанному плану. «Бланки, — писал Энгельс, — преимущественно политический революционер; социалист он только по чувству, из участия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности он был по преимуществу „человеком дела", верившим, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может несколькими первыми

---

[28] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 312.

успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию».[29]

Однако нельзя не отметить, что и Маркс, и Энгельс высоко ценили личность Бланки, его кипучую революционную энергию, отвагу и мужество. Но они считали необходимым критиковать его программу и теоретическую позицию.

Энгельс показал, что бланкисты не понимали закономерностей общественного развития, действовали независимо от них, а поэтому стремились произвольно сократить сроки, «перепрыгнуть» через исторические этапы. Бланкисты в своих действиях противопоставляли свои субъективные убеждения объективному историческому процессу, в то время как действительные коммунисты, поставив себе цель — достигнуть социалистического общества, учитывают все промежуточные этапы и неизбежность компромиссов, создаваемую историческим развитием. Бланкисты «воображают, что раз *они* хотят перескочить через промежуточные станции и компромиссы, то и дело в шляпе, и что если, — в чем они твердо уверены, — на этих днях „начнется", и власть очутится в их руках, то послезавтра „коммунизм будет введен"».[30]

Не менее суровой и обстоятельной критике Энгельс подверг взгляды русских бланкистов в лице Ткачева, показав близость их к бакунинской программе. Касаясь представлений Ткачева о революции, Энгельс замечал: «Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там „революционер по инстинкту", „практическая необходимость", „инстинкт самосохранения" сделают все остальное „уже сами собой"».[31]

Последователи Бланки ничему не научились от истории, от Парижской Коммуны; им было чуждо понятие о действительной социалистической революции, о диктатуре пролетариата.

Полемика Ф. Энгельса с бланкистами имеет важное историческое значение. Она со всей определенностью подчеркнула, что коммунисты в своей борьбе за социализм должны исходить из закономерностей общественного раз-

---

[29] Ф. Энгельс. Эмигрантская литература. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 511.
[30] Там же, стр. 515—516.
[31] Там же, стр. 546—547.

вития. Никакое *произвольное* вмешательство не может ускорить наступление желаемого исторического события. Революция вырастает закономерно из объективных социально-экономических условий.

Марксизм впервые научно разрешил вопрос о соотношении объективной и субъективной стороны исторического процесса. В борьбе против идеалистов из буржуазного лагеря и представителей утопического социализма Марксу и Энгельсу пришлось со всей основательностью анализировать зависимость субъективного фактора от объективных обстоятельств и условий общественной жизни. Они подчеркивали, что О. Бланки дает одностороннее, волюнтаристическое истолкование проблемы, искаженное представление о сознании и воле личности. Абсолютизируя значение личности в истории, ее сознания, способностей и действий, бланкизм искажал перспективу исторического развития, представлял в ложном свете возможную роль субъективного фактора в социальном прогрессе. Он истолковывал ее произвольно.

Маркс и Энгельс решали этот вопрос диалектически, отмечая зависимость в конечном счете субъективного фактора от объективных условий и вместе с тем подчеркивая активную сторону субъективного фактора в историческом процессе. Маркс писал, что люди являются одновременно и авторами своей собственной драмы.

Энгельс подчеркивал, что «там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью».[32]

Маркс и Энгельс, выступая против бланкизма и сходных с ним течений, в своей критике подчеркивали необходимость борьбы против «левого оппортунизма» в рабочем движении. Нельзя при этом не вспомнить, что Энгельс в 90-х годах подверг решительной критике левацкие, сектантские взгляды «молодых», отрицающих использование легальных возможностей.

Впоследствии Ленин, опираясь на критику Энгельсом бланкизма, показал принципиальное отличие революцион-

---

[32] Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 544.

ного марксизма от программы бланкистов на примере тактики рабочего класса по отношению к империалистической войне, к вопросу вооруженного восстания и пролетарской революции, а также на примере отношения борющейся партии к компромиссам. Касаясь последнего вопроса, Ленин писал: «Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: „никаких компромиссов!". Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз навсегда отказаться „принимать уплату долга по частям". Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции».[33]

Отмечая главное отличие революционного марксизма от бланкизма, Ленин указывал, что марксисты исходят прежде всего из признания объективных законов общественного развития, из учета объективных условий классовой борьбы. «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента».[34]

Ленин, исходя из принципиальных положений марксизма, подверг обстоятельной критике левый оппортунизм, возникший в рабочем движении. Это прежде всего относилось к троцкизму, который выступил с псевдореволюционным призывом к немедленной мировой революции, утверждал, что социалистическая революция рождается непосредственно из войны, и требовал военно-бюрократических методов государственного и общественного управления. В своей работе «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» Ленин вскрыл возникавший в международном рабочем движении левый оппортунизм, характе-

---

[33] В. И. Ленин. О компромиссах. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 133.

[34] В. И. Ленин. Письма о тактике. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.

ризовавшийся сектантством, отказом от использования массовых рабочих организаций, преувеличением роли насилия, догматизмом, прикрытым левой фразой; Ленин проницательно указал на опасность, которую он несет для рабочего класса и коммунистических партий, и дал ему обстоятельную критику. Эта критика Лениным левого доктринерства, таким образом, восходит к той борьбе, которую Маркс и Энгельс в другой исторической обстановке вели против бакунизма, бланкизма и левацкой программы «молодых».

Эта борьба Маркса и Энгельса приобретает в наше время актуальное значение. «Левый» оппортунизм с его сектантством, преувеличением роли насилия, бюрократическими методами администрирования становится серьезной опасностью в мировом коммунистическом движении.

Энгельс писал в 1874 г. по поводу манифеста тридцати трех коммунаров-бланкистов, что они не понимают, что переход общества к коммунизму происходит в результате объективно-исторического процесса, а вовсе не является следствием простого желания людей. Нужно ли говорить, что эта критика прямо относится к современному «левому» оппортунизму, провозгласившему возможность перехода к коммунизму, минуя низшую его фазу — социализм.

Разоблачение Марксом и Энгельсом несостоятельных теорий анархистов подорвали влияние анархизма, в частности в романских странах, где он имел в свое время широкое распространение.

Подведем итоги. В борьбе с анархизмом, с его различными течениями Маркс и Энгельс, исходя из опыта Парижской Коммуны и ее исторических уроков, конкретизировали и развили дальше весьма важные стороны теории революции и государства: обосновали необходимость диктатуры пролетариата для подавления господствующего класса и построения социалистического общества, а также необходимость пролетарской государственности для уничтожения экономической основы существования классов; сформулировали принципы политики пролетариата по отношению к крестьянству и, в частности, указали меры, которые в зародыше должны облегчить переход крестьянства от частной собственности на землю к собственности коллективной; рассмотрели вопрос о взаимоотношении

общества и личности в социалистической революции и при социализме; доказали необходимость политической борьбы как решающей формы борьбы рабочего класса за завоевание политической власти; проанализировали исторические условия отмирания государства вообще, критикуя анархистские взгляды в этом вопросе; сформулировали объективные основы теории и тактики пролетарской революции и дали критику субъективизма и сектантства бланкистов в решении теоретических и практических вопросов политической борьбы.

Глава третья

КРИТИКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ «НАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА» ЛАССАЛЯ И ОБОСНОВАНИЕ КОРЕННЫХ ОСНОВ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА В «КРИТИКЕ ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ»

Исключительное значение для развития теории научного коммунизма имеет работа К. Маркса, получившая впоследствии наименование «Критика Готской программы». Ленин подчеркивал ее важное теоретическое значение для всего международного коммунистического движения. В этой работе Маркс развивает коренные положения научного коммунизма, изложенные ранее в «Манифесте Коммунистической партии», «Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта» и др. Он опирается при этом на опыт Парижской Коммуны, давший ему возможность сформулировать важнейшие закономерности общественного развития и обогатить новыми идеями свою теорию. В этом произведении сделан большой шаг вперед в разработке таких проблем, как социалистическая революция, переходный период от капитализма к социализму, диктатура пролетариата, закономерности коммунизма и т. д. Критика Карлом Марксом проекта Готской программы была после «Манифеста Коммунистической партии» важнейшим теоретическим документом марксизма.[1]

«Критика Готской программы» Маркса имеет свою историю, ознакомление с которой дает возможность глубже понять ее теоретическое значение для революционного марксизма. Это произведение написано Марксом в период ожесточенной борьбы с лассальянством. В конце 60-х и начале 70-х годов в Германии между двумя партиями в рабочем движении — «Всеобщим германским ра-

---

[1] См.: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 336—337.

бочим союзом», возглавлявшимся первоначально Лассалем, а затем Швейцером, и социал-демократической рабочей партией, созданной на общегерманском рабочем конгрессе в Эйзенахе в 1869 г., — происходила обостренная политическая борьба. Во главе социал-демократической рабочей партии стояли В. Либкнехт и А. Бебель.

Одним из существенных политических вопросов, которые вызывали разногласия между этими двумя партиями, был вопрос о характере объединения Германии, о том, какими социальными силами и каким путем оно произойдет. Лассаль и его сторонники были приверженцами национального объединения Германии «сверху». В брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии» Лассаль обращался не к немецкому народу, а к прусскому правительству, которое было призвано, по его мнению, к тому, чтобы совершить это объединение. «Вреднейшим следствием идеологии Фердинанда Лассаля в шестидесятых годах являлась его ложная пруссаческая ориентировка в вопросе национального объединения Германии».[2] Лассаль даже пошел на сговор с Бисмарком. Маркс в этой связи говорил о нем как о «королевско-прусском социалисте». Эйзенахцы боролись за национальное объединение страны «снизу», рассчитывая его совершить на почве народной революции.

Для взглядов лассальянцев была характерна национальная ограниченность, тесно связанная с примиренчеством к военно-бюрократическому, помещичьему правительству, отрицание классовой борьбы и переоценка значения всеобщего избирательного права для движения рабочего класса. Лассаль отстаивал мирный и легальный путь развития рабочего движения.[3] Средством удовлетворения политических интересов он считал мирную и законную агитацию при помощи всех законных средств.

После совершившегося в 1871 г. объединения Германии отпало одно из важнейших политических расхождений между лассальянцами и эйзенахцами и возник вопрос об объединении двух партий. Маркс и Энгельс стояли за организацию в Германии революционной пролетарской партии, вооруженной революционной теорией.

---

[2] Там же, стр. 213.

[3] См. статью: А. К. Воробьева. Из истории рабочего движения Германии в 1862—1864 гг. В сб.: Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, М., 1955.

Маркс и Энгельс предупреждали руководителей эйзенахцев против скороспелого объединения с лассальянцами. Они ставили вопрос о необходимом прежде всего идейном размежевании, о создании идейно-политического единства в партии, объединенной на базе единой революционной теории. «Они опасались, что наспех, без должной идеологической и политической подготовки проведенное слияние Эйзенахской партии и лассальянского союза усилит в партии оппортунистические элементы, снизит ее идейный уровень, принесет больше вреда, чем пользы».[4]

Весьма важное значение имело письмо Энгельса Августу Бебелю от 18—28 марта 1875 г., написанное им после появления 7 марта 1875 г. в газетах «Volksstaat» и «Neuer Sozial-Demokrat» проекта программы будущей объединенной партии. В письме критиковался этот проект и делался следующий вывод: «Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласимся примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны будем очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней».[5]

Вопреки настоятельным указаниям Маркса и Энгельса вожди эйзенахцев пошли на безоговорочное объединение с лассальянцами. «Маркс и Энгельс не были информированы Вильгельмом Либкнехтом о предварительных переговорах с лассальянцами».[6]

Перед съездом в Готе Маркс через Бракке послал руководителям немецкой социал-демократической партии свои «Заметки на полях объединительной программы», предпослав им сопроводительное письмо, в котором предупреждал, что если проект программы будет принят, то он и Энгельс вынуждены будут опубликовать сообщение о своей полной непричастности к нему. В. Либкнехт, получив эти критические заметки Маркса, не показал их даже А. Бебелю. Он умышленно не ставил своевременно в известность Маркса и Энгельса о ходе переговоров с лассальянцами и о принятом компромиссном решении. Впоследствии в своем докладе о программе партии на

---

[4] Карл Маркс. Биография. М., 1968, стр. 618.

[5] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 104.

[6] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1, S. 336.

партейтаге в Галле (1890 г.) В. Либкнехт вынужден был признать наличие компромисса в ее содержании. «Наша теперешняя программа, — говорил он, — была действительно компромиссом между программой эйзенахцев, стоявших на почве интернациональных рабочих ассоциаций, и национальным Всеобщим германским рабочим союзом».[7]

Свою примиренческую позицию В. Либкнехт пытался «обосновать» ссылкой на то, что Маркс, будучи правым в критике теоретической стороны программы, ошибался относительно практической части — объединения в Готе. «То, что он (Маркс), — утверждал Либкнехт, — теоретически сказал против этого проекта, было правильно до последней буквы, это я знал тогда точно, как сегодня; но теория и практика не одно и то же, я безусловно доверял суждениям Маркса в теории, в практике же я шел моими собственными путями».[8] Маркс находился в Англии и не знал поэтому, по словам Либкнехта, конкретных условий Германии.

Это было неверно. Маркс и Энгельс были в курсе всех конкретных событий немецкого рабочего движения, потому они и были против беспринципного содержания принятой в Готе программы.

Бебель сделал уступку сторонникам компромисса между эйзенахцами и лассальянцами. «Меня, — писал он в своих мемуарах, — просили не разрушать согласия своим открытым возмущением и таким образом не срывать, быть может, объединения. Я уступил этому желанию, так как это объединение было и мне по душе».[9]

Только исходя из тактических соображений, Маркс и Энгельс не отмежевались публично от принятой в Готе программы. Энгельс в письме к Бебелю от 12 октября 1875 г. объясняет это следующим образом: «Вся программа в целом в высшей степени неряшлива, путанна, бессвязна, нелогична и позорна... Вместо этого ослы из буржуазных газет приняли эту программу совершенно

---

[7] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Halle, 1890, S. 157.

[8] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt, 1891, S. 325.

[9] А. Бебель. Из моей жизни, т. II, ч. 2. 1919, стр. 126.

всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, повидимому, так же. *Только это обстоятельство* и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Пока наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать».[10]

Маркс и Энгельс прекрасно понимали, что компромисс в Готе, идеологически выраженный в принятой программе, чреват серьезными последствиями для дальнейшего развития немецкой социал-демократической партии. Сурово осудив компромисс эйзенахцев с лассальянским мировоззрением, Энгельс писал Бебелю: «Ваше письмо всецело подтверждает наше мнение о том, что объединение было с нашей стороны опрометчивым шагом и носит в себе зародыш будущего раскола».[11]

Критика Марксом и Энгельсом лассальянства была, в сущности, критикой одного из идеологических источников будущего ревизионизма и его буржуазной программы.[12]

В письме Вильгельму Бракке от 11 октября 1875 г. Энгельс подвел итог своим замечаниям на программу.

«Программа, — писал он, — в ее окончательной редакции состоит из трех составных частей:

«1) из лассалевских фраз и лозунгов, которых нельзя было принимать ни под каким условием...

«2) из ряда вульгарно-демократических требований, сформулированных в духе и стиле Народной партии;

«3) из якобы коммунистических фраз, большей частью заимствованных из „Манифеста“, но переделанных так, что при ближайшем рассмотрении они сплошь оказываются вопиющей бессмыслицей».[13]

Программа развивала точку зрения «национального социализма». Она настежь открывала двери оппорту-

---

[10] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 127—128.

[11] Там же, стр. 126.

[12] «Принятая на конгрессе в Готе партийная программа, следовательно, не соответствовала значению объединения. Проект, как и утвержденная программа, находятся ниже принятой программы в Эйзенахе в 1869 г. Эйзенахская программа была революционной программой, несмотря на свой недостаток» (Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 342).

[13] Ф. Энгельс — В. Бракке. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 125.

низму, отказываясь от классовой борьбы и революции. Важнейшее требование рабочего класса при переходе от капитализма к социализму — диктатура пролетариата — было заменено утопическим требованием «свободного народного государства».

Лассальянцы считали возможным на *почве буржуазного общества* создать «свободное народное государство», которое будто бы без классовой борьбы откроет путь строительству социалистического общества.

Замечания Маркса на Готскую программу впоследствии сыграли исключительную роль в разработке новой программы немецкой социал-демократической партии в Эрфурте 1891 г. и в борьбе против нараставшего оппортунизма. Но значение этой критики далеко вышло за пределы немецкого рабочего движения. Это — документ международного рабочего движения. В нем научный коммунизм получил дальнейшее свое развитие.

Важнейший вопрос, выдвинутый Марксом в этом произведении, — вопрос о будущей коммунистической общественно-экономической формации, об ее закономерностях и о переходе от капитализма к ней, неизбежном в силу действующих в обществе объективных законов. Ленин замечает, что «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется».[14]

Маркс выступает против утопических, иллюзорных представлений о возникновении и развитии коммунистического общества. Он подчеркивает, что новая общественно-экономическая формация «*выходит* как раз из капиталистического общества. . ., поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».[15]

С классической ясностью Маркс выдвигает и обосновывает исключительно важное в теории научного социализма положение об исторической неизбежности особого переходного периода от капитализма к коммунизму. Рево-

---

[14] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 85.

[15] К. Маркс. Критика Готской программы. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 18.

люционное превращение капиталистической общественно-экономической формации в коммунистическую, высшую, обязательно предполагает такой период. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*».[16]

Парижская Коммуна со всей очевидностью продемонстрировала правильность этого положения. Ее первые экономические, социальные и политические мероприятия в какой-то мере предвосхищали будущее. Она полностью подтвердила положение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, которое ими было высказано по существу еще в «Манифесте Коммунистической партии». Опираясь на великий исторический опыт Парижской Коммуны, Маркс со всей четкостью в «Критике Готской программы» формулировал одно из важнейших положений марксизма, в котором для него и Энгельса не было никаких сомнений, о том, что переходный период является общим законом для всех стран.

Маркс указывал, что Парижская Коммуна *практически* подтвердила, что политическое господство рабочего класса не может существовать без коренных революционных преобразований в области экономики. Диктатура пролетариата должна стать средством ниспровержения экономических устоев капитализма, уничтожения экономической основы антагонистических классов. «С освобождением труда, — говорил Маркс, — все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса».[17]

Маркс не только подводит итог своим взглядам на диктатуру пролетариата, высказанным до периода Парижской Коммуны, но в «Критике Готской программы», обобщающей события и уроки Парижской Коммуны, ставит проблему диктатуры пролетариата всесторонне, выдвигая круг неразрывно связанных между собой вопросов о политике и экономике переходного периода. При этом он под-

---

[16] Там же, стр. 27.

[17] К. Маркс. Гражданская война во Франции. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 346.

черкивает, во-первых, что переходный период представляет собой объективную закономерность; во-вторых, политическим выражением переходного периода является диктатура пролетариата; в-третьих, диктатура пролетариата осуществляет социально-экономические мероприятия для перехода к социализму. Она имеет исторически-преходящий характер.

Эти величайшей важности теоретические положения Маркса подверглись впоследствии атакам со стороны реформистов и ревизионистов.

Признание диктатуры пролетариата принципиально отличает марксиста от оппортуниста. Это — главная водораздельная линия. Ленин писал: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма».[18]

На примере современного реформизма мы видим, что главной чертой, противопоставляющей его марксизму-ленинизму, является отказ от диктатуры пролетариата, затушевывание ее коренных основ. Современные правые социал-демократы решительно отклоняют Марксов тезис о переходном периоде. Для них все социальные преобразования совершаются внутри капиталистического общества с помощью законных средств. Годесбергская программа СДПГ исходит из этого положения. В связи с отрицанием диктатуры пролетариата правый социал-демократ Р. Дарендорф утверждает, что история немецкой социал-демократии менее всего связана с Марксом.[19]

Маркс и Энгельс в 70-х годах, отправляясь от сформулированного в «Критике Готской программы» основного положения революционного марксизма о диктатуре пролетариата, решительно выступили против теории врастания капитализма в социализм.

В «Критике Готской программы» наряду с выяснением вопроса о диктатуре пролетариата центральное место занимает анализ закономерностей коммунистической общественно-экономической формации.

---

[18] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 34.

[19] R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. München, 1961, S. 255.

Анализируя исторический опыт Парижской Коммуны, те конкретные экономические, социальные и политические мероприятия, которые она осуществляла или намеревалась осуществить, Маркс пришел не только к выводу, что между капитализмом и социализмом лежит переходный период, но и к заключению, что коммунистическое общество с его принципом распределения (каждому по потребности) возникает не сразу. Возникновение полного коммунистического общества предполагает проведение целого ряда социально-экономических и политических, а также идеологических мероприятий, соответствующих определенным — социалистическим — общественным отношениям.

Этот теоретический вывод имеет исключительно важное значение для теории научного коммунизма, а также для практики построения коммунистического общества. Маркс в «Критике Готской программы» впервые устанавливает две фазы развития коммунистической формации — социализм и коммунизм. Он раскрывает соотношение между низшей и высшей фазами коммунистического общества. В основу характеристики особенностей этих двух ступеней он кладет различие в уровне развития производительных сил, которым соответствуют различные формы распределения.

Маркс выступил против мелкобуржуазных представлений о социализме как об общественном строе, который появляется сразу в готовеньком, чистом виде. Первая фаза коммунизма возникает в результате социалистического строительства в переходный период. Вторая фаза появляется на более высокой ступени развития производительных сил.

Анализируя экономику низшей фазы коммунизма, Маркс опровергает лассальянское требование распределения общественного дохода — право каждого на полный, неурезанный продукт своего труда.

Развитие социалистического общества предполагает непрерывное расширение производства, а это означает, что из получаемого совокупного общественного продукта, писал Маркс, необходимо вычесть:

«*Во-первых,* то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

«*Во-вторых,* добавочную часть для расширения производства.

«*В-третьих*, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.

«Эти вычеты из „неурезанного трудового дохода" — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

«Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.

«Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

«*Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.*

«Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

«*Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей,* как то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.

«Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

«*В-третьих, фонды для нетрудоспособных* и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных...

«„Неурезанный трудовой доход" незаметно превратился уже в „урезанный", хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества».[20]

Здесь Маркс исключительно глубоко и всесторонне дал анализ распределения общественного дохода в социалистическом обществе, отметив закономерности сокращения или возрастания отдельных его долей, предназначенных для удовлетворения отдельных общественных потребностей. Эти марксистские положения имеют не только теоретическое, но и практическое значение для социалистических стран при создании ими своей экономики. Они говорят о необходимости планомерного распределения общественного труда в определенных пропорциях при

---

[20] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 17.

коммунизме. Маркс указывает, что экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени в различных отраслях производства, является исторической необходимостью новой общественной формации.

Ленин замечает: «Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля („полный продукт труда — рабочему“) Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать».[21]

Анализируя принцип распределения в коммунистической общественной формации, Маркс устанавливает, что различным фазам ее будут соответствовать различные формы распределения в соответствии с уровнем развития производительных сил. При социализме распределение продуктов будет происходить по труду; при коммунизме же каждый будет трудиться по способностям и получать по потребностям. Труд перестанет быть только средством для жизни, он станет первой ее потребностью.

В социалистическом обществе уничтожается основное «неравенство» и «несправедливость», заключающиеся в том, что средства производства находятся в монопольном владении класса капиталистов, а огромное большинство людей лишено этих средств производства. Эксплуатация человека человеком ликвидируется.

Однако в первой фазе коммунизма, возникшей «после долгих мук родов из капиталистического общества», как показывает Маркс, неизбежно еще наличие известного экономического неравенства, заключающегося в распределении предметов потребления по принципу низшей фазы коммунизма: «за равное количество труда — равное количество продуктов».

Маркс, анализируя экономические отношения социализма и подчеркивая огромный исторический прогресс социалистического принципа распределения, писал: «Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями».[22]

---

[21] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 92.
[22] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 19.

Это неравенство заключается в том, что один человек физически или умственно превосходит другого или способен работать дольше, один женат, другой — нет, у одного больше детей, чем у другого, и т. д. Поэтому при равном труде, при равном участии в общественном потребительном фонде один получает больше, другой меньше. Этот способ распределения является неизбежным в низшей фазе коммунизма. «Право, — замечал Маркс, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества».[23]

В «Критике Готской программы» Маркс рассматривает, таким образом, вопрос о равенстве, критикуя буржуазное и мелкобуржуазное понимание его, подчеркивая необходимость исторического подхода к нему. Нет справедливости и равенства вообще. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о „равенстве“ и „справедливости“ *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту „несправедливость“, что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления „по работе“ (а не по потребностям)».[24]

Социалистический способ распределения «от каждого по его способностям, каждому по его труду» является единственно возможным, экономически необходимым, адекватным социализму способом распределения. Объективные исторические и экономические законы исключают возможность прямого перехода к коммунистическому принципу распределения, минуя социалистическую фазу общественного развития. Маркс и Энгельс ставили вопрос о способе распределения в будущем обществе в зависимости от развития производительных сил и в связи с этим от количества произведенных материальных благ. Прогресс производства определяет способ распределения. Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г., касаясь дискуссии в «Volks-Tribüne» по поводу способа распределения продуктов в будущем обществе, писал, что, «как ни странно, никому не пришло в голову, что ведь способ

---

[23] Там же.

[24] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 93.

распределения существенным образом зависит от того, *какое количество* продуктов подлежит распределению, и что это количество, конечно, меняется в зависимости от прогресса производства и организации общества, а следовательно, должен меняться и способ распределения. Но все участники дискуссии рассматривают „социалистическое общество" не как что-то постоянно меняющееся и прогрессирующее, а как нечто стабильное, раз навсегда установленное, что должно, следовательно, иметь также раз навсегда установленный способ распределения. Но если рассуждать здраво, то можно все-таки: 1) попытаться отыскать способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться найти *общую тенденцию* дальнейшего развития. Но об этом я во всей дискуссии не не нахожу ни слова».[25]

Энгельс реалистически подходит к вопросу, подчеркивая, что способ распределения в социалистическом обществе зависит от количества материальных благ, произведенных обществом. А это в свою очередь зависит от прогресса производства.

Поэтому всякая попытка выйти за исторические границы прогресса производства при решении вопроса о способе распределения является утопией.

Теория научного социализма Маркса и Энгельса рассматривает социалистический принцип распределения как внутреннюю закономерность развития низшей фазы коммунизма. Он является наиболее справедливым и вместе с тем исторически необходимым в условиях данного уровня развития производства. Он способствует повышению производительных сил и, следовательно, переходу к коммунистическому принципу распределения. Ленин, развивая положения Маркса о социализме, указывал, что социалистический принцип распределения является методом, орудием, средством для повышения производства.

Для перехода к высшей фазе комунизма необходимо соответствующее развитие производительных сил. Социализм развивается на собственной, им же созданной основе. Маркс следующим образом характеризует эту фазу: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его

---

[25] Ф. Энгельс — К. Шмидту. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 370—371.

разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!».[26]

Отмечая основные черты общества, в котором полностью и окончательно победил коммунизм, основоположники марксизма указывали, что оно будет бесклассовым и безгосударственным, хозяйственная жизнь будет вестись по единому плану, в распределении осуществится коммунистический принцип. Коммунизм — это такой общественный строй, «где не будет больше никаких классовых различий, никаких забот о средствах индивидуального существования и где впервые можно будет говорить о действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы».[27]

Маркс, в отличие от Лассаля и его приверженцев, ставил вопрос о коммунизме и о принципах распределения не с точки зрения правовых и моральных идей, а исходя из объективных общественных законов. Он подверг критике так называемую «распределительную» точку зрения. «Всякое распределение предметов потребления, — писал Маркс, — есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства... Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения».[28] Между тем не на распределении нужно ставить главный акцент. Высшая ступень коммунистического общества (в этом ее главное отличие от низшей его ступени) предполагает прежде всего высокий уровень развития производительных сил и производительности обще-

---

[26] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 20.

[27] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 117.

[28] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 20.

ственного труда, который обеспечивает изобилие материальных благ.

Именно этот уровень, как указывает Маркс, приводит к исчезновению противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и граней между классами. Высшая ступень коммунизма представляет собой бесклассовое общество. Условия для осуществления коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям» подготовляются постепенно, по мере роста производительных сил в недрах низшей фазы коммунистического общества. Этот рост совершается на основе планомерного распределения труда в общественном производстве при соблюдении экономии времени, возрастания производительности общественного труда.

Это положение Маркса представляет собой формулировку одного из основных экономических законов коммунистического общества. Практика в нашей стране и в других социалистических странах полностью подтверждает это.

Таким образом, Маркс устанавливает основные объективные закономерности коммунистической общественно-экономической формации, ее двух фаз развития. Он вскрывает экономические закономерности (рост производительных сил и производительности общественного труда), социальные (уничтожение классов), политические (диктатуру пролетариата и создание условий отмирания государства вообще) и идеологические (уничтожение в сознании людей «родимых пятен» капитализма, развитие коммунистического сознания).

Маркс и Энгельс, указывая на различие двух фаз коммунизма, вместе с тем подчеркивали их общую основу: общественную собственность на средства производства, плановое ведение народного хозяйства, труд как первейшую обязанность перед обществом, отсутствие классовых антагонизмов.

Переход от низшей фазы коммунизма к высшей совершается закономерно, путем перерастания на основе развивающихся в социалистическом обществе производительных сил. Процесс формирования высшей фазы коммунизма происходит в недрах социализма.

Касаясь приведенных высказываний Маркса, Ленин подчеркивает: «Великое значение разъяснений Маркса

состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, „сочиненных“ определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма».[29]

Итак, в «Критике Готской программы» Маркс обогатил новыми идеями учение о социализме и коммунизме, раскрыл их основные закономерности, конкретизировал понятие коммунистической общественно-экономической формации, сформулировал с исключительной четкостью тезис о переходном периоде от капитализма к коммунистическому обществу и диктатуре пролетариата как всеобщем общественном законе.

Принципиальные положения о двух фазах коммунистической формации, разработанные Марксом и развитые дальше Лениным, сыграли исключительную роль в революционном преобразовании мира, в социалистическом и коммунистическом строительстве в нашей стране и в странах социалистического содружества. Они были положены в основу построения нового, коммунистического общества на земле. Марксистско-ленинское учение исключает возможность перехода к высшей фазе этого общества — коммунизму, — минуя социализм.

В теснейшей связи с освещением только что разобранного вопроса Маркс подверг критике националистическую точку зрения Лассаля на социализм. «Национальному социализму» Лассаля он противопоставил революционный коммунизм, интернациональную точку зрения. «В противоположность „Коммунистическому манифесту“ и всему предшествующему социализму, — писал Маркс, — Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения».[30]

Лассаль стремился изолировать немецкое рабочее движение от политической борьбы европейского пролетариата. Это нашло прямое отражение в Готской программе, в которой утверждалось, что «рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего *в рамках совре-*

---

[29] В. И. Ленин. Государство и революция, стр. 98.
[30] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 22.

менного национального государства». Подобная постановка вопроса не могла не означать открытого отречения от пролетарского интернационализма. Критикуя националистическую платформу, Маркс писал: «К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет „*международное братство народов*“. Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов разных стран в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, о *международных функциях* германского рабочего класса — ни слова! ..

«Бисмарковская „Norddeutsche“ имела полное право возвестить, к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма».[31]

В своем письме от 18—28 марта 1875 г. к А. Бебелю Энгельс указывал, что в программе нужно было сказать примерно следующее: «... *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства».[32] Это принципиальное разъяснение Энгельса было чрезвычайно важным.

Переход человечества к коммунизму представляет собой всемирно-исторический интернациональный процесс. Исторический опыт полностью подтвердил положение Маркса и Энгельса. Строительство социализма и постепенный переход к коммунизу в нашей стране имеют международное значение.

Интернациональный характер коммунистического строительства отмечается в Программе КПСС как важнейшая сторона коммунизма. «КПСС рассматривает строительство коммунизма в Советском Союзе как составную

---

[31] Там же, стр. 22—23.

[32] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 101.

часть созидания коммунистического общества народами всей мировой социалистической системы».[33]

Маркс и Энгельс подчеркивают, что интернационализм является отправным политическим и идеологическим принципом социал-демократического движения. Он объективно вытекает из закономерностей социалистического и коммунистического строительства. Социализм несовместим с национализмом. Энгельс в письме к А. Бебелю от 18—28 марта 1875 г. писал в связи с критикой «национального социализма» в Готской программе, что «принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения?».[34]

Маркс и Энгельс, руководя политической деятельностью партии пролетариата, поставили во главу угла принцип интернационализма, подчеркнув, что классовая борьба рабочего класса по содержанию интернациональна, — она лишь по форме национальна.

Основоположники марксизма подчеркивали, что для победы над буржуазией международный пролетариат должен установить интернациональное единство, сплотить свои ряды во всех странах мира и создать международный союз рабочих, противопоставив его международной буржуазии. Вся теоретическая и практическая деятельность Маркса и Энгельса была направлена на создание у рабочего класса идеологии интернационализма, который они

---

[33] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961, стр. 132.

[34] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 101.

считали одним из важнейших принципов революционной тактики пролетариата.

Это положение имело исключительно важное теоретическое и политическое значение. Весь ход последующего развития немецкой социал-демократической партии показал, что отказ от принципа интернационализма теснейшим образом связан с оппортунизмом.

Наиболее ясно точку зрения национализма высказал «австро-марксист» Карл Реннер, заявивший в 1946 г., что каждая страна имеет свой марксизм, который должен проявиться в национальной форме социализма. Современные ревизионисты проповедуют так называемый «национал-коммунизм», полностью порывая с марксистским принципом интернационализма. Выступая против лживой концепции «национального коммунизма», В. Ульбрихт справедливо говорил: «Коммунизм является в своей сущности интернациональным понятием, и поэтому нельзя говорить ни о каком национальном коммунизме».[35]

Маркс показал в своей критике, что «узкая национальная точка зрения» привела авторов Готской программы к отказу от классовой борьбы. Программа в своих требованиях не сходит с почвы современного буржуазного государства, которое выступает ни больше ни меньше как в качестве организатора социализма. «Это, — замечал Маркс, — вполне достойно фантазии Лассаля, будто с помощью государственных субсидий можно также легко построить новое общество, как новую железную дорогу!».[36]

Маркс и Энгельс подвергли критике лассальянский тезис о «свободном народном государстве», с помощью которого якобы рабочие достигнут социализма. Они показали, что современное государство есть государство капиталистического образца. Поэтому оно является организацией господствующего капиталистического класса. Государство отнюдь не обладает самостоятельной сущностью и основой. Свою основу оно получает в том или ином обществе. Это относится как к современному, так и к будущему обществу. «Германская рабочая партия, — писал Маркс, — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко проникла она

---

[35] W. Ulbricht. Die Entwicklung des deutschen volksdemokratischen Staates. 1945—1948. Berlin, 1958, S. 491.

[36] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 25.

социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как „основу“ существующего *государства* (или будущее общество как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными *„духовными, нравственными, свободными основами“*».[37]

Маркс со всей четкостью характеризует государство в буржуазном обществе как классовое государство капиталистов. Он самым категорическим образом опровергает тезис лассальянцев о возможном существовании государства как некоей самостоятельной, независимой от классов организации. Его критика лассальянства по вопросу о «свободном народном государстве» предвосхищает будущую критику ревизионизма со стороны революционных марксистов. Бернштейн, Кампфмейер и другие ревизионисты в конце XIX в. выступили в сущности с аналогичным лассальянскому тезису положением о государстве. Критика Маркса злободневна. Она направлена и против современных фальсификаторов революционной теории пролетариата.

Современные правые социалисты (в лице Боннеля, Ф. Кленнера и др.) повторяют тезис об «общественном характере» империалистического государства. Реформист Г. Иорди самым бесцеремонным образом заявляет, что «демократическое государство, которое предоставляет всем равные политические права, не является классовым государством».[38]

Касаясь в письме к А. Бебелю 18—28 марта 1875 г. пролетарского государства, Энгельс подчеркивал классовый характер его функций. Оно имеет целью подавить своих противников. Государство сохраняется вплоть до вступления общества в фазу коммунизма, когда наступает новая эра безгосударственной жизни в обществе.[39] Маркс теоретически обосновывает необходимость сохранения государства в первой фазе коммунизма. Он говорил о «будущей государственности коммунистического общества», имея в виду его первую фазу. При этом он делал

---

[37] Там же, стр. 27.

[38] Hugo Jordi. Demokratischer Sozialismus. Zürich, 1952, S. 63.

[39] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 103—104.

различие между этой формой государственности и государством диктатуры пролетариата.

Ленин указывает, что Маркс в «Критике Готской программы» приходит к заключению о существовании государства вплоть до перерастания победившего социализма в полный коммунизм. Это несомненно было новым в теории научного социализма, дальнейшим развитием марксистских воззрений на судьбы государства в новой общественно-экономической формации. Ленин в работе «Государство и революция» отметил, что длительность процесса отмирания государства будет зависеть от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма. Опыт строительства коммунизма в нашей стране дал возможность практически поставить этот вопрос и продвинуть его теоретически дальше. В Программе КПСС выдвинуто новое важное положение, которое является дальнейшим вкладом в разработку теории научного коммунизма: «Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа».[40]

В своей критике теоретических взглядов лассальянства Маркс касается весьма важного вопроса — об отношении пролетариата в его борьбе против буржуазного общества к другим классам.

В «Критике Готской программы» Маркс опроверг один из основных тезисов лассальянства: «по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу». Он потребовал исторического подхода при решении вопроса об отношении пролетариата к остальным классам современного общества. Бессмысленным является утверждение, будто мелкая буржуазия, крестьяне вместе с буржуазией составляют лишь одну реакционную массу, противостоящую пролетариату.

Маркс и Энгельс понимали, что вопрос об отношении рабочего класса к другим классам имеет исключительно важное политическое значение в борьбе за социализм. Он включает в себя проблему союзников пролетариата. Энгельс в письме к Бернштейну от 2—3 ноября 1882 г. писал: «Действительный недостаток второй статьи (который я, правда, заметил, но которому не придал значения)

[40] Программа Коммунистической партии..., стр. 100—101.

заключается в ребяческом представлении, что ближайшая революция должна будет *начаться* с разделения всего мира на две армии: „Здесь Вельфы! Здесь Вайблинги!“; с одной стороны — мы, с другой — вся „единая реакционная масса“. Это значит, что революция должна начаться с *пятого акта,* а не с первого, в котором все оппозиционные партии совместно выступают против правительства и его промахов и таким образом одерживают победу, после чего среди победителей отдельные партии одна за другой изживают себя, сходят со сцены, что в конце концов заставит народную массу целиком перейти на нашу сторону, и тогда уже сможет развернуться знаменитый решительный бой Фольмара».[41]

Исходя из анализа современных отношений между классами и критикуя позицию лассальянцев, Маркс и Энгельс разрабатывают вопрос об отношении пролетариата к другим классам в ходе грядущей революции. Принципиальное решение этого вопроса, как мы видели, было дано Марксом и Энгельсом еще в «Манифесте Коммунистической партии», «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» и др. С учетом исторического опыта Парижской Коммуны эта проблема, включая вопрос о союзниках пролетариата, классиками марксизма рассматривается в таких произведениях, как «Гражданская война во Франции», «Критика Готской программы».

«Критика Готской программы» является важнейшим марксистским произведением, направленным на разоблачение лассальянской идеологии, которая стала знаменем оппортунистических элементов в социал-демократической партии Германии. Впоследствии, 6 января 1891 г., Энгельс в своем предисловии к работе Маркса «Критика Готской программы» подчеркнул, что Марксова рукопись имеет весьма важное значение, так как «в ней впервые ясно и четко выражено отношение Маркса к той линии, которой придерживался Лассаль с того момента, как он начал участвовать в агитации, и притом как к экономическим принципам Лассаля, так и к его тактике».[42]

---

[41] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 325.

[42] Ф. Энгельс. Предисловие к работе К. Маркса «Критика Готской программы». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 95.

Лассальянские элементы в партии стали притягательным центром и одновременно источником различного рода оппортунистических течений. Лассальянство явилось их непосредственной питательной средой. «В Германии, — писал Маркс Фридриху Зорге в 1877 г., — в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и „рабочих“) пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (через *Моста*) с Дюрингом и его „почитателями“, и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму „более высокое, идеальное“ направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства».[43]

Лассальянская идеология была взята впоследствии на вооружение ревизионизмом. Бернштейнианская программа ревизии марксизма носила явно лассальянский характер. Совершенно не случайно, что Бернштейн эпиграфом к своим «Предпосылкам социализма» выбрал слова Лассаля: «24 февраля 1848 года занялась заря нового периода истории. Кто стоит за всеобщее избирательное право, тот зовет к примирению».

Ревизионисты пытались представить историю развития немецкой социал-демократии как историю борьбы лассальянства с марксизмом. Ревизионист Кампфмейер в статье «Маркс и Энгельс» писал: «Не „Коммунистический Манифест“, а „Программа работников“ вследствие своего этически-культурного характера вызвала переворот в мышлении трудящихся классов Германии».[44]

Лозунг «назад к Лассалю» был широко распространен в ревизионистских кругах. Ревизионизм открыто указывал, что его программа непосредственно связана с лассальянским тезисом о необходимости «позитивного отношения» к современному государству. Требование Лассаля — сделать современное немецкое государство средством достижения социализма — ревизионисты считали необхо-

---

[43] К. Маркс — Ф. А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 234.

[44] Sozialistische Monatshefte, 1913, S. 678.

димым пунктом своей буржуазной программы. Лассальянское учение о «свободном народном государстве» стало в руках бернштейнианцев средством ревизии марксизма. Не менее решительно подчеркивали они внутреннюю связь своих взглядов на национальный характер движения рабочего класса с воззрениями Лассаля, в противоположность интернационализму Маркса и Энгельса. Пришел час, говорилось в брошюре Политикуса «Маркс и Лассаль», «когда национальный социализм открывает шествие к благу немецкого народа».[45]

О лассальянском содержании программы ревизионизма говорили буржуазные идеологи. «Существующие ревизионистские течения в социал-демократии, — писал Хелбек, — являются только оживлением старого лассалевско-швейцерского социалистического направления».[46]

В период империалистической войны 1914 г. резко обозначился поворот в немецкой социал-демократии от научного социализма Маркса в сторону лассальянства. В 1923 г. К. Гениш в написанной им по поручению правления партии книжке «Lassalle, Mensch und Politik» заявлял, что немецкая социал-демократия продолжает традиции Лассаля, который был ее истинным основоположником. В наше время немецкие социал-демократы в Западной Германии свой отказ от научного социализма проводят под лозунгом «восстановления Лассаля». «Социализм, — заявляет К. П. Шульц, — только тогда будет иметь шансы на будущее, когда его представители осознают, что Маркс хотя и относится к его родоначальникам, но не занимает исключительного положения. Оуэн, Фурье и Прудон, которых так поносили Маркс и Энгельс, так же должны быть извлечены из забвения, как и столь недооцененный Лассаль. . .».[47] Правые социал-демократы, фальсифицируя историю немецкой социал-демократии, доходят до утверждения, что немецкая социал-демократия безусловно менее связана с Марксом, чем с Лассалем.[48] Ю. Браунталь, один из деятелей Социалистического ин-

---

[45] Politicus. Marx oder Lassalle. Görlitz, 1903, S. 53.

[46] P. Helbeck. Die Lehren des Marxismus und die revisionistischen Strömungen in der Sozialdemokratie. 1905, S. 14.

[47] K. P. Schulz. Jorge um die deutsche Linke. Köln, 1959, S. 80.

[48] W. Theimer. Von Bebel zu Ollenhauer. Bern—München, 1957; R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. München, 1961.

тернационала, в своих работах о II Интернационале характеризует современный так называемый «демократический социализм» как результат деятельности не только Маркса, но Лассаля, С. и Б. Вебб, Жореса, Л. Блюма и др.

Таким образом, в работе «Критика Готской программы» Маркс выдвинул новые идеи, обогатившие теорию научного коммунизма: конкретизировал понятие коммунизма, развив тезис о двух фазах коммунизма; поставил вопрос об общности и различии низшей и высшей фазы коммунизма; показал, что переход от социализма к коммунизму в конечном счете обусловлен развитием производительных сил; анализировал структуру общественного производства и распределения при социализме; «национальному социализму» Лассаля противопоставил интернациональную точку зрения марксизма в решении вопроса о коммунистической общественно-экономической формации; пришел к заключению о существовании государства вплоть до перехода социализма в полный коммунизм.

В «Критике Готской программы» Маркс подводит итог всем своим положениям по вопросу о государстве и социалистической революции.

Глава четвертая

ОБОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭНГЕЛЬСОМ ТЕОРИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА В РАБОТАХ «АНТИ-ДЮРИНГ» И «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»

Теория научного социализма получила свое дальнейшее обоснование и развитие в работах Энгельса «Анти-Дюринг» (1877 г.), «Развитие социализма от утопии к науке» (1880 г.) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.). В этих крупнейших марксистских произведениях рассмотрен чрезвычайно широкий круг проблем: отношение научного социализма к своим предшественникам; социалистическое общество и плановое ведение хозяйства; характер труда в коммунистической общественно-экономической формации; проблема происхождения и уничтожения классов; проблема происхождения и отмирания государства; развитие форм семьи; вопрос о коммунистической морали и пр.

Энгельс впервые воедино сводит все эти важнейшие стороны научного социализма, дает целостную картину будущей коммунистической формации. Он развивает и конкретизирует отдельные стороны указанных проблем, причем в своей аргументации останавливается и на некоторых новых сторонах теории.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс анализирует те проблемы, которые Марксом и им были в прошлом мало разработаны. К ним в первую очередь относится вопрос о семье (о месте и роли ее в жизни общества), о происхождении классов и государства и закономерностях их дальнейшего развития, а затем исчезновения. Эти последние вопросы нами будут рассмотрены преимущественно в аспекте теории научного социализма.

Теорию научного коммунизма Энгельс развивал в процессе борьбы с различными противниками марксизма. В конце 70-х годов в немецкой социал-демократии обнаружилось влияние мелкобуржуазных взглядов Дюринга, претенциозно выступившего против марксизма, в частности против теории научного социализма. В этом сказался гнилой компромисс, заключенный в Готе с лассальянцами. Проводниками этого буржуазного влияния на пролетариат выступили в немецкой социал-демократической партии неустойчивые элементы, мелкобуржуазные попутчики.

Дюринг открыто вел борьбу с учением Маркса о социализме, о социалистической революции и диктатуре пролетариата и с его теоретическим обоснованием — философией диалектического и исторического материализма. Он отрывал социализм от его классовой основы, рассматривая его как идею, коренящуюся будто бы во «всеобщем принципе справедливости». Научному коммунизму он противопоставил изобретенную им «социалитарную систему», означавшую в сущности увековечение буржуазного способа производства.

К Энгельсу обратились германские революционные социал-демократы, прося выступить против новоявленного пророка «нового социализма». Энгельс впоследствии писал: «...мои друзья в Германии стали обращаться ко мне с настойчивой просьбой, чтобы я критически осветил эту новую социалистическую теорию в тогдашнем центральном органе социал-демократической партии „Volksstaat". Они считали это крайне необходимым, чтобы не дать столь молодой еще и только что окончательно объединившейся партии нового повода к сектантскому расколу и к замешательству».[1]

Выступление против Дюринга имело, таким образом, не только теоретическое, но и политическое значение. Энгельс принимается за работу. Отпор был тем более необходим, что дюрингианством увлеклись очень многие лидеры тогдашней берлинской социал-демократической организации: Мост, Бернштейн, Фритше и др. А. Бебель в своих мемуарах писал, что «Дюрингу удалось привлечь на свою сторону почти всех лидеров берлинского рабочего движения».[2] Бернштейн всячески популяризировал Дюринга.

---

[1] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 5.

[2] А. Бебель. Из моей жизни, т. II, ч. 2. М., 1919, стр. 175.

А. Бебель и В. Либкнехт первоначально не поняли реакционной сущности его «новой теории социализма». В письме к Энгельсу от 13 июня 1874 г. В. Либкнехт писал, что, по его мнению, Дюринг «совершенно честен и решительно стоит на нашей стороне». Мост, абсолютно не разобравшись в идейной смуте в партии и не поняв антисоциалистических взглядов Дюринга, писал, что Энгельс якобы «имеет манеру лично нападать как раз на таких людей, которые стоят к нам близко».[3]

В партии среди руководителей возникли теоретические шатания. Мост, Бернштейн и некоторые другие стремились заменить научный социализм мелкобуржуазным социализмом. Мост пытался выступить с защитой дюрингианства в «Volksstaat», и только вмешательство Маркса и Энгельса пресекло это выступление.

Мелкобуржуазные элементы в партии стали противопоставлять дюрингианство марксизму; кое-где говорили о дюрингианцах и марксистах. «Нашлись даже люди, — писал Энгельс, — которые уже собирались распространять эту доктрину в популярной форме среди рабочих».[4] Маркс и Энгельс в стремлении В. Либкнехта оттянуть печатание работы Энгельса против Дюринга видели известное примиренчество по отношению к последнему. В. Либкнехт пытался в письме к Марксу снять с себя вину за задержку печатания статей Энгельса.[5]

Не сразу разобрался в дюрингианстве даже А. Бебель, который не понял первоначально его враждебности марксизму. «Я, — замечает Бебель, — также был того мнения, что в целях агитации следует поддерживать и использовать всякое литературное течение, которое, как сочинения Дюринга, резко критикует существующий общественный порядок и высказывается в пользу коммунизма».[6]

Дюрингианство с самого начала вызвало резкий протест со стороны Энгельса, усматривающего в нем прямое объявление войны научному коммунизму, попытку заменить его жалкой социальной утопией, облеченной в псевдо-

---

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 200, ед. хр. № 6996 (письмо Моста В. Либкнехту от 21 февраля 1876 г.).

[4] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 5.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 1, опись 5, ед. хр. 3773 (письмо В. Либкнехта К. Марксу от 16 апреля 1877 г.).

[6] А. Бебель. Из моей жизни, стр. 175.

научную форму и приукрашенной крикливыми фразами о свободе.

Произведение Энгельса «Анти-Дюринг» представляет собой обоснование, конкретизацию и дальнейшее развитие теории научного коммунизма. В нем наиболее полно изложены все основные положения научного коммунизма, показано его коренное отличие от утопического социализма прошлого и прямая противоположность всем современным реакционным и мелкобуржуазным утопическим учениям. Такого всеобъемлющего изложения составных частей марксизма, в том числе теории научного коммунизма, до сих пор не было дано.[7]

В разделе «Исторический очерк» Энгельс дает глубочайший анализ утопического социализма, вскрывая его историческую ограниченность и вместе с тем то положительное и прогрессивное, что содержалось в учениях трех великих утопистов XIX в. — Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Этот раздел непосредственно примыкает к «Манифесту Коммунистической партии», где были охарактеризованы основные формы домарксовского социализма.

Энгельс устанавливает историческую связь утопических социалистических систем Сен-Симона, Фурье и Оуэна с научным коммунизмом. Он самым решительным образом отверг попытку Дюринга отрицать эту преемственную связь. Научный социализм, писал Энгельс, «никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно».[8]

К положительным сторонам учения утопистов-социалистов Энгельс относил стремление представить историю человечества как закономерный процесс смены эпох; понимание важного значения индустрии для социалистического общества; подчеркивание решающего значения труда для человеческой деятельности, права человека на труд, который становится при социализме необходимостью и на-

---

[7] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 347.

[8] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 498—499.

слаждением; указание на общественный характер природы человека и — как результат — его стремление к общественным формам жизни; критика капиталистического строя и вызванных им уродливых явлений; учение о социализме, его основных чертах и особенностях.

Историческая ограниченность утопического социализма неизбежно вытекала из общественных отношений его времени. Энгельс указывает, что тогда еще не вскрылась в достаточной мере противоположность между буржуазией и пролетариатом. Пролетариат еще не выделился из общей массы неимущих и не был способен к самостоятельной борьбе против капитализма. «Это историческое положение, — замечал Энгельс, — определило взгляды и основателей социализма. Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы. Общественный строй являл одни лишь недостатки; их устранение было задачей мыслящего разума».[9]

В «Анти-Дюринге» Энгельс показывает, что социализм из утопии стал наукой благодаря открытию материалистического понимания истории, с точки зрения которого «конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в *философии, а в экономике* соответствующей эпохи».[10]

Научный социализм возник тогда, когда капиталистический способ производства выявил свои противоречия в экономической, социальной и тем самым идеологической области. Производительные силы общества стали перерастать буржуазные формы их развития. Выражением этих противоречий явилась борьба пролетариата против буржуазии. «Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого, фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса».[11]

[9] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 269.
[10] Там же, стр. 278.
[11] Там же, стр. 279.

Формулируя историческую задачу теории научного социализма, Энгельс раскрыл ее содержание. Он писал: «Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самое природу этого переворота (свержение буржуазии, уничтожение капитализма и строительство коммунизма, — *Б. Ч.*) и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения».[12]

Теория научного коммунизма, таким образом, исследует исторические условия, закономерности и способы уничтожения капитализма, закономерности коммунизма и его построения.

Теория научного коммунизма прежде всего вскрывает основное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером производства и частнособственническим способом присвоения. *«Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу как антагонизм между пролетариатом и буржуазией».*[13] Отсюда проистекают и все остальные социальные и идеологические противоречия капиталистического способа производства, ведущие неизбежно к его уничтожению.

Энгельс в подробностях обосновывает необходимость исторического перехода от капитализма к социализму, раскрывая экономические и социальные противоречия в обществе. Производительные силы капитализма, указывает он, все более и более приходят в состояние конфликта с частнособственническими производственными отношениями, с условиями эксплуатации рабочего класса. Это со всей очевидностью проявляется в периодически повторяющихся кризисах перепроизводства, когда способ производства восстает против способа обмена, производительные силы — против способа производства.

Дальнейшее развитие капитализма демонстрирует все большее углубление экономических и социальных противоречий, конфликтов, неспособность коренным образом разрешить их. Энгельс подчеркивает, что «капиталистический способ производства изобличается в своей собствен-

---

[12] Там же, стр. 295.
[13] Там же, стр. 282.

ной неспособности к дальнейшему управлению производительными силами. С другой стороны, сами производительные силы с возрастающей мощью стремятся к уничтожению этого противоречия, к освобождению себя от всего того, что свойственно им в качестве капитала, *к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил».*[14]

Исключительно важное положение о неспособности капитализма разрешить порожденные им противоречия выдвигает Энгельс, когда анализирует попытку буржуазии обуздать эти противоречия с помощью акционерных обществ, монополистических объединений и с помощью своего государства. Энгельс указывает: «Это противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами».[15]

Энгельс указывает, что эта попытка безнадежна. При капитализме исключена всякая возможность ликвидировать противоречия, порожденные его способом производства. «Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность, — писал Энгельс, — не уничтожают капиталистического характера производительных сил. Относительно акционерных обществ это совершенно очевидно. А современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не

---

[14] Там же, стр. 288.
[15] Там же.

уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки. Но на высшей точке происходит переворот. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения».[16]

Приведенные положения из книги «Анти-Дюринг» опровергают измышления социологов и экономистов современной империалистической буржуазии об организованном капитализме, о возможности планирования капиталистического хозяйства и ликвидации экономических и социальных противоречий в буржуазном обществе.

Энгельс на основе глубокого научного понимания самой сущности капиталистического способа производства сумел предвидеть как причины, так и последствия вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь при капитализме. Современный капитализм демонстрирует со всей наглядностью, что никаких принципиальных изменений государственное вмешательство не вносит в капиталистическое хозяйство. Рабочие продолжают оставаться наемными рабочими, капиталисты — обладателями средств производства и эксплуататорами пролетариата. Нагляднее и ощутимее стали лишь противоречия между производительными силами общества и буржуазными производственными отношениями. Буржуазное государство не может отменить действующие экономические законы капитализма.

Современные буржуазные идеологи сеют иллюзии о возможности развития капитализма без экономических кризисов, без классовой борьбы. Так, буржуазный экономист Кейнс в книге «Общая теория занятости, процента и денег» пытался доказать, что с помощью государственного вмешательства в экономическую жизнь страны целым рядом мероприятий можно будто бы предотвратить экономические кризисы и противоречия капиталистической системы.

Положение Энгельса о том, что превращение производительных сил в государственную собственность при капитализме не разрешает противоречий, опровергает все попытки ревизионистов обосновать теорию врастания капитализма в социализм, включая ее новейшие формы

---

[16] Там же, стр. 289—290.

у современных ревизионистов. Рост современного государственно-монополистического капитализма лишь доказывает, что капиталистический способ производства давно созрел для его революционного преобразования.

Энгельс видел лишь один исход — это революционное преобразование капиталистического способа производства, которое и разрешает все противоречия, присущие ему. «Это разрешение, — писал Энгельс, — может состоять лишь в том, что общественная природа современных производительных сил будет признана на деле и что, следовательно, способ производства, присвоения и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тем самым общественный характер средств производства и продуктов, который теперь оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прокладывая себе путь только как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно, — этот общественный характер будет тогда использован производителями с полной сознательностью и превратится из причины расстройств и периодических крахов в сильнейший рычаг самого производства».[17]

В работе «Анти-Дюринг» Энгельс, таким образом, чрезвычайно глубоко обосновывает историческую неизбежность революционного перехода от капиталистического к социалистическому способу производства. Он конкретизирует и оттеняет некоторые стороны анализа Маркса. Капиталистический способ производства создает силу, которая должна совершить этот переворот. *«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность»*.[18] С этого момента люди будут сознательно направлять свое общественное развитие в общих интересах. «Свойственная современным средствам производства сила расширения разрывает оковы, наложенные капиталистическим способом производства. Освобождение средств

[17] Там же, стр. 290.
[18] Там же, стр. 291.

производства от этих оков есть единственное предварительное условие беспрерывного, постоянно ускоряющегося развития производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничного роста самого производства».[19]

Это замечательное положение Энгельса о беспрерывном, постоянно ускоряющемся и безграничном развитии производительных сил, которое совершится после перехода их в руки рабочего класса, подтверждается полностью практикой в нашей стране и других социалистических странах.

Ставя вопрос о сознательном развитии трудящимися производительных сил в социалистическом обществе, Энгельс отмечает, что это развитие будет гармоничным и исходящим из единого плана. «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства».[20] Анархия производства будет заменена организацией его по заранее продуманному плану.

Энгельс гениально предвидел в общих чертах характер будущего планового социалистического хозяйства, гармоничного и планомерного размещения и развития производительных сил в стране. Эти весьма важные в теоретическом и практическом отношении идеи марксизма в дальнейшем были развиты Лениным, обогатившим теорию научного социализма новыми положениями на основе великого опыта переходного периода в нашей стране. В работах «Очередные задачи Советской власти», «Набросок плана научно-технических работ» и многих других Ленин раскрывает основные принципы планирования и размещения производительных сил, сознательного управления ими.

С исчезновением старого капиталистического способа производства исчезает старое разделение труда, означавшее угнетение абсолютного большинства населения. Это приведет, указывает Энгельс, к коренному изменению характера труда при социализме. Производительный труд из средства порабощения сделается средством освобожде-

---

[19] Там же, стр. 293—294.
[20] Там же, стр. 307.

ния, «предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действенно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные, — где, следовательно, производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение».[21]

Касаясь вопроса о превращении труда в первую жизненную потребность человека, Маркс и Энгельс глубоко проанализировали вопрос о постепенном сокращении рабочего времени и высвобождении его для иных потребностей человека по мере роста производительных сил при переходе от социализма к коммунизму.

В нашей стране постепенно создаются именно такие условия труда, когда, по выражению К. Маркса, мерилом богатства станет не рабочее время, а свободное время, которое будет использоваться человеком для своего гармонического развития и в целях совершенствования общественной жизни в целом.

Анализируя производительный труд при социализме, Энгельс приходил к выводу, что даже при современном развитии производительных сил возможно сокращение рабочего времени, если устранить присущие капитализму противоречия и помехи нормальному ходу производства и бесполезное расточение продуктов и средств производства.

Значительный интерес для теории научного коммунизма представляют выдвинутые Энгельсом положения о причинах существования в обществе противоположности между городом и деревней и путях ее уничтожения. Он указывает, что первое большое разделение труда вообще положило начало противоположности между городом и деревней. Земля порабощает крестьянина. Город выступает по отношению к деревне эксплуататором. Капиталистический способ производства создает пропасть и антагонизм между городом и деревней. Отделение города от деревни приговорило сельское население к тысячелетиям отупения, а ремесленника и рабочего — к порабощению каждого в отдельности его автоматической и «детальной» работой.

Только с того момента, когда средства производства будут обращены в общественную собственность и общество будет способно гармонически распределять и раз-

---

[21] Там же, стр. 305.

вивать свои производительные силы, перестанет существовать противоположность между городом и деревней. «Таким образом, — замечал Энгельс, — уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, — оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены».[22]

Ликвидация противоположности между городом и деревней с исторической неизбежностью проистекает из развития производительных сил в социалистическом обществе.

После Великой Октябрьской социалистической революции эта противоположность была в основном ликвидирована диктатурой пролетариата. Но социально-экономические и культурно-бытовые различия еще сохранились. В Программе КПСС на основе опыта коммунистического строительства разработана эта сторона теории научного коммунизма, раскрыты закономерности, пути и методы ликвидации этих различий между городом и деревней.

Помимо рассмотренных, Энгельс конкретизирует ряд других весьма важных проблем теории научного коммунизма, прежде всего относящихся к уничтожению классов и отмиранию государства.

Анализируя развитие способа производства в родовой коммунистической организации, Энгельс приходит к заключению, что с разделением труда и обменом возникает частная собственность и происходит разложение первобытно-общинного строя. На основе возникшей частной собственности постепенно развивается экономическая дифференциация внутри рода — обогащение одних и обнищание других семей. Имущественные различия, замечает Энгельс, между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую общину, весь прежний общественный порядок жизни. Одновременно с процессом внутреннего расслоения на разные в экономическом отношении социальные группы, которые кладут начало классам, возникало рабство. Возросшая производительность труда делала вполне возможным использование рабов; в дальнейшем рабский труд становится основой развития производства в обществе.

---

[22] Там же, стр. 307.

Таковы причины, по Энгельсу, породившие деление общества на классы, появление богачей и бедняков, рабовладельцев и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых. Такова закономерность развития первобытно-родового общества и превращения его в рабовладельческую общественно-экономическую формацию. «Старое общество, — писал Энгельс, — покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов».[23] Возникает классовое общество, в котором развертываются классовые противоречия и классовая борьба, и создается государство — организация господствующего рабовладельческого класса.

Классы существуют в обществе длительный период. Это обусловлено в конечном счете экономическими причинами. «Пока совокупный общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока, следовательно, труд отнимает все или почти все время огромного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы».[24]

Анализ причин возникновения классов в обществе, а также развития современных производительных сил капитализма приводит основоположников марксизма к неопровержимому выводу о неминуемом уничтожении общественных классов. Этому принципиальному вопросу Энгельс уделял огромное внимание, подчеркивая историческую неизбежность предвидимого им процесса. Энгельс писал, что «упразднение общественных классов предполагает достижение такой ступени исторического развития, на которой является анахронизмом, выступает как отжившее не только существование того или другого определенного господствующего класса, но и какого бы то ни было господствующего класса вообще, а следовательно, и самое деление на классы. Следовательно, упразднение классов предполагает такую высокую ступень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов, — а с ними и политического господства, монополии образования и духовного руководства, — не только становится излишним, но

[23] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

[24] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 293.

й является препятствием для экономического, политического и интеллектуального развития. Эта ступень теперь достигнута».[25]

Здесь в общих чертах Энгельс подчеркивает, что основой уничтожения классов является определенная ступень в развитии производительных сил, уничтожение прежнего разделения труда. Это марксистское положение было позже разработано и конкретизировано Лениным на основе опыта социалистического строительства в нашей стране.

В теснейшей связи с вопросом об уничтожении классов Энгельс конкретизирует марксистское понятие равенства. Мы видели, что эту проблему рассмотрел в ее отдельных сторонах Маркс в «Критике Готской программы». В «Анти-Дюринге» Энгельс подверг критике буржуазное понятие равенства, которое сводилось к требованию формального политического равенства в рамках буржуазной диктатуры. Он показывает, что пролетариат требует установления подлинного, а не мнимого равенства. «Пролетарии, — замечал Энгельс, — ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере».[26] Действительное равенство между людьми может быть установлено лишь с победой коммунизма. Энгельс выдвигает исключительно важное положение о том, что «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию *уничтожения классов»*.[27]

Это положение теории научного социализма также было впоследствии разработано и конкретизировано Лениным.

Одной из центральных проблем своего анализа Энгельс избирает вопрос о государстве. Здесь особое значение имеет его работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этом труде — наряду с рассмотрением таких важных проблем, как эволюция семьи, происхождение классов, — Энгельс впервые наиболее полно анализирует теорию государства в целом. Он не-

---

[25] Там же.
[26] Там же, стр. 108.
[27] Там же.

опровержимо доказывает, что государство существует не извечно, что оно возникло на определенной ступени исторического развития общества на базе появления частной собственности и связанного с этим разделения общества на противоположные классы. К этому выводу он приходит, рассматривая историю возникновения афинского, древнеримского и древнегерманского государств. Органы управления родового строя, замечает Энгельс, постепенно отрывались от своих корней в народе, в роде, в племени и превращались в органы угнетения народа. Государство отнюдь не является силой, извне навязанной обществу, оно также не представляет собой воплощения нравственной идеи или разума. Оно есть прямой результат экономического и социального развития и призвано держать в границах «порядка» столкновения классов. Государство становится организацией господствующего класса и сменяет самостоятельную общественную организацию первобытно-родового строя. «Родовой строй, — говорил Энгельс, — отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*».[28]

Особенностью возникающего государства была организация людей по территориальному признаку вместо прежних родственных признаков, игравших основную роль. Вторым существенным моментом новой организации являлась публичная власть. Возникает как средство подавления военная сила, складывается постепенно аппарат управления.

Публичная власть представляет собой власть, по общему правилу, самого сильного в экономическом отношении господствующего класса. Государство появляется только там и тогда, где и когда возникают классы.

Разработав вопрос о происхождении государства, Энгельс тем самым обосновал его классовый и исторически преходящий характер. Он выяснил его основные классовые функции. Буржуазное общество создает государство для охраны и развития эксплуататорского капиталистического способа производства, для подавления рабочего класса.

Вместе с проблемой уничтожения классов Энгельс анализирует и вопрос о судьбах пролетарского государства,

---

[28] Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 169.

об его отмирании: «...когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, — писал Энгельс, — с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не „отменяется", *оно отмирает*».[29]

Здесь Энгельс дает общую классическую марксистскую формулу исторически закономерного отмирания государства после исчезновения классов в обществе, в результате победы коммунизма. Существование государства органически связано с существованием антагонистических классов и классового общества вообще. Ленин, характеризуя позицию Энгельса, замечает: «Буржуазное государство не „отмирает", по Энгельсу, а *„уничтожается"* пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство».[30]

Отмирание государства — длительный процесс. Оно не может быть отменено с сегодня на завтра. Энгельс сравнивал отмирание государства с засыпанием и указывал, что окончательно может покончить с ним только поколение людей, выросшее в новых исторических условиях, т. е. при переходе от социализма к коммунизму.

Выступая против анархистов с их требованием «отмены» государства, Энгельс писал, что когда не будет общественных классов, когда не будет господства одного класса над другим, не будет насилия, только тогда госу-

---

[29] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 292.

[30] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 18.

дарство исчезнет. Энгельс выдвинул тезис об отмирании государства при коммунизме, имея в виду победу социалистической революции по крайней мере в большинстве стран. «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».[31]

В своем глубоком анализе происхождения и классовой природы государства Энгельс дает исходные теоретические положения для определения политики рабочего класса в отношении капиталистического государства. Марксистское учение об отмирании государства — основа для определения политики рабочего класса при создании коммунистического, безгосударственного общества. Отправляясь от этого учения, Ленин творчески разработал эту проблему на базе созданной им новой теории социалистической революции. Эта весьма важная проблема коммунизма нашла свое дальнейшее творческое развитие в решениях XXI, XXII и XXIII съездов КПСС.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза сформулировано положение о диалектическом процессе преобразования социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление. Практика социалистической жизни дала возможность поставить вопрос о конкретных путях и формах отмирания государства в период развернутого коммунистического строительства. «Этот процесс, — отмечается в Программе, — будет означать дальнейшее развитие демократии, обеспечивающей активное участие всех членов общества в управлении общественными делами. Общественные функции, аналогичные нынешним государственным функциям управления хозяйством и культурой, сохраняются и при коммунизме, видоизменяясь и совершенствуясь в соответствии с развитием общества. Но характер и способы их осуществления будут иными, чем при социализме. Органы планирования и учета, руководства хозяйством и развитием культуры, являющиеся сейчас государственными, утратят политический характер и станут органами общественного самоуправления».[32]

---

[31] Ф. Энгельс. Происхождение семьи.., стр. 173.

[32] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1962, стр. 109.

Непосредственно к произведению «Анти-Дюринг» примыкает работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», которая является переработанным вариантом части его содержания (I глава «Введения» и I и II главы третьего отдела). Эта популярная брошюра получила широкое распространение среди рабочих масс и сыграла весьма значительную роль в пропаганде идей научного социализма.

К вопросам научного социализма и исторического материализма, которые исследует Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», относится проблема семьи. Опираясь на исследование Л. Моргана «Древнее общество», а также на дополнительный конкретно-исторический материал, Энгельс выявил основные закономерности возникновения и развития семьи.

Опровергая домыслы буржуазных теоретиков о том, что моногамная семья существует вечно и неизменно, он прослеживает исторический процесс развития и изменения форм семьи. Причиной этих изменений в конечном счете, как выясняет Энгельс, является развитие способа производства внутри родовой организации. Открытие родовой организации (Бахофен, Морган) дало возможность научно разрешить проблему исторического развития семьи. Энгельс в примечании к третьему изданию «Капитала» указывает: «Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развивалась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества... так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов».[33] Древнейшей формой семьи является групповой брак. Экономической основой первых форм семьи являлось общинное производство и способ распределения. Производственные отношения были основаны на коллективном пользовании средствами производства при добывании материальных благ и коллективном распределении последних. В первобытном домашнем хозяйстве решаю-

---

[33] К. Маркс. Капитал. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 364.

щую роль играла женщина. Родство устанавливалось по материнской линии.

С развитием способа производства, с возникновением частной собственности на средства производства совершается переход к моногамной семье через промежуточные звенья (семья «пуналуа», парная семья, патриархальная семья). Это произошло в период возникновения скотоводства, когда мужчина стал играть решающую роль в производстве. Его труд был всем, работа женщины — незначительным придатком к нему.

С этого времени семейные отношения были полностью подчинены отношениям собственности. Женщина была порабощена. Энгельс приходит к заключению, что переход от группового брака к единобрачию был исторически необходим на базе возникновения частной собственности и потому являлся в целом прогрессивным явлением. Но эта форма семьи включала в себя неизбежно порабощение женщины, отстранение ее от участия в общественно-производительном труде, лишение ее самостоятельности. Переход к моногамной семье означал «провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами».[34] Энгельс исследовал противоречия, свойственные частнособственнической моногамии, особенно в условиях буржуазного общества.

Выяснив эволюцию форм семьи на ранних ступенях общественного развития, Энгельс дал исчерпывающий анализ буржуазной семье, показав, что она своим экономическим основанием имеет капиталистическую собственность. В большинстве случаев брак в среде господствующего класса представляет собой экономическую и правовую сделку. Энгельс замечает, что буржуазный брак по расчету «довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство».[35]

Иначе складываются отношения между мужчиной и женщиной в рабочем классе. Вовлечение женщины в ка-

---

[34] Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 68.
[35] Там же, стр. 74.

питалистическое производство изменило ее положение в семье. Она приобрела некоторую материальную независимость. Брак в рабочей семье не является экономической сделкой, в ней создаются в известной мере отношения, основанные на взаимной склонности, на любви. Но вместе с тем, как показывает Энгельс, крупная капиталистическая промышленность разрушает основы семьи и в рабочей среде. Женщина, будучи занята в производстве, не может посвящать достаточно времени семье, выполнять свои семейные обязанности.

Большое значение для теории научного социализма имеет постановка Энгельсом вопроса о дальнейшей эволюции семьи в будущем коммунистическом обществе. Он указывал, что новые общественные отношения, созданные на базе общественной собственности, неизбежно вызовут изменения семейных форм. Прогресс коммунистической семьи будет следствием исторических условий, созданных коммунистическим способом производства. При коммунизме будет достигнуто полное равенство женщины с мужчиной и, следовательно, брак будет заключаться добровольно, по склонности, независимо от какого-либо расчета. С переходом средств производства в общественную собственность отдельная семья перестанет быть хозяйственной ячейкой в обществе. Женщина окажется равноправной с мужчиной в экономическом и общественном отношении.

Энгельс ставил вопрос: «Так как, однако, моногамия обязана своим происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?».[36] Со всей категоричностью он отвергает последнее предположение и на поставленный им вопрос отвечает так: «Можно было бы не без основания ответить, что она (моногамия, — *Б. Ч.*) не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Потому что вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно, и необходимость для известного, поддающегося статистическому подсчету числа женщин отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование,

---

[36] Там же, стр. 78.

станет, наконец, действительностью также и для мужчин».[37]

Единобрачие станет реальным фактом. Основой семьи будет взаимная склонность, любовь, привязанность родителей к детям. Коммунизм явится эпохой подлинного расцвета моногамии.

Теоретические выводы Энгельса, касающиеся семьи при коммунизме, имеют огромную практическую ценность для нашей страны, строящей коммунизм, и других социалистических стран. Развитие семейных отношений в Советском Союзе подтверждает все основные положения концепции Энгельса о характере и форме семьи в социалистическом обществе.

Одной из существенных проблем теории научного социализма является вопрос о коммунистической морали. В ряде произведений 70—80-х годов («Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах» и др.) Энгельс исследует эту идеологическую проблему коммунизма. Он опроверг абстрактно-идеалистические взгляды Дюринга о морали и ее вечных и непоколебимых принципах, обосновав положение, согласно которому мораль и ее принципы коренятся в экономических, классовых и национальных условиях жизни. «Мы, — писал Энгельс, — поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий... Мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества».[38]

Говоря о пролетарской морали, Энгельс дал общую ее характеристику и подчеркнул ее классовый и прогрессивный характер. Она отражает возмущение угнетенной массы, защищает ее интересы и отстаивает необходимость преобразования общества на революционных началах. Но это есть классовая мораль, направленная на защиту возникающего нового общества. «Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет

---

[37] Там же.
[38] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», стр. 95.

возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».[39]

Вопросы брака, семьи и морали весьма серьезно изложены в известном труде А. Бебеля «Женщина и социализм». Нелегальное издание этой книги вышло в 1879 г. под названием «Женщина в прошлом, настоящем и будущем». Произведение Бебеля стало одной из самых распространенных марксистских работ. В нем, исходя из материалистического понимания истории, дан глубокий анализ общественного положения женщины на различных этапах истории и раскрыты закономерности ее полного освобождения при социализме.

Марксистские положения о морали пролетариата и морали коммунистического общества явились основой для дальнейшей разработки этой проблемы Лениным и его учениками. Ленин конкретизирует общие положения марксизма о коммунистической морали. Он показывает, что последняя выражает современное прогрессивное развитие общества, интересы рабочего класса и трудящихся, строящих социализм. Определяя главное в содержании коммунистической морали, Ленин говорил: «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».[40]

Борьба за коммунизм является критерием нравственности и всех ее принципов. Коммунистическая нравственность — это осознанная необходимость, определяющая нормы поведения трудящихся в процессе построения коммунистического общества. Проблема нравственного долга сводится к пониманию должного как общественно необходимого, вытекающего из общественных отношений и борьбы рабочего класса за коммунизм.

Раскрывая объективное содержание коммунистической нравственности — цели нравственного воспитания в социалистическом обществе, Ленин указывает на средства, с помощью которых достигается эта цель в практическом плане (труд, школа, литература и пр.).

---

[39] Там же, стр. 96.

[40] В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.

Марксизм-ленинизм придает большое значение морали в построении социалистического общества. Для Маркса, Энгельса и Ленина человек и его достоинство стоят в центре их теоретической и практической деятельности. Все попытки теоретиков современной буржуазии (Бохенский, Г. Веттер и др.) представить марксизм-ленинизм как систему автоматизма, в которой экономика противостоит морали, являющейся ее функцией, разбиваются о те положения, которые разработали основоположники марксизма-ленинизма. Утверждения Бохенского о том, что для коммунистической идеологии будто бы характерно рассмотрение человека не как цели, а как средства, опровергается теорией марксизма и практикой социалистического общества.

В Программе КПСС подчеркнуто исключительное значение нравственных начал для строительства коммунистического общества. В ней приведены нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма и отмечено, что коммунистическая мораль, — включая основные общечеловеческие моральные нормы, выработанные народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками, — в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новым содержанием.

Резюмируем. В выдающихся произведениях марксизма «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс конкретизировал и развил дальше весьма важные марксистские положения в области теории классов, государства и семьи: он проанализировал исторические и теоретические условия возникновения теории научного коммунизма и раскрыл его содержание и задачи; основательней и подробней, чем в более ранних произведениях, охарактеризовал общие черты будущего коммунистического общества, развития его производительных сил, труда и экономики; рассмотрел причины возникновения классов и государства; конкретизировал объективные основы уничтожения классов и отмирания государства; поставил вопрос о закономерности дальнейшего развития семьи в обществе; характеризовал основные принципы пролетарской морали.

Глава пятая

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСНОВАНИЕ МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

К 70-м годам XIX в. международное рабочее движение вступило в такую фазу своего развития, когда стали исторически необходимы массовые социалистические партии в странах европейского континента. Всемирная история поставила перед рабочим классом задачу концентрации всех своих сил в каждой стране, создания массовых организаций и своего авангарда — революционных партий. «Маркс и Энгельс, — замечает Ленин, — верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции».[1] Они сосредоточили свое внимание на подготовке решения этой всемирно-исторической задачи.

В борьбе с анархизмом, лассальянством, тред-юнионизмом и оппортунизмом Маркс и Энгельс развивали основы своего учения о пролетарской партии, выковывали принципы ее единой интернациональной тактики и воспитывали кадры организаторов и руководителей пролетарских партий в лице П. Лафарга, В. Либкнехта, А. Бебеля и др.

После Парижской Коммуны, используя ее исторические уроки, а также накопившийся опыт практического революционного движения рабочего класса в других капиталистических странах, особенно в Германии, в процессе борьбы с оппортунизмом Маркс и Энгельс разрабатывают дальше учение о пролетарской партии. Парижская Коммуна со всей очевидностью показала основопо-

---

[1] В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 181.

ложникам марксизма, что одной из существенных причин ее слабости в разрешении социально-экономических вопросов и в борьбе с внутренними и внешними врагами было отсутствие единой монолитной партии пролетариата. Лондонская конференция I Интернационала в особой резолюции подчеркнула необходимость создания массовых пролетарских партий. В ней говорилось:

«что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

«что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

«что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов, —

«конференция напоминает членам *Интернационала*,

«что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой».[2]

В дальнейшем революционное рабочее движение в капиталистических странах и задачи борьбы с оппортунизмом и анархизмом настойчиво требовали разработки принципиальных теоретических положений о революционной партии пролетариата. Маркс и Энгельс подытожили соответствующий международный опыт по этому вопросу, который считали одним из важнейших как для развития социалистической теории, так и для практической борьбы рабочего класса.

После падения Парижской Коммуны создалось тяжелое положение для деятельности Интернационала. «События, поднявшие его до положения седьмой великой державы, — писал Энгельс в 1877 г., — в то же самое время не позволили ему мобилизовать и пустить в ход свои боевые силы иначе, как под угрозой верного пора-

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Резолюции Лондонской конференции. Соч., т. 17, стр. 427.

жения и подавления рабочего движения на целые десятилетия».[3] К тому же отовсюду появлялись элементы, которые пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества для удовлетворения своего личного честолюбия, не понимая или не считаясь с истинным положением Интернационала. Прекращение деятельности Интернационала еще настоятельней требовало укрепления и развития национальных партий пролетариата. Энгельс замечает: «...непрекращавшаяся тесная связь между социалистическими рабочими партиями различных стран доказала, что пробужденное Интернационалом сознание общности интересов и солидарности пролетариата всех стран может проложить себе дорогу даже и без оформленного интернационального объединения, узы которого в данный момент превратились бы в оковы».[4]

Интернационал сыграл исключительную роль в пробуждении и пропаганде чувства, идей и отношений интернационализма среди рабочих всех национальностей. Но он был, по выражению Маркса, первой исторической формой интернациональной деятельности рабочих. В настоящее время узы единства приобретают новые формы, они укрепляются на базе национальных партий. «I Интернационал, — писал Ленин, — кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств».[5]

Историческая обстановка властно требовала разработки этой проблемы. Маркс и Энгельс решительно выступили против теории стихийности, взятой на вооружение анархистами, а также против оппортунистической политики. Они указывали, что необходимым условием развития рабочего класса и его успеха в борьбе с капитализмом является организация пролетарской партии. Без нее невозможна победа социалистической революции и диктатуры пролетариата. «Первым важнейшим шагом, — писал Энгельс в 1886 г., — всякой вновь вступающей в движение страны всегда должна быть организация ра-

---

[3] Ф. Энгельс. Карл Маркс. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 110.

[4] Там же, стр. 110—111.

[5] В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 50.

бочих в самостоятельную политическую партию, — все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией».[6]

Эта же мысль с предельной ясностью была высказана Энгельсом в письме к датскому социалисту Г. Триру 18 декабря 1889 г. Для того чтобы пролетариат мог победить в решающий момент, писал Энгельс, необходимо, чтобы он образовал самостоятельную классовую партию. Маркс указывал на решающую роль революционной партии, которая формирует пролетариат в класс, сознающий свои общие интересы. Партия развивает классовое сознание рабочих до понимания конечной цели борьбы за коммунизм. Маркс с самого начала подчеркивал великое значение организации пролетариата в партию.

Ленин впоследствии, разрабатывая вопрос об идеологических и организационных основах пролетарской партии, развернул всестороннюю критику оппортунистической теории стихийности и показал, что она является логической основой оппортунизма. В работе «Что делать?» он раскрыл идейные истоки оппортунизма, отметив, что они заключаются прежде всего в преклонении перед стихийностью рабочего движения и в принижении социалистического сознания. В книге «Шаг вперед, два шага назад» Ленин доказал, что и организационный оппортунизм развивается на базе теории стихийности.

Переоценка стихийности в развитии рабочего движения, указывает Ленин, неизбежно означает принижение значения организации для пролетариата. Между тем только организация может привести рабочий класс к полной победе. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно „на дно“ полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса».[7]

---

[6] Ф. Энгельс — Ф. А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 489.

[7] В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403—404.

Маркс и Энгельс рассматривали партию как массовую организацию рабочего класса, его сознательную и передовую часть. Они решительно выступили против организации бланкистского типа, против сектантства. Другую крайность составляла позиция Лассаля и его сторонников, отрицавших всякую роль насилия пролетариата по отношению к буржуазии и идеализировавших буржуазную демократию.

В массах Маркс и Энгельс видели противоядие оппортунизму в партии. В письме И.-Ф. Беккеру Энгельс 1 апреля 1880 г. писал: «Немецкое движение имеет ту особенность, что все ошибки руководства всегда исправляются массами».[8] Маркс и Энгельс питали безграничную веру в пролетарские массы, в их здоровый классовый инстинкт. «Массы, — писал Энгельс Карлу Каутскому 3 января 1895 г., исходя из конкретных условий того времени, когда многие вожди в немецкой социал-демократии стояли на почве оппортунизма, — хотя и видят менее ясно, чем отдельные лидеры, все же во много раз лучше, чем все лидеры, вместе взятые. Только процесс развития сознательности протекает медленнее, чем где бы то ни было, потому что почти *все* старые лидеры заинтересованы в том, чтобы направить это пробуждающееся сознание в том или ином особом направлении или vulgo его извратить».[9]

Марксизм нерасторжимо связан с движением масс, с их практикой и творчеством. Ленин, разрабатывая дальше вопрос о единстве движения масс с деятельностью партии, с марксистской теорией, писал: «Марксизм в этом отношении *учится,* если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий *учить* массы выдумываемым кабинетными „систематиками“ формам борьбы».[10]

Одновременно с выступлением против оппортунизма Маркс и Энгельс вели неустанную борьбу против сектантства в английском и американском рабочем движении. Они решительно выступали против обособленности социалистического руководства от массового опыта, против вся-

---

[8] Ф. Энгельс — И.-Ф. Беккеру. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 351.

[9] Ф. Энгельс — К. Каутскому. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 39, стр. 301.

[10] В. И. Ленин. Партизанская война. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.

кого рода попыток противопоставить организацию массе. Маркс и Энгельс требовали от Ф.-А. Зорге и других руководителей секций Международного Товарищества Рабочих в США органической связи их деятельности с массовым движением и объединения рабочих всех национальностей, независимо от расы и происхождения, в единое братство труда.

Маркс подчеркивал, что сектантство в истории рабочего движения принимает различные исторические формы — лассальянство, бакунизм, бланкизм и пр. Он указывал, что обветшалое сектантство пытается утвердиться в новых формах. Оно противостоит действительной классовой борьбе как реакционный фактор, оно оторвано от всякой реальной политической деятельности, от забастовок, от профессиональных союзов, — словом, от всякого массового пролетарского движения. На различных исторических этапах оно приобретало специфические черты.

К вопросу о борьбе против сектантства Маркс и Энгельс неоднократно возвращались, подчеркивая его опасность. В письме к Карлу Каутскому от 12 августа 1892 г. Энгельс, характеризуя социал-демократическую федерацию, указывал, что она представляет собой чисто сектантскую организацию. «Она, — писал он, — превратила марксизм в окостенелую догму, и, поскольку она отворачивается от *всякого* рабочего движения, которое не является ортодоксально марксистским (причем ее собственное представление о марксизме полно ошибок), то есть проводит политику как раз противоположную той, что рекомендуется „Коммунистическим Манифестом“, то она сама для себя исключает возможность когда бы то ни было стать чем-либо иным, кроме секты».[11]

Все эти положения Маркса и Энгельса по сей день имеют актуальное значение. Ленин в борьбе против левого уклона, отправляясь от них, дал глубокую критику сектантства в его новых формах, показал его реакционный смысл и раскрыл теоретическую основу сектантского оппортунизма — догматизм, разрыв с марксистской теорией.

---

[11] Ф. Энгельс — К Каутскому. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 38, стр. 360.

Маркс и Энгельс боролись за массовую пролетарскую партию, вооруженную революционной теорией. Они указывали на исключительное значение социалистической теории для создания единства в рядах рабочей партии, а также для борьбы против догматизма. «В особенности обязанность вождей, — писал Энгельс, — будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали».[12]

Маркс и Энгельс выступили против недооценки революционной теории. Они неоднократно указывали в своих письмах А. Бебелю, В. Либкнехту и другим руководителям немецкой социал-демократической партии на то, что без социалистической теории не может быть революционного движения, что только в соединении с нею рабочее движение может стать победоносным. «Доктрина Маркса, — писал Ленин, — связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы».[13]

Основоположники научного коммунизма в связи с вопросом о руководстве со стороны партии классовой борьбой пролетариата разработали вопрос о формах классовой борьбы. Энгельс в своем предисловии к «Крестьянской войне в Германии» в 1874 г. писал, что пролетарская партия наряду с борьбой экономической и политической ведет борьбу теоретическую.

Энгельс указывал, что немецкие рабочие понимают великое значение теории для своего социального движения. Это обстоятельство, а также опыт английского и французского движения, который они использовали в своей практике, дали им возможность вести планомерную борьбу «во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении

---

[12] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию к «Крестьянской войне в Германии». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 499.

[13] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375.

и заключается сила и непобедимость немецкого движения».[14]

В течение полувека вожди международного рабочего движения создавали и развивали социалистическую науку в теснейшей и неразрывной связи с практическими задачами пролетариата. Их деятельность является лучшим примером внутреннего единства революционной теории и практики. Определяя научный социализм, Энгельс указывал, что он по своему содержанию является результатом наблюдения за борьбой пролетариата против буржуазии, результатом изучения опыта массового пролетарского движения. Основным стержнем переписки Маркса и Энгельса с руководителями немецкой социал-демократии является борьба за массовую пролетарскую партию, вооруженную передовой революционной теорией. Они самым решительным образом боролись против попытки растворить пролетарскую партию в мелкобуржуазной стихии, навязать ей враждебное рабочему классу мировоззрение.

Теория Маркса, указывал Энгельс, является основным условием выдержанной и последовательной революционной тактики пролетариата. «Но именно поэтому мы, — писал Бебелю Энгельс 14 ноября 1879 г. о себе и Марксе, — придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходились с общей теорией».[15]

Таким образом, основоположники марксизма в учении о партии подчеркивали исключительное значение революционной теории, необходимость ее соединения с пролетарским движением. Они требовали борьбы за ее чистоту, решительно выступая против ее искажений, с чьей бы стороны те ни возникали.

Все эти весьма важные положения марксизма были дальше развиты Лениным в книге «Что делать?», где он сформулировал тезис о том, что марксистская партия есть соединение рабочего движения с социализмом и что роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.

---

[14] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию..., стр. 499.

[15] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 334.

Ленин при этом ссылается на Энгельса, который указывал на преимущество в то время немецких рабочих перед рабочими остальной Европы, заключавшееся в их лучшей теоретической подготовке. «А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесел, — а с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев».[16]

К весьма важным теоретически и практически положениям марксизма относится тезис о том, что в рабочем движении неизбежна борьба с враждебными марксизму течениями и группами.

Исходя из опыта европейских социалистических партий, Энгельс формулировал закон, согласно которому пролетарская партия, писал он, развивается в принципиальной борьбе с враждебными ей течениями, в полном соответствии с законами диалектического развития. «Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением. Мы в Германии уже прошли первый этап этой внутренней борьбы (с лассальянцами), другие нам еще предстоят».[17]

Принципиальные политические противоречия никогда не могут быть надолго затушеваны или скрыты; они должны быть решены столь же принципиальной борьбой. Пролетарская партия укрепляется путем преодоления таких противоречий с враждебными ей течениями, очищаясь от чуждых ей мелкобуржуазных элементов, от оппортунистов и сектантов. Маркс и Энгельс решительно боролись как с оппортунизмом, так и с сектантством. Они подчеркивали, что сектантство с возникновением марксизма стало реакционным фактором, смертельным врагом широкого пролетарского движения и революцион-

---

[16] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию..., стр. 498.

[17] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 319—320.

ной деятельности Интернационала. Сектанты, например бакунисты, выступали против революционной политики марксистов, против проведения стачек, против участия в массовых рабочих организациях. Они подрывали веру рабочих в революционную теорию, проводили фракционную, дезорганизаторскую деятельность в Интернационале.[18] Сектанты были противниками создания массовой революционной партии.

Маркс и Энгельс в борьбе с оппортунистами и сектантами сформулировали основной закон пролетарской партии — сохранение ее революционного единства. Непримиримая принципиальная борьба с враждебными направлениями и течениями является, по мнению Энгельса, залогом ее единства и укрепления. Иного пути нет. Без монолитной революционной партии пролетариат не может прийти к победе — к социалистической революции.

Все эти весьма важные положения в учении о партии были впоследствии развиты дальше и разработаны Лениным применительно к новым историческим условиям. Они были положены им в основу построения партии нового типа в эпоху империализма и пролетарских революций. «Мы видим в *самостоятельной,* непримиримо марксистской, партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний».[19]

Большое значение для разработки учения о пролетарской партии имеют принципиальные и конкретные положения Маркса и Энгельса о ее тактике. Тактика партии, замечает Ленин, есть «политическое поведение, или характер, направление, способы ее политической деятельности».[20] Вопросы революционной тактики и ее разработки стали для социалистических партий после Парижской Коммуны особенно актуальными. Ошибки в деятельности социалистов во время Коммуны послужили историческим уроком для всех революционных социал-демократов.

---

[18] Ф. Энгельс — Т. Куно. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 386—387.

[19] В. И. Ленин. О боевом соглашении для восстания. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 275.

[20] В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 9.

Ленин указывает, что «Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата... Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания».[21]

В основе тактики пролетариата, согласно Марксу и Энгельсу, должны лежать интересы классовой борьбы и революции пролетариата при объективном учете всех общественных отношений. «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, — характеризовал Ленин взгляды Маркса, — а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса».[22]

В работе Маркса периода Парижской Коммуны «Гражданская война во Франции» и в более позднем произведении «Критика Готской программы» изложены принципы пролетарской тактики и дан анализ ошибок в тактике пролетариата в период Парижской Коммуны. Исключительное значение имеет переписка Маркса и Энгельса по вопросам тактики классовой борьбы после Парижской Коммуны. Критика Энгельсом Эрфуртской программы, а также его переписка с Бебелем и другими руководителями немецкой социал-демократии дают богатейший материал для изучения тактики пролетариата в области парламентской деятельности.

Вопросы тактики классовой борьбы пролетариата Маркс и Энгельс развивали в ожесточенной борьбе на два фронта — против сектантства и оппортунизма.

Ленин писал по поводу интернациональной тактики Маркса и Энгельса: «И теперь перед нами особенно отчетливо встают две линии энгельсовских (и марксовских) советов, указаний, поправок, угроз и назиданий. Англо-американских социалистов они всего настойчивее призывали слиться с рабочим движением, вытравить из своих организаций узкий и заскорузлый сектантский дух. Немецких с.-д. они всего настойчивее учили: не впа-

---

[21] В. И. Ленин. Карл Маркс, стр. 77.
[22] Там же.

дайте в филистерство, в „парламентский идиотизм“ (выражение Маркса в письме от 19-го сентября 1879 г.), в мещански-интеллигентский оппортунизм».[23]

Говоря об основном приципе тактики пролетариата в завоевании политической власти, Энгельс указывал, что в каждой данной стране наилучшей тактикой будет та, которая ведет к цели самым коротким и самым верным путем. Этой целью является завоевание власти пролетариатом в реальных условиях той или иной страны. Тактика партии пролетариата должна строиться, имея в виду его коренные интересы, на основе трезвого учета конкретно-исторической обстановки.

Характеризуя основной принцип подхода революционеров к вопросам тактики пролетариата, Энгельс писал Бернштейну 15 мая 1885 г.: «Но помни старое правило: за современным этапом движения и борьбы не забывай о будущем движения. А будущее принадлежит нам».[24]

Известно, что это важнейшее правило и было забыто Бернштейном, который впоследствии выдвинул оппортунистический лозунг: «Цель — ничто, движение — все».

Ссылаясь на «Манифест Коммунистической партии», Энгельс в январе 1894 г. писал, что коммунисты «рассматривают всякое революционное или прогрессивное движение как шаг в направлении их собственного пути; их особая задача состоит в том, чтобы толкать вперед другие революционные партии и в случае победы одной из них отстаивать интересы пролетариата. Эта тактика, никогда не теряющая из виду великой цели, предохраняет социалистов от разочарований, которым неизбежно поддаются другие, менее дальновидные партии... которые принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом».[25]

Тактика марксизма характеризуется гибкостью, умением замечать и анализировать то новое, что возникает в быстро изменяющейся исторической обстановке. Марк-

---

[23] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И.-Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф.-А. Зорге и др.». Полн. собр. соч., т. 15, стр. 243.

[24] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 268.

[25] Ф. Энгельс. Будущая Итальянская революция и социалистическая партия. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 458—459.

сист, основываясь в своих действиях на прогрессивных тенденциях общественного развития, стремится изменить ситуацию, продвинуть вперед революционное движение. Он враг исторического застоя, преклонения перед стихийностью общественного процесса.

В теснейшей связи с вопросами революционной тактики пролетариата Маркс выдвинул вопрос о роли и значении субъективного фактора, его различных компонентов. В своих исторических трудах после Парижской Коммуны он всесторонне разрабатывает проблему политического руководства партии в революционном пролетарском движении.

Развитие совершается не прямолинейно. История характеризуется противоречивыми тенденциями, борьбой классов и партий, наступлением революционных элементов и контратаками реакционных элементов. В этом случае лишь социальный фаталист и педант могут говорить об абсолютной возможности и бесспорности победы. Ленин, выступая против Плеханова, приводит суровую отповедь Маркса Кугельману, который писал о безнадежности дела Коммуны. «Творить мировую историю, — писал Маркс 17 апреля 1871 г., — было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов».[26]

Ожидать «непогрешимо благоприятных шансов» для победы — это значит сложить руки, спокойно взирать на ход событий истории, рассчитывая на «счастливый случай». Думать, что эти благоприятные шансы могут сложиться без активных действий класса и партии, означает полнейший отказ от стремления изменить действительность. Предполагать возможность с полной точностью учесть все шансы и нюансы общественного развития и выбрать такой момент, когда создались мифические благоприятные условия для победы, при которых исключалась бы вероятность каких-либо изменений или отклонений в сторону, — не только безнадежная затея, но и вредная «теория», разоружающая и деморализующая рабочий класс. Ленин писал, что Маркс «понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шар-

---

[26] К. Маркс — Л. Кугельману. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 175.

латанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит,* не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализует „легко было предвидеть... не надо было браться...“». «*Историческую инициативу* масс Маркс ценит выше всего».[27]

Маркс и Энгельс всегда подчеркивали большую роль субъективного фактора. Но особое внимание этому вопросу они уделяли после Парижской Коммуны, анализируя ее опыт пролетарской классовой борьбы. Рассматривая закономерности социальной революции, основоположники марксизма отмечали такие важные стороны субъективного фактора, как революционная активность, мужество, отвага класса, который вступил на путь революции. Они глубоко и с конкретными подробностями анализируют такую важную сторону субъективного фактора, как политика и ее проведение различными классами (буржуазией, мелкой буржуазией и пролетариатом) накануне и в период Парижской Коммуны.

Вот почему попытки буржуазных идеологов приписать марксизму фатализм являются безнадежными, как и стремление в этом плане противопоставить марксизм ленинизму.

Противники ленинизма всячески стремятся «доказать», что Ленин в своих работах будто бы отказался от экономического детерминизма Маркса и Энгельса и перешел на позиции волюнтаризма. Этот волюнтаризм будто бы заключается в том, что экономика из определяющей силы стала вторым фактором; ее место заступила воля партии и класса, которые и предопределяют исторические события и их направление. Подобные утверждения характерны для Бохенского, Рауха и др. Например,Раух в книжке «Ленин. Основы советской системы», говоря о труде Ленина «Что делать?», утверждает, что Ленин «отказался от классического экономического детерминизма Маркса», что «стержнем его уче-

---

[27] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману, стр. 377—379.

ния являлся не исторический материализм, а концепция воли».[28]

Едва ли нужно говорить, что подобные рассуждения означают полнейшее непонимание марксистского решения вопроса о соотношении объективной и субъективной сторон исторического процесса. Учение Маркса и Энгельса о тактике пролетарской партии подчеркивает исключительное внимание не только к объективным условиям революционного процесса, но и к субъективному фактору, к его различным компонентам.

Важнейшее значение в работах Маркса и Энгельса имеет их анализ тактики партии рабочего класса по отношению к непролетарским партиям и к мелкобуржуазным элементам внутри партии. Они выступили против всяких уступок идеологии оппортунизма, считая необходимым разрыв с оппортунистами в надлежащий исторический период.

Анализируя положение во французской социалистической партии, Энгельс писал А. Бебелю 28 октября 1882 г.: «Во Франции произошел давно ожидаемый раскол. Первоначальное сотрудничество Геда и Лафарга с Малоном и Бруссом было, впрочем, при организации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо вполне оппортунистически (или как это называется в переводе на социалистический язык: поссибилистски) отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше „приверженцев“? Малон и Брусс высказались за последнее; тем самым они пожертвовали пролетарским, классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше».[29]

Размежевание с мелкобуржуазными элементами внутри социалистических партий Маркс и Энгельс считали исторически неизбежным. Оно было обусловлено необходимостью сохранения и укрепления пролетарской партии, способной бороться против капитализма за диктатуру про-

[28] G. von Rauch. Lenin. Grundlegung des Sowjet systems. Göttingen—Berlin—Frankfurt a. M., 1958, S. 24.

[29] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 319.

летариата. Энгельс писал Бернштейну 20 октября 1882 г.: «По-видимому, *всякая* рабочая партия большой страны может развиться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития вообще».[30]

Касаясь вопроса о возможности соглашения с непролетарскими партиями, с идеологами мелкой буржуазии, Энгельс четко указывал, что при известных обстоятельствах временное соглашение возможно, но постоянный союз с ними исключается. «Могу только сказать, — писал он в письме к Г. Нонне в феврале 1884 г., — что при известных обстоятельствах я мог бы пойти на *соглашение* с людьми, которые не стоят целиком на революционно-коммунистической позиции, если они того сто́ят, но ни в коем случае не на *союз* с ними».[31]

Мелкобуржуазный элемент в рабочей партии — чуждый элемент. «Если эти господа, — писали Маркс и Энгельс 17 и 18 сентября 1879 г., — образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д.».[32] Но терпеть их внутри партии нельзя. Пролетариат и его партия не выполнят своей исторической роли, если будут делать уступки этим мелкобуржуазным элементам.

В линии на раскол с оппортунистами Маркс и Энгельс в тех конкретно-исторических условиях видели путь к созданию и укреплению массовой партии пролетариата, способной идти на штурм капитализма. «Еще старик Гегель сказал, — писал Энгельс А. Бебелю 20 июня 1873 г., — партия доказывает свою жизнеспособность тем, что идет на *раскол* и способна выдержать этот раскол».[33] Вместе с тем основоположники марксизма подчеркивали, что этот вопрос зависит от реальных обстоятельств. Он подчинен задаче создать крепкую боевую пролетарскую партию.

---

[30] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 35, стр. 312.

[31] Ф. Энгельс — Г. Нонне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 91—92.

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 174.

[33] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 496.

Эта принципиальная марксистская постановка вопроса об отношении революционной пролетарской партии к другим, непролетарским партиям и группам внутри партии была впоследствии развита и конкретизирована Лениным применительно к конкретной обстановке в России в эпоху империализма и пролетарских революций.

Маркс и Энгельс в процессе борьбы с различного рода сектами, школами и оппортунистическими течениями создавали единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса на базе принципов интернационализма.

Мы уже отмечали, какое огромное значение придавали Маркс и Энгельс принципу интернационализма в деятельности социалистических партий, видя в их единстве и сплочении против капитализма необходимое условие победы международного рабочего класса над буржуазией. Маркс говорил 8 сентября 1872 г. на митинге в Амстердаме: «...вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к которой стремимся, если мы прочно укрепим среди всех рабочих во всех странах этот животворный принцип».[34] Энгельс подчеркивал, что в рабочем движении «прежде всего необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключающий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил».[35]

Под интернационализмом Маркс и Энгельс понимали не только идеи солидарности международного рабочего класса, но и солидарные отношения между его отдельными отрядами. На основе этих идей и отношений строится политика революционной партии.

Исключительно глубоко решает проблему соотношения интернационального и национального Энгельс в письме Каутскому от 7 февраля 1882 г. Он выдвигает положение, согласно которому национальное освобождение пролетариата является исторически необходимым условием его интернационального движения. Касаясь в этой связи проблемы национального восстановления Польши, Энгельс писал: «Вопрос о том, возможно ли восстановление

---

[34] К. Маркс. О Гаагском конгрессе. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 155.

[35] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию..., стр. 500.

Польши *до* ближайшей революции, не имеет значения. *Мы* ни в коем случае не призваны удерживать поляков от усилий отвоевать себе жизненно необходимые условия для их дальнейшего развития или внушать им, будто национальная независимость с интернациональной точки зрения — дело весьма второстепенное, в то время как она, напротив, является основой для всякого интернационального сотрудничества».[36]

Интернациональное и национальное начало в революционном движении связаны одно с другим. Энгельс замечал: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций».[37] «До тех пор пока Польша разделена и угнетена, не может, следовательно, развиться ни сильная социалистическая партия в самой стране, ни действительно интернациональное общение пролетарских партий Германии и прочих стран *с кем бы то ни было из поляков, кроме находящихся в эмиграции*».[38]

Весьма интересную мысль Энгельс высказывает по вопросу о том, что интернационализм предполагает равенство пролетариев различных наций. Он подчеркивает, что «интернациональное сотрудничество возможно только между *равными* и что даже primus inter pares (первый среди равных, — *Б. Ч.*) нужен разве только при непосредственном действии».[39]

В настоящее время принцип интернационализма лежит в основе программы мирового коммунистического движения, что отражено в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 г. В Заявлении подчеркивается, что «*Коммунистические и рабочие партии неустанно воспитывают трудящихся в духе социалистического интернационализма, непримиримости ко всем проявлениям национализма и шовинизма. В сплоченности, единстве коммунистических и рабочих партий, народов социалистических стран, в их верности марксистско-ленинскому учению — главный источник силы и непобедимости каждой со-*

---

[36] Ф. Энгельс — К. Каутскому. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 221.
[37] Там же, стр. 220.
[38] Там же, стр. 221.
[39] Там же.

циалистической страны и социалистического лагеря в целом».[40]

Немалое значение Маркс и Энгельс придавали вопросу о парламентской тактике социал-демократической партии. Начиная примерно с 80-х годов, социалистические партии начинают принимать участие в парламентской деятельности. Маркс и Энгельс, анализируя ее, давали постоянные советы руководителям немецкой социал-демократии, одновременно критикуя промахи, недостатки и оппортунистические ошибки социал-демократической фракции в парламенте. Эти советы, указания и критика представляют собой исключительный интерес. Здесь в сущности даны принципиальные положения марксистской тактики в области парламентской деятельности пролетариата.

В такой деятельности революционной пролетарской партии Маркс и Энгельс видели одно из легальных средств завоевания масс, привлечения их на сторону рабочего класса против буржуазии, а также разоблачения эксплуататорской сущности ее внутренней и внешней политики. Именно этими соображениями в первую очередь они и предлагали руководствоваться социалистической фракции. В своем письме А. Бебелю от 24 ноября 1879 г. Энгельс с классической ясностью определил позицию социал-демократии в парламенте. «Круг вопросов, — писал он, — в отношении которых социал-демократические депутаты могут выйти за пределы чистого отрицания, крайне ограничен. Все это вопросы, непосредственно затрагивающие взаимоотношения рабочего и капиталиста: фабричное законодательство, нормальный рабочий день, ответственность предпринимателей, выдача заработной платы товарами и т. д. Затем чисто буржуазные реформы прогрессивного характера: единство монетной системы и весов, свобода передвижения, расширение личной свободы и т. д. Но всем этим пока что вас, очевидно, утруждать не станут. По всем другим экономическим вопросам — покровительственные пошлины, огосударствление железных дорог, страхового дела и т. д. — социал-демократические депутаты всегда должны будут следовать основному

---

[40] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. Госполитиздат, М., 1961, стр. 53.

принципу: не голосовать ни за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом».[41]

Маркс и Энгельс самым решительным образом выступили против приспособленчества и примиренчества в вопросах пролетарской тактики. В письме к Бернштейну от 18 января 1883 г. Энгельс замечательно сказал об этом: «. . . не извиваться и не изворачиваться под ударами противника, как это делают еще очень многие, не выть, не хныкать и не лепетать извинения, что у нас, мол, не было дурных намерений. Надо отвечать ударом на удар, на каждый удар врага — двумя, тремя ударами. Такова издавна наша тактика, и до сих пор мы, кажется, недурно справлялись с любым противником. „Впрочем, духу наших войск свойственна атака, и это как раз очень хорошо" — говорит старый Фриц в инструкции своим генералам, — и то же можно сказать о наших рабочих в Германии».[42]

Энгельс называл оппортунистов из социал-демократической фракции — Гейзера и К° — «слабосильной командой в рейхстаге», неспособной проводить революционно-пролетарскую линию. «Суеверное» отношение к современному буржуазному государству стало credo большинства членов социал-демократической фракции рейхстага. Оппортунисты вроде Кайзера и Газенклевера в своих речах в рейхстаге заявляли, что они рассматривают государство как нравственный институт и считают своим долгом его укреплять, а не разрушать, в противоположность анархизму.

Энгельс подверг бичующей критике приспособленчество и податливость оппортунистического большинства этой фракции, указывая, что путем уступок противнику ничего нельзя добиться. «Только сила, — писал Энгельс Бебелю 18 ноября 1884 г., — внушает уважение, и лишь пока мы сила, филистер нас уважает. Того, кто идет на уступки филистеру, он презирает, тот для него не сила. Можно дать почувствовать железную руку сквозь бархатную перчатку, но необходимо, чтобы ее почувствовали.

---

[41] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 336.

[42] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 356—357.

Германский пролетариат стал могучей партией, пусть же его представители будут достойны его».[43]

Разрабатывая тактику революционной партии, основоположники марксизма обращали внимание на революционную идейность и принципиальность. Маркс считал «необходимым обеспечить на всех этапах революционного движения: — осуществление руководящей роли рабочего класса во главе с его политической партией во всем освободительном движении; — сочетание борьбы за конечные цели движения с решением ближайших экономических и политических задач рабочего класса; — установление прочного союза пролетариата с широкими слоями трудящихся и прежде всего с крестьянством; — соединение классового движения пролетариата с поддержкой борьбы за демократические свободы, за национальное освобождение угнетенных народов; — верность пролетарскому интернационализму; — верность принципам научного коммунизма и гибкость тактики».[44]

К вопросам тактики партии Энгельс подходил диалектически. Он требовал всестороннего учета объективных конкретных обстоятельств и степени готовности субъективного фактора. Тактика партии не неизменна. На основании огромных успехов социал-демократической партии Германии, достигнутых ею на всеобщих выборах в 1890 г., Энгельс приходил к выводу: «Нынешние выборы производят настоящую революцию в положении партий Германии. Они действительно открывают новую эпоху в ее истории».[45] Возникает возможность расширения легальной деятельности марксистской партии и привлечения народных масс на ее сторону с помощью легальных средств.

В статье «Социализм в Германии» (1892) Энгельс писал, что в настоящее время социал-демократии выгодней действовать в рамках законности. «Сколько раз требовала от нас буржуазия, чтобы мы при любых обстоятельствах отказывались от применения революционных методов и оставались в рамках законности, особенно те-

---

[43] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 207.

[44] Основоположник научного коммунизма. Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса.

[45] Ф. Энгельс. Выборы 1890 г. в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 4.

перь, когда пал исключительный закон, восстановлено общее право для всех, в том числе для социалистов! К сожалению, мы не в состоянии сделать господам буржуа такое одолжение, хотя и верно, что в данный момент отнюдь не мы находимся в положении тех, кого „законность убивает". Напротив, она так превосходно работает в нашу пользу, что мы были бы глупцами, если бы нарушили ее, пока дело идет таким образом. Гораздо скорее возникает вопрос, не нарушает ли эту законность именно буржуазия и ее правительство, чтобы раздавить нас при помощи силы? Поживем — увидим. А пока: „стреляйте первые, господа буржуа!"».[46]

В прощальном письме читателям газеты «Sozialdemokrat» (1890 г.) Энгельс писал, что партия «вступает в другие условия борьбы, и поэтому ей нужны другое оружие, другая стратегия и тактика».[47]

Изменилось соотношение классовых и партийных сил на арене политической борьбы в стране. Партия не только добилась знаменательных успехов на всеобщих выборах, но расширились и другие легальные средства борьбы. Во «Введении» к «Классовой борьбе» Энгельс подчеркивал, что во время предвыборной агитации партия получила наилучшее средство войти в связь с народными массами там, где этого не было раньше, приобрела трибуну, с которой можно обращаться к массам.

В соответствии с этим партия должна была изменить свою тактику. «Имперское правительство, — писал Энгельс, — хочет попытаться действовать против нас снова в рамках общего права, а поэтому и мы попытаемся использовать законные средства, которые мы вновь завоевали путем энергичного применения незаконных».[48]

Вместе с тем Энгельс предупреждал, что партия должна быть готова к изменению форм и методов борьбы, если правительство попытается действовать насильственными средствами.

Наиболее реакционные круги господствующих классов стремились вновь ввести исключительный закон против

---

[46] Ф. Энгельс. Социализм в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 253—254.

[47] Ф. Энгельс. Прощальное письмо читателям газеты «Sozialdemokrat». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 81.

[48] Там же, стр. 83.

социалистов. Однако благодаря активному сопротивлению немецкого рабочего класса реакционный правительственный курс потерпел фиаско. «По призыву социал-демократической партии в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Дрездене, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне и других городах почти одновременно состоялись мощные демонстрации протеста против законопроекта. В них приняли участие сотни тысяч немецких рабочих. Борьбу рабочего класса поддержали средние слои населения — мелкая буржуазия, чиновничество, прогрессивная интеллигенция».[49]

Ленин чрезвычайно высоко ценил разработанные основоположниками марксизма принципы, касающиеся парламентской деятельности пролетарской партии, и те советы, которые они давали немецким социал-демократам. Они явились исходным пунктом для дальнейшей разработки Лениным тактики большевистской партии в этой области.

Резюмируем. Исходя из исторического опыта Парижской Коммуны и международного рабочего движения, основоположники марксизма обосновали необходимость массовой пролетарской партии; неизбежность борьбы партии против враждебных ей течений — оппортунизма и анархизма; внутреннюю неразрывную связь партии с революционной теорией; основные принципы тактики классовой борьбы пролетарской партии; классовый характер парламентской тактики пролетариата и ее принципы.

Все эти принципиальные положения Маркса и Энгельса о революционной партии пролетариата и ее тактике в различных исторических условиях послужили отправным пунктом и основой для разработки В. И. Лениным целостного учения о партии нового типа в условиях новой исторической эпохи.

---

[49] А. Л. Фактарович. Германские рабочие в борьбе против попытки введения нового исключительного закона (1894 г.). В сб.: Германское рабочее движение в новое время, М., 1962, стр. 384.

Глава шестая

БОРЬБА МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА И РЕВИЗИОНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

В конце 70-х годов Марксу и Энгельсу пришлось выступить в защиту научного социализма против нарождавшегося внутри немецкой социал-демократии оппортунизма. В 1878—1879 гг. возникают оппортунистические, ликвидаторские настроения, отдельные партийные деятели призывают к приспособлению и примирению с бисмарковским режимом. Это было время исключительного закона против социалистов. Некоторые вожаки социал-демократической партии растерялись, встали на путь ликвидации партийных организаций; возникли колебания, шатания среди части партийных руководителей. Ряд вождей не только оказались не на высоте своего положения, а трусливо устранились от борьбы за сохранение партийных организаций. Ф. Меринг даже писал, что «отсутствовало всякое руководство, между тем как на партию со всех сторон сыпались жестокие удары».[1]

Многие из руководителей партии не были склонны к переходу на нелегальную работу; они еще надеялись своим смирением вымолить у господствующих классов отказ от исключительного закона против социалистов. В прокламации, написанной высланными членами социал-демократической партии, говорилось: «Никаких насилий, уважайте законы, в их рамках защищайте свои права». Филистерская тактика «непротивления злу» вызвала резкий стихийный протест со стороны социал-демократических масс.

---

[1] Ф. Меринг. История Германской социал-демократии, т. IV. М., 1907, стр. 168.

Под влиянием Маркса и Энгельса А. Бебель и В. Либкнехт отказались постепенно от своих колебаний. Ленин писал, что «было время, когда при исключительном законе делал оппортунистические ошибки Август Бебель, и партия исправляла эти ошибки, партия направляла Бебеля».[2]

Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике господствовавшие оппортунистические настроения, жалкую идею — обезоружить правительство своим повиновением и покорностью. Они указывали, что обезоружить правительство может только борьба масс. Они поставили вопрос о создании за рубежом революционного печатного органа немецкой социал-демократии, против чего высказались многие руководители ее. «Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, — писал Ленин, — Маркс в 1877—1878 гг., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал „революционную фразу“ Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон».[3]

Уже в это время Маркс и Энгельс сурово критиковали оппортунистические взгляды Бернштейна, который не считал путь насильственной революции необходимым для общественного развития. Бернштейн рассматривал социал-демократию как демократическую партию реформ. Под влиянием исключительного закона против социалистов он трусливо предложил совершенно отказаться от тактики классовой борьбы и стать на путь «законности». Вместе с буржуазным филантропом Хёхбергом и оппортунистом Шраммом он выступил против теории научного социализма.

Социал-филантроп Хёхберг вкупе с Бернштейном и Шраммом прокламировали идеи «этического социализма», означавшего проповедь бесконфликтного общественного развития, отказ от революции. Энгельс в ряде писем под-

---

[2] В. И. Ленин. Карикатура на большевизм. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 403.

[3] В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 81.

берг уничтожающей критике «этический социализм» и вытекавшую из него реакционную политическую программу.

В письме к Бернштейну от 26 июня 1879 г. Энгельс указывал на коренное отличие научного социализма от «этического социализма», исходящего из понятия «справедливости». «Такая программа с самого же начала прямо исключала всех тех, кто рассматривает социализм в конечном счете не как следствие каких-либо идей или принципов, вроде справедливости и т. д., но как идеальный продукт материально-экономического процесса, общественного производственного процесса на известной ступени. Этим г-н Хёхберг сам сделал всякое наше сотрудничество невозможным».[4]

Маркс и Энгельс с классической ясностью показывают, что научный социализм своей теоретической основой имеет материалистическое понимание истории, а так называемый «этический социализм» исходит из идеализма, из абстрактного понятия справедливости. В циркулярном письме от 17—18 сентября 1879 г. Маркс и Энгельс исключительно сильно и обстоятельно критиковали взгляды Хёхберга, Бернштейна и Шрамма.

Последние в статье «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии» противопоставили научному социализму программу «этического социализма». Сущность этой программы сводилась к утверждению, что социализм своей основой имеет «истинное человеколюбие», идею «справедливости», а вовсе не классовую борьбу. С рабочими должны вместе идти и все честные представители буржуазии, которую не следует отпугивать крайностями вроде социальной насильственной революции. Путь социал-демократов — это развитие законное, мирное, реформаторское. Авторы статьи заявили, что необходимо всю энергию обратить на достижение определенных, вполне доступных целей, а затем, по достижении их, можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач.

Программа Хёхберга, Бернштейна и Шрамма, таким образом, прокламировала отказ от борьбы за конечную цель и требование признать реформаторскую работу

---

[4] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 296.

центральной задачей партии. Это, в сущности, было полное предвосхищение бернштейниады в 90-х годах, когда Бернштейн выдвинул ревизионистское положение «цель — ничто, движение — все». «Предсказание бернштейниады, — замечает Ленин, — сделанное в 1882 году, замечательно подтвердилось в 1898 и следующих годах».[5]

Подвергая анализу взгляды цюрихской тройки, Маркс и Энгельс писали иронически о них: «От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что „все силы и вся энергия" обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию».[6]

Оппортунисты затушевывали, смазывали и ослабляли классовую борьбу. «Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена».[7] С точки зрения цюрихской тройки социал-демократическая партия не должна быть партией рабочего класса; она должна вовлечь в свои ряды распропагандированные ею буржуазные и мелкобуржуазные элементы. «Итак, — писали Маркс и Энгельс, — по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией „всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием"».[8] Ее программа должна исходить из мирного реформистского пути общественного развития.

Сущность взглядов социал-филантропов на партию Маркс и Энгельс охарактеризовали так: «...вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугиваю-

---

[5] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И.-Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф.-А. Зорге и др.». Полн. собр. соч., т. 15, стр. 238.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Циркулярное письмо А. Бебелю, В. Либкнехту, А. Бракке и др. Соч., т. 19, стр. 171—172.

[7] Там же, стр. 172.

[8] Там же, стр. 169.

щие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она (партия, — *Б. Ч.*) обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный, совершающийся по частям и по возможности мирный процесс перерождения».[9]

Маркс и Энгельс заявили, что буржуазные взгляды г. Хёхберга и К° несовместимы с теорией научного социализма. «В течение почти 40 лет, — писали Маркс и Энгельс, — мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения».[10]

Маркс указывал, что к завоеванию рабочим классом политической власти ведут не непременно одинаковые средства.

Основоположники марксизма в 70-х годах разъясняли, что они не исключают возможность мирного революционного преобразования для отдельных стран при определенных конкретных условиях. Однако мирная форма революции вовсе не исключает классовой борьбы.

В записи речи Маркса на заседании Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 21 сентября 1871 г. отмечается, что он говорил: «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым».[11]

В речи на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 г. Маркс говорил: «Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Аме-

---

[9] Там же, стр. 173.

[10] Там же, стр. 175.

[11] Запись речи К. Маркса о политическом действии рабочего класса. 21 сентября 1871 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 649.

рика, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть для того, чтобы окончательно установить господство труда».[12]

Анализируя внутренние условия Англии в 70-х годах, Маркс указывал на выгодность для английского рабочего класса откупиться от буржуазии при переходе к социализму, выкупить у нее землю и другие средства производства. Однако такая возможность была абстрактной. Она зависела от целого ряда конкретных обстоятельств.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что проблема насильственного или мирного переворота в общественном развитии связана с конкретно-историческими условиями революции в той или иной стране. Марксист не может отказываться от использования как средств насилия, так и мирных средств для достижения диктатуры пролетариата. «...для меня как революционера, — писал Энгельс Г. Триру 18 декабря 1889 г., — пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным».[13]

Но, подчеркивая возможность мирной формы революции, Маркс и Энгельс считали, во-первых, что эта форма преобразования тесно связана с классовой борьбой пролетариата против буржуазии; во-вторых, что эта возможность возникает лишь в некоторых странах при определенных исторических условиях. Энгельс указывал: «...имеется десять шансов против одного, что наши правители еще задолго до этого времени (возможности получения социалистами большинства в парламенте, — *Б. Ч.*) применят против нас насилие; а это перенесет нас с арены парламентской борьбы на революционную арену».[14]

---

[12] К. Маркс. О Гаагском конгрессе. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 154.

[13] Ф. Энгельс — Г. Триру. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 275.

[14] Ф. Энгельс. Ответ достопочтенному Джовании Бовио. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 287.

Основоположники марксизма при рассмотрении содержания социалистической революции не отрицали возможности ее различных форм в тех или иных странах. «Маркс, — писал Ленин, — не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как часто и сильно будет она меняться в ходе переворота».[15]

В общефилософском плане Энгельс, характеризуя диалектический метод, отмечал, что в процессе развития наряду с насильственными способами утверждения новой действительности существует возможность и мирной формы замены отмирающей действительности. Он следующим образом формулировал этот вопрос: «Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости».[16] Маркс и Энгельс исходили из идеи единства многообразия.

Обобщая опыт исторических событий эпохи империализма, Ленин вслед за Марксом и Энгельсом подчеркивал, что завоевание пролетариатом власти насильственным путем представляет собой закономерность общественного развития. Но социальная революция пролетариата при определенных исторических обстоятельствах может приобрести мирные формы. Возможность мирного развития революции Ленин считал «*крайне* редкой в истории и крайне ценной».

В апреле 1917 г. Ленин, исходя из своеобразия исторических условий России, приходит к выводу, что в стране возникла ситуация, которая делает возможной мирную форму социальной революции пролетариата. Свое положение Ленин обосновывает фактами на основе анализа закономерностей революции 1917 г. Формула о возможности мирного пути социалистической революции из области теоретического предположения перешла в кон-

---

[15] В. И. Ленин. О продовольственном налоге. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 214.

[16] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 275.

кретно-практическую область. Ленин впервые в марксистской литературе исходит в решении этой проблемы из обобщения конкретных событий самой жизни.

Это представляло собой дальнейшее развитие и конкретизацию теории научного коммунизма. В наше время XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, исходя из ленинских положений о возможности мирной формы революции и из обобщения опыта коммунистических и рабочих партий на Западе и Востоке, борющихся за социальную революцию пролетариата, развил и углубил ленинскую идею в новых исторических условиях.

Программа Коммунистической партии Советского Союза, учитывая исторические условия — непрерывный рост сил социалистического содружества народов и сил международного рабочего движения, — подчеркивает возможность наряду с немирным переходом к социализму мирной формы революции. «Не исключено, что в условиях все большего роста сил социализма, укрепления рабочего движения и ослабления позиций капитализма в некоторых странах может сложиться ситуация, при которой, как предвидели Маркс и Ленин, для буржуазии будет выгодным согласиться на выкуп у нее основных средств производства, а пролетариату — „откупиться"».[17]

Весьма важное положение выдвигают Маркс и Энгельс, когда касаются интернационального характера социалистической революции. В своем анализе значения Парижской Коммуны для международного рабочего движения они подчеркивали ее интернациональное содержание и вместе с тем выдвигали вопрос о необходимости интернациональной поддержки социалистической революции. Маркс и Энгельс, научно обосновавшие еще в 40-х годах идею пролетарского интернационализма тождеством условий материальной жизни и классовых интересов рабочих различных стран, в результате опыта Парижской Коммуны пришли к заключению, что необходимо укреплять международную пролетарскую солидарность для победы пролетарской революции. На митинге рабочих в Амстердаме 8 сентября 1872 г. Маркс говорил: «Революция должна быть солидарной, и этому учит нас великий опыт Парижской Коммуны, которая пала по-

---

[17] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, М., 1961, стр. 40—41.

тому, что во всех главных центрах, в Берлине, Мадриде и других, одновременно не вспыхнуло великое революционное движение, соответствующее высокому уровню борьбы парижского пролетариата».[18]

Как отмечал впоследствии Ленин, этот недостаток солидарности был исторически обусловлен уровнем рабочего движения в других странах. В новой исторической обстановке, когда международное рабочее движение поднялось на более высокую ступень развития, эта солидарность рабочих нашла выражение в могущественной поддержке Великой Октябрьской революции; Советская Россия в свою очередь поддержала социалистические революции в других странах.

Поражение Парижской Коммуны поставило перед Марксом и Энгельсом неизбежный вопрос о маршруте будущей революции. С 70-х годов Германия превращается в узловой пункт рабочего движения в Европе. В письме Комитету Германской социал-демократической партии Маркс и Энгельс писали: «*Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию*».[19]

С этого времени Маркс и Энгельс свои надежды в отношении революции связывали прежде всего с немецким рабочим движением. Этим и было обусловлено большое внимание основоположников марксизма к немецкой социал-демократии. В тот период существовали как объективные, так и субъективные условия, которые делали возможной революцию в Германии.

Необходимо в связи с постановкой вопроса о различных формах революции затронуть еще один вопрос, который иногда неправильно истолковывается. Марксу приписывается взгляд на мировую революцию как на некий единичный взрыв. Например, Эрнст Фишер в приложении к еженедельнику итальянских коммунистов «Rinascita» (№ 2 за 1965 г.) утверждает, что мировая революция — это длительный процесс, а не какой-то единичный взрывной акт, как будто бы ожидал Маркс.

Это утверждение ничего общего не имеет с действительными взглядами Маркса. И он, и Энгельс рассматри-

---

[18] К. Маркс. О Гаагском конгрессе, стр. 155.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 273.

вали революцию именно как длительный процесс, совершающийся, — мы об этом уже говорили, — в различных формах в развитых капиталистических странах.

Забегая вперед, приведем свидетельство Энгельса — предположение, что в Германии европейский пролетариат может добиться первой победы.

Во введении к английскому изданию (1892 г.) к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» он писал: «...если судить по теперешнему положению вещей, разве не может оказаться, что Германия станет также ареной первой великой победы европейского пролетариата?».[20] Но победа пролетарской революции «может быть обеспечена только совместными усилиями, по крайней мере, Англии, Франции и Германии».[21]

Но была и другая сторона, с которой Маркс и Энгельс также связывали революционные перспективы, хотя, конечно, в ином плане, — Россия. Борьба революционеров против царизма характеризовала историю России со второй половины XIX в., особенно начиная с 70-х годов. Назревшие революционные события в стране, имевшие объективную основу в тяжелом положении крестьянства после падения крепостного права, в его борьбе против помещичьего землевладения, не могли не привлечь внимания Маркса и Энгельса, которые были довольно тесно связаны с русскими революционерами того времени.

Маркс и Энгельс высказывали мысль о том, что русскому народу суждено открыть новую эру революций в Европе. Еще в 1870 г. в письме к Зорге от 1 сентября Маркс проницательно отмечал, что война Пруссии с Францией ведет в будущем к войне Германии с Россией. Эта последняя война «будет повивальной бабкой неизбежной в России социальной революции».[22]

Основоположники марксизма предвидели возможность перемещения революционной ситуации в Россию. В 1877 г. Маркс писал: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и

---

[20] Ф. Энгельс. Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 320.

[21] Там же, стр. 319—320.

[22] К. Маркс — Ф.-А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 123.

резервной армией контрреволюции».[23] Энгельс писал русскому революционеру Г. А. Лопатину: «Россия — это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства».[24] Позже, в письме к Плеханову от 8 февраля 1895 г., Энгельс, исходя из анализа революционного движения в России, приходил к выводу, что революция нанесет удар новому самодержцу — Николаю II.

Ф. Меринг в 1905 г. в связи с начавшейся революцией в России писал, что «больше всего Энгельса порадовало бы всемирно-историческое зрелище, по сравнению с которым многое кажется мелким и ничтожным, — зрелище революционной России, гигантская вспышка того пламени, искры которого раздували Маркс и Энгельс, — это принадлежит не к последним заслугам их перед международным рабочим движением. Как революционеры по всему своему существу, какими были Маркс и Энгельс всю свою жизнь, они всегда видели в свержении царского деспотизма великий поворотный пункт пролетарской революции».[25]

Вот почему впоследствии Ленин неоднократно отмечал великое предвидение Маркса и Энгельса относительно революции в России. Он говорил, что «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение».[26]

Маркс и Энгельс, развивая и конкретизируя свою теорию революции в свете новых фактов, связанных с Парижской Коммуной, и анализируя революционные перспективы в Европе в связи с тем, что центр рабочего движения после падения Парижской Коммуны переместился в Германию, решительным образом отстаивали свои взгляды в борьбе против международного оппортунизма.

Руководители немецкой социал-демократии далеко не всегда понимали принципиальную сторону дела, не всегда

---

23 К. Маркс — Ф.-А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 230.

24 Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Госполитиздат, М., 1947, стр. 236.

25 Воспоминания о Марксе и Энгельсе. ГИПЛ, М., 1956, стр. 376—377.

26 В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу..., стр. 247.

видели отступления социал-филантропов от теории научного социализма.

В письме к А. Бебелю от 16 декабря 1879 г. Энгельс требовал разрыва с программой социал-филантропов, открыто выступивших против революции и проповедовавших мелкобуржуазные идеи: «...тройное созвездие претендует на то, чтобы их впервые четко высказанные в „Jahrbuch“ мелкобуржуазно-социалистические воззрения были представлены в газете „Sozialdemokrat“ наравне с пролетарскими. Я не вижу, каким образом вы в Лейпциге, после того как воз уже так глубоко увяз, могли бы воспрепятствовать этому, не доводя дело до открытого разрыва. Вы, как и прежде, видите в этих людях товарищей по партии. Для нас это немыслимо».[27]

Маркс и Энгельс указывали на коренное отличие научного пролетарского социализма от «этического» мелкобуржуазного социализма. Поэтому, говорили они, не может быть никакой дискуссии с социал-филантропами по коренным вопросам научного социализма. «Вопросы, о которых здесь идет речь, — писал Энгельс Бебелю 16 декабря 1879 г., — такие вопросы, по поводу которых ни в одной пролетарской партии и спора быть не может. Дискутировать их в пределах партии означало бы поставить под вопрос весь пролетарский социализм».[28]

Эта исключительно важная политическая мысль — что пролетарская партия не может дискутировать по коренным и принципиальным вопросам научного коммунизма с его противниками, не поставив под сомнение все его содержание, что научный коммунизм составляет незыблемый фундамент пролетарской партии, без которого она не может существовать, — была положена марксистами в основу своей теоретической и тактической деятельности. В борьбе с различного рода оппортунистическими течениями внутри большевистской партии Ленин неоднократно давал всякий раз отпор всем попыткам оппортунистов поднять дискуссию вокруг принципиальных вопросов марксизма.

Маркс и Энгельс постоянно требовали от В. Либкнехта и А. Бебеля принятия решительных мер против нарождав-

---

[27] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 340.

[28] Там же.

шегося оппортунизма. Они не стеснялись резкого тона своей критики.

Следует, однако, отметить с самого начала, что Маркс и Энгельс видели в В. Либкнехте и А. Бебеле представителей марксизма в практическом движении немецкого рабочего класса, влиятельных и авторитетных вождей его. Их основоположники марксизма считали, и не без основания, своей опорой в немецкой социал-демократии, а потому критиковали их за отдельные ошибки. Эти ошибки иногда были серьезными, ими пользовались оппортунисты в своих выступлениях против революционного марксизма. Тем основательней Маркс и Энгельс критиковали В. Либкнехта и А. Бебеля, способствуя изживанию таких ошибок в вопросах теории и тактики рабочего движения и в то же время укрепляя их правильные взгляды. Критика эта очень поучительна, она говорит о желании основоположников марксизма упрочить позиции товарищей в немецкой социал-демократии, выправить их теоретическую и практическую линию в борьбе против ревизионизма.

В «Отчете социал-демократической фракции немецкого рейхстага» (1879 г.) резко звучали оппортунистические ноты. «Мы, — говорится в нем, — и не думаем о революции. Нам не надо свергать систему Бисмарка. Мы представляем ей самой развалиться. Государство и общество, охваченные органически неопределимым дальнейшим развитием, *естественно врастают в социализм».*

Это заявление означало полный разрыв с научным социализмом, отказ от его коренных основ и открытое прокламирование теории врастания капитализма в социализм.

В. Либкнехт выступил в рейхстаге 17 марта 1879 г. с заявлением, которое вело к отказу от насильственной революции. Он говорил: «... мы будем, разумеется, соблюдать закон, так как наша партия есть *партия реформ в строжайшем смысле слова, а не партия, стремящаяся к насильственной революции,* что было бы ведь вообще *бессмысленно*».[29]

Энгельс в письме к Беккеру от 1 июля 1879 г. писал о «кротости» и о «покорном» выступлении В. Либкнехта в рейхстаге. В. Либкнехт иногда выходил за пределы

---

[29] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932, стр. 401.

допустимых временных соглашений с буржуазной демократией в борьбе против феодальной реакции. Энгельс указывал, что позиция В. Либкнехта поощряла как оппортунистические, так и анархические элементы в партии. «С другой стороны, — писал он И. Ф. Беккеру 1 июля 1879 г., — это покорное выступление в рейхстаге привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склоками и интригами дезорганизовать партию».[30]

Маркс и Энгельс изо дня в день предупреждали руководителей немецкой социал-демократической партии о необходимости решительного отпора социал-филантропическим и оппортунистическим элементам в партии. За большими успехами социал-демократического движения в Германии они умели разглядеть возникновение оппортунистических и ревизионистских тенденций, означавших стремление подорвать научный социализм и противопоставить ему «этический социализм» и проповедь мирного врастания капитализма в социализм. Энгельс в письме к И. Ф. Беккеру 8 сентября 1879 г. писал: «Вообще, скоро придет время выступить против филантропически настроенных крупных и мелких буржуа, студентов и докторов, пробирающихся в германскую партию и пытающихся растворить классовую борьбу пролетариата против его угнетателей во всеобщем братском союзе человечества».[31]

Весьма важное значение для теории научного коммунизма имел анализ классовых корней оппортунизма. Основоположники марксизма указывали на мелкобуржуазный характер социальной базы оппортунизма. Мелкая буржуазия постоянно оказывала на пролетариат влияние. Рабочий класс был с нею связан тысячами переходных ступеней. «Прилив мелких буржуа и крестьян, — писал Энгельс Бебелю 24 ноября 1879 г., — свидетельствует, правда, о колоссальных успехах движения, но вместе с тем это становится и опасным для него, как только забывают, что эти люди вынуждены прийти, но *потому* только и идут, что вынуждены. Их присоединение доказывает, что пролетариат действительно стал руково-

---

[30] Ф. Энгельс — И.-Ф. Беккеру. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 299.

[31] Там же, стр. 306.

дящим классом. Но так как они приходят с мелкобуржуазными и крестьянскими идеями и стремлениями, то нельзя забывать, что пролетариат не выполнит своей исторической руководящей роли, если будет делать уступки этим идеям и стремлениям».[32]

Маркс и Энгельс в специальном обращении к руководителям немецкой социал-демократии предупреждали их об опасности мелкобуржуазной стихии, указывая на социальный источник оппортунизма. Появление оппортунизма — не случайность, а исторически неизбежное явление там, где мелкая буржуазия составляет значительную часть населения страны. «Если к пролетарскому движению, — писали Маркс и Энгельс, — примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, как доказано, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными представлениями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти представления несомненно имеют свое оправдание, но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии».[33]

Маркс и Энгельс подчеркивали невозможность пребывания в партии людей, которые не признают коренных основ научного коммунизма. Они неустанно в письмах к А. Бебелю, В. Либнехту и К. Каутскому предупреждали их об угрозе затопления партии мелкобуржуазными элементами. Благодаря настойчивым разъяснениям Маркса и Энгельса Бебель исправлял политические ошибки, занимал правильную позицию против оппортунистических элементов в партии.

Касаясь борьбы основоположников марксизма с «этическим социализмом» цюрихской тройки и тесно связанного с ним оппортунизма, Ленин писал: «„Бешеная" атака Маркса привела к тому, что оппортунисты отступили и... стушевались. В письме от 19 ноября 1879 г. Маркс извещает, что Хёхберга из редакционной ко-

---

[32] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 338.

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Циркулярное письмо..., стр. 174.

миссии удалили, а от его идей *отреклись* все влиятельные вожаки партии, Бебель, Либкнехт, Бракке и т. д.».[34]

Таким образом, в конце 70-х годов Маркс и Энгельс подвергли критике и разоблачили «этический социализм» и тесно связанный с ним оппортунизм. Их критика оппортунистической формулы — борьба не за цель, а за реформы-заплаты, — а также тезиса о мирном врастании капитализма в социализм имела исключительно большое значение для международного рабочего движения. Выступление Маркса и Энгельса стало образцом борьбы против оппортунизма в складывающихся социалистических партиях различных стран.

Борьба против оппортунизма и ревизионистских тенденций, по мнению основоположников марксизма, необходима и представляет собой закономерность рабочего движения, как и очищение от примазавшихся к социал-демократическому движению чуждых людей.

Критика Марксом и Энгельсом А. Бебеля ни в какой мере не отменяет их весьма положительную оценку его деятельности в немецкой социал-демократии как крупнейшего ее руководителя. Через него в первую очередь они проводили свои идеи. В нем они видели своего последовательного ученика и соратника. Но именно эти обстоятельства и заставляли Маркса и Энгельса критиковать частные ошибки Бебеля, особенно в области тактики.

Современные правые социал-демократы, используя эти частные ошибки, стремятся фальсифицировать действительные взгляды А. Бебеля, превратить его в последователя Лассаля. Например, небезызвестный фальсификатор марксизма В. Таймер в книге «От Бебеля к Олленхауэру»[35] утверждает, что Бебель был ближе к Лассалю, чем к Марксу. Ту же ложную идею проводит Р. Дарендорф в книге «Общество и свобода».

Однако разоблачение фальсификации правых социал-демократов отнюдь не должно вести к замазыванию или замалчиванию ошибок А. Бебеля, который вовсе не нуждается в этом. Бебель — видный марксист, сыгравший

---

[34] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу..., стр. 237.

[35] W. Theimer. Von Bebel zu Ollenhauer. Bern—München. 1957; R. Dahrendorf. Gesellschaft und Freiheit. München, 1961.

исключительно важную роль в распространении и развитии марксистских идей в Германии и воплотивший в себе лучшие традиции немецкого рабочего класса.

• • •

С начала 80-х годов опасность роста правого крыла оппортунизма в немецкой социал-демократии делалась все более заметной. Это сказалось прежде всего в поведении социал-демократической фракции в рейхстаге. Кайзер, Гейзер, Грилленбергер и другие представители фракции открыто отмежевались от революции и объявили себя сторонниками реформизма. Это сказалось в проникновении в партийные органы печати буржуазных литераторов, в распространении оппортунистических идей. Оппортунистическое большинство фракции стремилось устранить «Sozialdemokrat» в качестве центрального органа партии, чтобы провести в жизнь свою мелкобуржуазную, реформистскую концепцию.[36]

В 80-х годах наступил второй кризис в немецкой социал-демократии, вызванный ростом оппортунистических элементов.

Марксу и Энгельсу постоянно приходилось подталкивать руководителей немецкой социал-демократии на борьбу с правыми элементами в партии, подвергать их резкой товарищеской критике. Нельзя постоянно опасаться, писал Энгельс А. Бебелю в мае 1880 г., что филистер сосчитает вас несколько более крайними, чем вы в действительности являетесь. Линию поведения В. Либкнехта нередко приходилось выправлять. Энгельс писал в 1883 г.: «...одна из особенностей Либкнехта заключается в том, что он ради временного успеха не задумываясь жертвует более серьезными успехами в будущем».[37] Вместе с тем Энгельс был уверен, что в решающий момент В. Либкнехт займет правильную позицию в борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных элементов в партии.

Уже в начале 80-х годов Маркс и Энгельс приходят к убеждению, что усилившийся оппортунизм, имеющий

---

[36] Geschichte der deutscher Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 372.

[37] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 372.

своей социальной базой мелкую буржуазию, может затопить партию, если ему решительно не противопоставить революционно-пролетарскую политику. На это Маркс и Энгельс неоднократно указывали Бебелю. В последнем они видели наиболее последовательного руководителя немецкой социал-демократии, своего надежного союзника в Германии. В 1881 г. Бебель едет в Лондон и впервые знакомится лично с Марксом и Энгельсом. Это в значительной степени помогло ему занять более твердую позицию в отношении оппортунизма.

Энгельс подчеркивал, что внутри партии возникает правое, оппортунистическое крыло. «Относительно того, — писал Энгельс Бебелю 21 июня 1882 г., — что рано или поздно дело дойдет до столкновения с буржуазно настроенными элементами партии и до раскола между правым и левым крылом, у меня уже давно не было больше никаких иллюзий, и еще в рукописном послании по поводу статьи в „Jahrbuch" я прямо заявил, что считаю это желательным. Нас может только очень радовать, что и ты пришел к такому же заключению».[38]

Между тем оппортунистические голоса в партии становились все более настойчивыми. Во время обсуждения в рейхстаге вопроса об осадном положении в 1881 г. оппортунисты из фракции Блоса и Газенклевера отмежевались от революционной позиции «Sozialdemokrat», центрального органа партии. Это было открытое приспособление к бисмарковскому режиму в стране и означало в сущности отречение от социал-демократической партии. Оппортунист Брейель объявил о своей солидарности с поведением Блоса и Газенклевера. В открытом письме в «Sozialdemokrat» он требовал отказа от насильственных действий и перехода к «идейной борьбе».

«Sozialdemokrat» в ряде статей, исходя из установок Маркса и Энгельса, подверг резкой критике позорное поведение оппортунистов из фракции. «Наши депутаты посланы в рейхстаг, чтобы говорить там от имени пролетариата... Они должны не плакать, не жаловаться, а клеймить и обличать, они должны не вступать в переговоры, а протестовать. . .».[39]

---

[38] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 277—278.

[39] Sozialdemokrat, 15 Dezember 1881, № 51.

На Цюрихском совещании в 1882 г. правые в лице Ауэра, Блоса и Гейзера открыто выступили против учения Маркса о революции и пропаганды его газетой «Sozialdemokrat». Фракция рейхстага, которая являлась застрельщиком оппортунизма, открыто потребовала от редакции «Sozialdemokrat» прекращения выступлений против нее.

А. Бебель занимал правильную позицию против оппортунизма в партии. Касаясь Копенгагенского съезда партии, он писал 2 мая 1883 г. Энгельсу: «Между обоими направлениями, в частности, между Гейзером и мною, происходили весьма оживленные пререкания... Не подлежит сомнению, что имеются люди, в особенности среди наших парламентских деятелей, которые не верят, что революционное развитие уже достигло надлежащей высоты, а потому склонны к соглашательству и с неудовольствием смотрят на всякий резкий ход». В противоположность этой правильной политической оценке, В. Либкнехт в своем письме к Энгельсу приукрасил известным образом положение вещей, умолчав о борьбе на съезде.

Энгельс писал Бебелю: «Отчет о Копенгагенском съезде составлен так, что я не смог читать между строк и на основании его внести поправки в сообщение Либкнехта, как всегда прикрашенное».[40]

Оппортунисты из социал-демократической фракции смотрели на себя как на центр партии, определяющий ее политический курс. В своих выступлениях они все более наглели. Так, например, Гейзер в рейхстаге 10 мая 1884 г. говорил: «Мы на переворот в государственных отношениях путем кровавой революции не рассчитываем... Провозглашение права на труд со стороны рейхсканцлера и есть выражение той социальной революции, которая совершается...».[41]

Жалкие филистеры из фракции готовы были отречься от революции, если бы правительство дало обещание отменить закон против социалистов. Энгельс предупреждал Бебеля о возможности такой позорной попытки со стороны оппортунистов.

---

[40] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 21.

[41] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages V Legislaturperiode, IV Session, Bd. 1, 1884, S. 138.

Социал-демократические депутаты рейхстага при голосовании законов выказывали явный оппортунизм. Так было во время обсуждения в 1884 г. вопроса о субсидии пароходным компаниям. По этому поводу Энгельс писал, что филистерство депутатов социал-демократов было колоссальным. Он указывал, что позиция оппортунистов, выступивших за предоставление субсидии предпринимателям пароходных компаний, логически ведет к поддержке колониальной политики правящих классов. Разъясняя Бебелю оппортунистическую политику фракции, Энгельс писал 30 декабря 1884 г.: «Что за невероятный позор перед всем миром, если буржуазия получит дотацию *благодаря вашим голосам*! .. кто в данном случае голосует за, должен, оставаясь последовательным, голосовать и за колонии».[42]

Надо было принципиально голосовать против. Позорное поведение фракции вызвало возмущение среди социал-демократических низов.

В 1885 г. Энгельс в связи с обострившейся борьбой внутри социал-демократии указывал Бебелю на необходимость быть готовыми к расколу: «...следует заранее готовиться к этому, и, по-моему, мы должны во что бы то ни стало сохранить три позиции: 1) цюрихскую типографию и издательство, 2) редакцию „Sozialdemokrat" и 3) редакцию „Neue Zeit"».[43]

Раскол в партии становился возможным. Энгельс прекрасно понимал, что развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, что оппортунизм неизбежен и что размежевание с оппортунистическими лидерами в рабочем движении является исторической необходимостью.

Принципиально Энгельс считал раскол вполне допустимым там, где нельзя сохранить единство, не жертвуя революционными интересами пролетариата в целом. Касаясь создавшегося исторического положения в Германии в 80-х годах, Энгельс указывал, что оппортунисты пользуются законом против социалистов, когда они имели возможность выступать открыто и легально против революционного марксизма. Вот почему раскол мог быть

---

[42] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 225—226.

[43] Там же, стр. 287

осуществлен только при определенных конкретных условиях. «Эти люди, — писал Энгельс в 1884 г., — *живут* законом против социалистов. Если бы завтра стала возможной открытая дискуссия, я стоял бы за немедленный переход в наступление, и тогда им живо пришел бы конец. Но пока никакая открытая дискуссия невозможна, пока вся издающаяся в Германии пресса в их руках, а их численность (среди «вождей» их большинство) дает им возможность использовать вовсю сплетни, интриги, клевету исподтишка, — я считаю, что до тех пор *мы* должны избегать всего, что дало бы возможность приписать нам раскол, то есть свалить *вину* за раскол на нас. Это — общее правило борьбы внутри собственной партии, и сейчас ему необходимо следовать более, чем когда бы то ни было. Раскол надо осуществить так, чтобы мы продолжали вести за собой старую партию, а они либо вышли бы из партии, либо были бы выкинуты из нее».[44]

Энгельс считал, что раскол следует провести не в период действия исключительного закона против социалистов. «Но как только мы в Германии снова получим некоторую свободу действий, раскол, по всей вероятности, произойдет и будет тогда только полезен», — писал он в 1885 г.[45]

Энгельс не без основания считал, что пролетарские элементы в партии дадут рано или поздно отпор оппортунизму. Он проявил глубокую веру в массы. «Очень порадовали меня, — писал Энгельс Бебелю в 1885 г., — твои сообщения о независимом настроении масс. Господа из правого крыла, разумеется, поверят этому лишь тогда, когда некоторые из них получат наглядный урок».[46]

Выступление рурских, а затем и саарских углекопов было встречено Энгельсом с живейшим интересом и радостью. Партия, учили основоположники марксизма, должна опираться на пролетарские массы, в них она обретает свою политическую силу, свое общественное значение.

---

[44] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 135.

[45] Ф. Энгельс — А.-Ф. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 277.

[46] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 317.

Энгельс требовал от социал-демократических вождей подготовки решительного отпора правому крылу. И. Дицген писал Зорге в 1886 г.: «Рад тому, что Энгельс одного с нами мнения относительно апостолов „умеренности" по ту и по сю сторону океана».[47]

Энгельс внимательно следил за парламентской деятельностью партии. В своих письмах к Бебелю и другим он просит полной информации о деятельности парламентской фракции. «Стенограммы, — писал Энгельс 22 февраля 1882 г., — сегодня отсылаю. Большое спасибо. Большей частью все это несколько бледно, но я бываю уже доволен, когда нет действительно позорных выступлений и отречения от принципов».[48]

Процесс усиления оппортунизма происходил далеко не равномерно. Были годы, когда он несколько затихал. Под давлением социал-демократических масс и резкой критики Маркса и Энгельса он вынужден был временно отступать, маскироваться. Но усиление его было несомненным. Борьба за распространение и углубление научного коммунизма сопровождалась постоянной борьбой с лассальянскими вульгарно-социалистическими и иными ложными идеями. Своего высшего пункта эта борьба в партии достигла между 1883—1887 гг.[49]

Ленин, характеризуя роль Маркса и Энгельса в немецком рабочем движении, писал: «...на протяжении более чем десяти лет Маркс и Энгельс систематически, неуклонно боролись с оппортунизмом в немецкой с.-д. партии и преследовали интеллигентское филистерство и мещанство в социализме».[50]

Любопытно заметить, что впоследствии Струве в своей борьбе против революционных социал-демократов во главе с Лениным неоднократно ссылался на «мудрую» (читай — оппортунистическую) политику немецких социал-демократов, отказавшихся от революции и обострения противоречий с либерализмом. Оппортунизм в немец-

---

[47] Письма К. Маркса и Ф. Энгельса и др. к А.-Ф. Зорге и др. 1908, стр. 231.

[48] Ф. Энгельс — Э. Бернштейну. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 228.

[49] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 1. Berlin, 1966, S. 376.

[50] В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу... стр. 242.

кой социал-демократической партии выставлялся им как образец правильного понимания пролетариатом своих задач, в противоположность плебейской, революционной точке зрения Ленина. «Ту меру постепенности, осторожности и оппортунизма, — писал Струве в 1905 г., — которую сочли возможным „вместить“ немецкие социалисты в 70—80-х годах, эту меру и должны наложить на себя русские социалисты и демократы при создании профессионального рабочего движения...».[51]

Оппортунизм приобрел международный характер. На это не раз указывал Энгельс. При создании II Интернационала он самым решительным образом выступил против оппортунизма и примиренчества в ряде социалистических партий. Благодаря ему Парижский конгресс 1889 г. прошел под знаком борьбы против поссибилистов.

Энгельс подверг резкой критике Бернштейна за его примиренчество по отношению к французским оппортунистам — поссибилистам. Он не был уверен в позиции В. Либкнехта, который носился с идеей примирения всех социалистов во Франции, в то время когда поссибилисты, по словам Энгельса, вели борьбу с марксистами не на живот, а на смерть. Используя позицию В. Либкнехта, Ауэр и Шиппель в газетах выступили за то, чтобы принять участие в поссибилистском конгрессе. Энгельс писал Бебелю 5 января 1889 г.: «Лафарг опасается, что Либкнехт связался с поссибилистами и что не исключена возможность посылки ваших делегатов на *их* конгресс».[52]

В письме к В. Либкнехту от 4 апреля 1889 г. Энгельс решительно потребовал, чтобы он изменил поведение, отказался от примиренческой тактики по отношению к французским и английским оппортунистам. Он писал, между прочим: «...я ничуть не огорчен тем, что вставил тебе тут палочку в колеса».[53]

В письме к Каутскому от мая 1889 г. Энгельс гневно порицал некоторых немецких социал-демократов, не понимавших необходимости жестокой борьбы с международным оппортунизмом и примиренчески относившихся к союзу Брусса—Гайндмана. Он прекрасно видел, что

[51] Освобождение, 1905, № 63, стр. 222.

[52] Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 106—107.

[53] Ф. Энгельс — В. Либкнехту. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 146.

борьба вновь начинает разгораться: на одной стороне революционные социалисты, на другой — оппортунисты. Борьба марксистов против анархистов в I Интернационале уступила главное место борьбе с оппортунизмом во II Интернационале. «Суть дела в том — и для меня это было причиной так горячо взяться за дело, — писал Энгельс Зорге, — что старый раскол в Интернационале, прежняя борьба в Гааге снова становятся в порядок дня. Противник тот же, с той только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем поссибилистов; та же продажа своих принципов буржуазии за частичные уступки, а главное за теплые местечки для вожаков (члены городского муниципалитета, Биржи труда и т. д.). И тактика совершенно та же».[54]

В борьбе с оппортунизмом и ревизионистскими тенденциями в немецкой социал-демократии и других социалистических партиях Маркс и Энгельс глубоко проанализировали сущность и социальные корни оппортунизма, дали обстоятельную критику «этического социализма» с его тезисом о постепенном врастании капитализма в социализм, обосновали свой взгляд на мирную и насильственную форму революции, развили критику парламентской тактики оппортунистической социал-демократической фракции и обосновали основные положения парламентской тактики революционного пролетариата.

---

[54] Ф. Энгельс — Ф. А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 191.

Глава седьмая

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ КРЕСТЬЯНСТВА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ И О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЕГО ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИЗМУ

Одним из важнейших вопросов теории научного социализма является аграрно-крестьянский вопрос. В общей форме он получил свое разрешение еще в работах Маркса и Энгельса 50-х годов. В 60-х годах эта проблема поставлена значительно более конкретно в связи с деятельностью I Интернационала.

Поражение Парижской Коммуны поставило перед Марксом и Энгельсом среди важнейших вопросов научного коммунизма весьма серьезную проблему — об отношении пролетариата к крестьянству до завоевания им политической власти и после завоевания ее. Эта проблема приобрела практический характер. Маркс и Энгельс подчеркивали, что крестьянство составляет в настоящее время большинство населения почти всех стран, является важным фактором народного хозяйства и представляет собой политическую силу. «От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии, — писал Энгельс, — крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы».[1] Основоположники марксизма вместе с тем ссылались на опыт всемирной истории, которая подтверждает, что крестьянство своими силами освободиться от феодализма или гнета капитала не в состоянии.

Маркс и Энгельс, как мы видели, одной из причин поражения Парижской Коммуны считали то, что крестьянство в стране не поддержало движения пролетариата

[1] Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 503.

в городе. Анализируя ход предшествовавших революций во Франции и Германии, они приходили к заключению, что позиция крестьянства играла существенную роль в исходе революции. «В качестве фактора политической силы крестьянин до сих пор, — писал Энгельс, — проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора не только парламентской коррупции в Париже и в Риме, но также и русского деспотизма».[2]

Маркс в конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» указывал, что крестьянин либо станет препятствовать развитию социалистической революции, либо пролетариат должен привлечь его на сторону революции и принять меры к улучшению положения крестьянства после прихода к власти.

Позиция крестьянства может быть изменена пролетариатом в свою пользу. Энгельс замечает, что «эта апатия отнюдь не непреодолима».[3] Маркс, характеризуя позицию, которую должно занять крестьянство в конечном счете в пролетарской революции, указывал, что приход крестьянства к пролетариату в революции страшит аграриев. «Помещики знают, — писал Маркс, — что три месяца господства Республики Коммуны во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне! Освобождения крестьян они боятся даже больше, чем освобождения городского пролетариата! Крестьяне вскоре провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом».[4]

Маркс указывал на те конкретные мероприятия, которые Коммуна провела бы в пользу крестьянства. «Коммуна освободила бы крестьянина от налога крови, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судейских вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от про-

---

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] К. Маркс. Первый набросок к «Гражданской войне во Франции». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 556.

извола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем».[5] Коммуна решила бы в пользу крестьян вопрос об ипотечном долге.

Исходя из анализа социальной природы Парижской Коммуны, Маркс имел полное основание написать в первом наброске своей работы «Гражданская война во Франции», что парижский пролетариат сражается за французского крестьянина, Версаль же сражается против него. Ленин указывал, что к союзу беднейших крестьян с пролетариями «пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера».[6] Рассматривая положение крестьянства во Франции и в связи с этим отношение его к пролетариату, Маркс приходил к выводу, что между городскими и сельскими производителями существуют противоречия, но не такие, которые бы исключили главное — общность их интересов в борьбе против буржуазного общества. «Следовательно, — говорил Маркс, — крестьянина отделяет от пролетария уже не его действительный интерес, а вводящий его в заблуждение предрассудок».[7]

Маркс в марте—апреле 1872 г., подводя общий итог своим взглядам на аграрный вопрос, составил записку о национализации земли, в которой он писал:

«На конгрессе Интернационала в Брюсселе в 1868 г. один из наших товарищей (де Пап, — *Б. Ч.*) сказал: „Мелкая частная собственность на землю осуждена наукой, а крупная частная собственность — справедливостью. Остается, таким образом, только одно из двух: земля должна стать либо собственностью сельских товариществ, либо собственностью всей нации. Будущее решит этот вопрос“.

«Я же говорю наоборот: социальное движение приведет к решению, что земля может быть только собственностью самой нации. Отдать землю в руки объединенных сельскохозяйственных рабочих значило бы подчинить общество исключительно одному классу производителей.

---

[5] К. Маркс. Гражданская война во Франции. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 349.

[6] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 40.

[7] К. Маркс. Первый набросок..., стр. 557.

«Национализация земли произведет полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, и в конечном счете, совершенно уничтожит капиталистический способ производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве».[8] Маркс подчеркивал, что «научные познания, которыми мы обладаем, и технические средства ведения сельского хозяйства, которыми мы располагаем, такие как машины и т. п., могут быть успешно применены лишь при обработке земли в крупном масштабе».[9]

Таким образом, Маркс считал, что национализация земли экономически необходима и исторически неизбежна, хотя он вместе с Энгельсом признавал возможность переходных мероприятий в период социалистической революции. Энгельс, например, еще в письме к Марксу 1 ноября 1869 г. писал, что не следует торопиться с наступлением на мелкую земельную собственность. «...пролетариат пока что не заинтересован в том, чтобы поднимать вопрос о *мелкой* земельной собственности».[10] Маркс и Энгельс допускали возможность временного отказа от немедленного проведения национализации земли в определенных конкретных условиях ради успеха социалистического дела.

Основоположники марксизма требовали дифференцированного подхода к крестьянству. В этом отношении предисловие Энгельса к «Крестьянской войне в Германии» имеет исключительное значение. В нем Энгельс признает необходимым решать аграрную проблему конкретно. Маркс и Энгельс подчеркивали, что крестьянство при капитализме не является единым классом. Они рассматривали различные социальные слои крестьянства. Энгельс различает крупных крестьян, которые относятся к буржуазии, средних крестьян, тяготеющих к крупному крестьянству, мелких крестьян, куда он относил и арендаторов, и наконец сельскохозяйственных рабочих (батраков). Он указывал, что в лице последних пролетариат обретает себе естественных союзников. «Всюду, — писал Энгельс в 1870 г., — где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне

---

[8] К. Маркс. Национализация земли. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 56—57.

[9] Там же, стр. 55.

[10] Энгельс — К. Марксу. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 306.

составляют *сельскохозяйственные рабочие*. Так обстоит дело во всей Северной и Восточной Германии, и *здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*...

«Этот класс бессилен, так как он раздроблен и распылен; правительство и дворянство, однако, настолько хорошо знают его скрытую силу, что намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и настоятельнейшая задача немецкого рабочего движения. С того дня, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, с того дня в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство».[11]

Указывая на исходные принципиальные положения аграрной политики марксизма, Энгельс в 1871 г. писал Карло Кафьеро: «Наша политика в отношении земледельческого населения в общем и целом такова: там, где существуют крупные земельные владения, там арендатор является капиталистом по отношению к работнику, и там мы должны действовать в интересах работника; там же, где участки небольшие, там арендатор, хотя и является номинально мелким капиталистом или мелким собственником (как во Франции и в части Германии), но, в действительности, он обычно доведен до той же степени нищеты, что и пролетарий, и в этом случае мы должны действовать в его пользу».[12]

Таким образом, основоположники марксизма в своем отношении к крестьянству исходили из существующей дифференциации его. Только такой конкретный подход они считали правильным. Маркс и Энгельс усматривали в сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьянах естественного союзника рабочего класса. Это положение являлось конкретизацией того общего решения по крестьянскому вопросу, которое ими выдвигалось ранее; оно переводило вопрос из области теоретических положений на путь практической повседневной борьбы.

---

[11] Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 419—420.

[12] Ф. Энгельс — К. Кафьеро. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 205.

Опыт Парижской Коммуны со всей настоятельностью говорил о необходимости практической работы среди крестьянства. Это прекрасно понимали основоположники марксизма. Маркс предложил на Лондонской конференции в сентябре 1871 г. обсудить в связи с оглашением «Манифеста к сельским работникам» Беккера вопрос о пропаганде в деревне: этого требовало согласование интересов города и деревни, вовлечение революционных элементов деревни в общепролетарское движение против капитализма.

Конференция в сформулированной Марксом резолюции предлагала секциям направлять агитаторов в деревню с целью разъяснения позиции I Интернационала по аграрно-крестьянскому вопросу.

Рассматривая положение французского крестьянства в 1878 г., Энгельс приходил к выводу, что его экономическое положение ухудшается, а последние выборы показали, что масса сельского населения стала республиканской. Эта последняя перемена означает «приближение союза между рабочими в городах и крестьянами в деревнях».[13]

Все важнейшие взгляды по аграрно-крестьянскому вопросу в дальнейшем, после смерти Маркса, были конкретизированы и развиты Энгельсом. В борьбе с оппортунистами в 90-х годах Энгельс настоятельно требовал положить в основу тактики партии один из руководящих принципов марксизма — конкретный, дифференцированный подход к крестьянству. Он решительно критиковал реформиста Фольмара и его последователей, которые самым беспардонным образом закрывали глаза на расслоение крестьянства и делали ставку на зажиточных крестьян.

Фольмар явился рупором кулацких элементов. Об этом со всей возможной четкостью писал Энгельс в 1894 г.: «Баварцы сделались очень и очень оппортунистичными и превратились *чуть ли* не в обычную народную партию (речь идет о большинстве вождей и о многих новичках, вошедших в партию); в баварском ландтаге они голосовали за бюджет в целом, Фольмар же развернул агитацию в пользу крестьян с целью привлечь на свою сторону

---

[13] Ф. Энгельс. Европейские рабочие в 1877 г. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 141.

верхнебаварских крупных крестьян — людей, которые владеют 25—80 акрами земли (10—30 гектарами) и, следовательно, *никак не могут обойтись без наемных рабочих*».[14]

На Франкфуртском партейтаге в 1894 г. баварцы откровенно заявляли о необходимости приспособления социал-демократической тактики к требованиям сельскохозяйственной буржуазии. Верхнебаварское крестьянство, по отношению к которому Фольмар и его сторонники выказывали подозрительную заботливость, являлось в основном зажиточным и представляло собой средних и крупных владельцев земли, торговавших скотом и хлебом и систематически пользовавшихся наемным трудом в своем хозяйстве. Выступление Фольмара являлось неприкрытой защитой кулачества. «...Фольмар, — писал Энгельс Зорге 10 ноября 1894 г., — и намеревается подкупить *крестьян вообще*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в Верхней Баварии, не то, что прирейнский, задавленный долгами мелкий крестьянин, а средний и даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и в крупных масштабах торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно».[15]

Фольмар на партейтаге самым бессовестным образом утверждал, что взгляды французских социалистов на аграрный вопрос будто бы получили одобрение Энгельса. Между тем известно, что Энгельс подверг критике аграрную программу французской рабочей партии. В своем письме от 12 ноября 1894 г. в «Vorwärts» он протестовал против клеветы Фольмара.

Фольмар в своей речи выступил против учения Маркса о развитии сельского хозяйства при капитализме, утверждая, что сельское хозяйство развивается особыми путями, что к нему неприменимы законы капиталистической индустрии и что оно «своим особым способом врастает в социалистическое общество».

Взгляды Фольмара формально были осуждены партейтагом; на деле же они нашли свое отражение в принятой резолюции по аграрному вопросу. После партейтага

---

[14] Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 39, стр. 277.

[15] Там же, стр. 258.

Бебель вынужден был с горечью признать, что у многих вождей социал-демократии на первом плане оказалась задача ловли крестьянских голосов и отрицание классовой борьбы.

Действительно, Франкфуртский партейтаг воочию показал усиление правого крыла, вскрыл процесс политического загнивания правой части социал-демократической партии. Это было настолько ясно, что Бебель вынужден был признать существование в социал-демократии двух различных направлений и их борьбу между собой. «Я не хочу скрывать, — говорил Бебель, — что чувствую, как партия разжижается, что она попадает на оппортунистический путь, что классовая борьба сглаживается».[16]

Энгельс выражал свое недовольство тем, что на Франкфуртском партейтаге не было осуждено голосование Фольмара и его сторонников в Баварском ландтаге за бюджет. В этом Энгельс усматривал прямую потачку оппортунистическим элементам в партии. Буржуазная пресса, захлебываясь от восторга, писала, что баварские социал-демократы окончательно порвали с «революционными иллюзиями» марксизма.

Между тем примиренцы были вполне довольны результатами партейтага. Газета «Vorwärts», касаясь прений по аграрно-крестьянскому вопросу, писала: «Дебаты об аграрном вопросе в главном выполнили свою цель».[17] Ведь партейтаг, поясняли они, не является научным конгрессом. Теоретические споры должны быть за пределами его работы.

Путаница и смута в аграрно-крестьянском вопросе не могли быть оставлены без ответа. Энгельс пишет статью «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В ней он, указывая на важность разрешения крестьянского вопроса для пролетарского движения, подвергает уничтожающей критике французских и немецких оппортунистов, приспособляющих свою аграрную программу к мелкособственническим настроениям крестьянства. Он критикует недооценку роли крестьянства как союзника пролетариата.

Нантская программа (1894 г.) французской рабочей партии также была им подвергнута критике. Энгельс показал полную несовместимость ее требований с мар-

---

[16] Vorwärts, 1894, № 268.
[17] Там же, № 254.

ксизмом. Французские оппортунисты, как и фольмарцы в Германии, выступили в защиту собственности крестьянина, за ее увековечение. Они требовали защиты тех владельцев земли, которые эксплуатируют наемных рабочих, но вынуждены к этому будто бы эксплуатацией, тяготеющей над ними самими.

Работа Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» нанесла жестокий удар по международному оппортунизму и выяснила политическую и теоретическую позицию социал-демократии в крестьянском вопросе.

Под непосредственным влиянием Энгельса Бебель выступил с критикой оппортунизма баварцев в крестьянском вопросе и по вопросу голосования бюджета. Он сигнализировал партии об опасности оппортунистического перерождения. В своей обвинительной статье «Zur Diskussion über den Frankfurter Parteitag» он указывал на проникший в партию мелкобуржуазный дух.

Газета «Vorwärts» выступила против критики Бебеля. Газету поддержал В. Либкнехт, высказав опасения относительно возможности раскола в партии. Энгельс в письме к В. Либкнехту протестовал против его примиренческого поведения и позорных действий «Vorwärts».

Оппортунизм поднял голову. «Vorwärts» стремилась скрыть, затушевать принципиальные разногласия в партии. В передовой «Der Parteitag» центральный орган немецкой социал-демократической партии, касаясь противоречий и борьбы на Франкфуртском партейтаге, примиренчески писал: «Но это была дискуссия между товарищами и братьями».[18]

Еще широко были распространены лассальянские взгляды на крестьянство как реакционный класс, противостоящий рабочему классу. Выступая против Фольмара в аграрном вопросе, Шульце говорил на Франкфуртском партейтаге: «Крестьяне как класс должны стоять против нас как враги. Класс крестьян эксплуатирует рабочих так же, как и крупные собственники. Нам невозможно привлечь на свою сторону этот класс, который для нас остается враждебным классом».[19]

---

[18] Vorwärts, 1894, № 254.

[19] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Frankfurt a. M., 1894.

В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс со всей решительностью заявил, что без завоевания на свою сторону крестьянства невозможно думать о завоевании пролетариатом политической власти. Энгельс пишет: «Но чтобы завоевать политическую власть, эта (социалистическая, — *Б. Ч.*) партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне».[20] Она не может быть безучастной к событиям в деревне, не может спокойно оставить обреченного на гибель крестьянина в руках его лжезащитников, которые стремятся его превратить в активного противника промышленных рабочих.

Анализируя различные составные части, из которых состоит крестьянство, Энгельс указывал, что для теории научного социализма имеет исключительное значение вопрос об отношении рабочего класса к мелкому крестьянству. «Из всех крестьян этот разряд — самый важный, и не только для Западной Европы вообще. Нет, и по отношению ко всему вопросу центр тяжести лежит именно в этом разряде. Раз мы выяснили себе наше отношение к мелкому крестьянину, мы имеем уже все опорные пункты для определения нашего отношения к остальным составным частям сельского населения».[21]

Что же понимал Энгельс под мелким крестьянином? Он дает следующее четкое определение: «Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда; это, следовательно, остаток такого способа производства, который принадлежит уже прошлому».[22]

Исключающим признаком для понятия мелкого крестьянина является применение наемного труда, большие размеры земельного участка и сдача его в аренду. В это понятие, по-видимому, Энгельс включает часть среднего

---

[20] Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос. . ., стр. 504.
[21] Там же, стр. 506.
[22] Там же.

крестьянства. Это видно из следующего его замечания: «В тех местах, где средний крестьянин живет среди парцелльных крестьян, он по своим интересам и взглядам не отличается от них сколько-нибудь существенно; ведь его собственный опыт должен ему показывать, сколько ему подобных уже опустились до положения мелких крестьян. Но там, где преобладают средние и крупные крестьяне и где ведение хозяйства повсюду требует помощи батраков и батрачек, там дело обстоит совершенно иначе».[23]

Выступая на VIII съезде партии, Ленин говорил, что «еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное, и это деление для громадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности».[24]

Энгельс вскрывает основные закономерности развития мелкого крестьянства при капитализме — неизбежное разорение и гибель. Он замечает, что «число крестьян, не имеющих возможности содержать рабочий скот, возрастает непрерывно... Налоги, неурожаи, разделы между наследниками, судебные процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщику, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий».[25]

В своем анализе экономической природы мелкого крестьянина Энгельс приходит к выводу, что вследствие своего тяжелого экономического положения крестьянин должен быть восприимчив к социалистической пропаганде, но, с другой стороны, будучи собственником средств производства, он боится передачи земельной собственности в руки всего общества. Здесь Энгельс ставит вопрос о противоречивой природе мелкого крестьянина.

Что же может предложить пролетариат неизбежно гибнущему при капитализме мелкому крестьянству?

Маркс в своем первоначальном тексте «Гражданской войны во Франции» набрасывает программу тех конкретных мероприятий, которые первоначально может выдвинуть Коммуна, чтобы повести за собой крестьянство.

---

[23] Там же, стр. 522.

[24] В. И. Ленин. (VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.) Доклад о работе в деревне. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 194.

[25] Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос..., стр. 506—507.

«Коммуна, как мы показали, — замечает Маркс, — является единственной властью, которая может, даже при своем нынешнем экономическом положении, немедленно дать ему крупные блага, вместе с тем она представляет собой единственную форму правления, которая может обеспечить преобразование его нынешних экономических условий, спасти его, с одной стороны, от экспроприации крупным землевладельцем, и избавить его, с другой стороны, от каторжного труда и нищеты, на которые он обречен под предлогом мнимой собственности; она может превратить его номинальную собственность на землю в действительную собственность на плоды его труда, может сочетать для него выгоды современной агрономии, — вызванной к жизни общественными потребностями, но теперь постоянно выступающей против него как враждебная сила, — с сохранением его положения как действительно независимого производителя. Получив сразу выгоды от Республики Коммуны, он скоро проникся бы доверием к ней».[26]

В работе «Марка» Энгельс писал, что для крестьян при помощи рабочих открывается возможность коллективной обработки земли с привлечением крупной сельскохозяйственной техники. «Но как? — Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме; путем такого обновления общинного землевладения, при котором последнее не только обеспечит мелкокрестьянским общинникам все преимущества крупного хозяйства и применения сельскохозяйственных машин, но и предоставит им средства организовать наряду с земледелием также и крупную промышленность с использованием силы пара и воды, и притом организовать ее без капиталистов, а силами самого товарищества».[27]

Основоположники марксизма понимали сложность и трудность перехода крестьян на социалистический путь. Они выдвинули кооперативное производство как промежуточное средство приобщения крестьянских масс к социализму. Энгельс писал Бебелю в 1886 г.: «...нам придется в широких размерах применять в качестве про-

---

[26] К. Маркс. Первый набросок..., стр. 557.

[27] Ф. Энгельс. Марка. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 344.

межуточного звена кооперативное производство, — в этом Маркс и я никогда не сомневались».[28]

Привлечение крестьянства на сторону социалистической революции дает возможность пролетариату коренным образом перевести крестьянское хозяйство на социалистические рельсы. Энгельс, анализируя аграрную программу французской социалистической партии и критикуя ряд ее ошибочных положений, пишет: «...главная задача состоит в том, чтобы ясно показать крестьянину, что мы может спасти, сохранить его усадьбу и земельное владение, только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство... Мы никогда не можем обещать мелким крестьянам поддержать их единоличное хозяйство и единоличную собственность против превосходных сил капиталистического производства».[29]

Энгельс подвергает критике принятую аграрную программу в той части, где французская рабочая партия обещает поддержать парцелльную собственность мелких крестьян. Он подчеркивает, что спасение разоряющегося мелкого крестьянства — в переходе к товарищескому, коллективному производству. Об этом нужно прямо и ясно ставить вопрос в аграрной программе.

После того как пролетариат захватит в свои руки власть, социалистическая партия должна предложить мелкому крестьянству социалистический путь развития. Если крестьянин еще не решается на этот переход, то следует дать ему отсрочку, чтобы он подумал на своей парцелле. Против воли мелкого крестьянина рабочий класс не вторгнется в его дела, касающиеся собственности.

Раскрывая социалистический путь преобразования крестьянского хозяйства, Энгельс пишет: «...обладая государственной властью, мы и не подумаем о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для

---

[28] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 361.

[29] Ф. Энгельс. Крестьянский вопрос..., стр. 519—520.

этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь».[30]

Здесь Энгельс с классической ясностью сформулировал основные положения теории научного коммунизма по крестьянскому вопросу: исторически неизбежен и необходим переход крестьянского хозяйства к коллективному хозяйству; этот переход должен быть добровольным; осуществляться он будет посредством примера и оказания общественной помощи.

Все эти принципы впоследствии развил и конкретизировал Ленин, основываясь на опыте революционного движения крестьянства в России, а в дальнейшем — на опыте социалистического преобразования крестьянского хозяйства в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Касаясь судьбы крупного и среднего крестьянства, Энгельс писал: «Если эти крестьяне поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы, то они придут к нам, и нашей обязанностью будет насколько возможно облегчить также и им переход к новому способу производства. В противном случае мы должны будем предоставить их собственной судьбе и обратиться к их наемным рабочим, у которых мы, конечно, найдем сочувствие. От насильственной экспроприации, вероятно, мы и тут откажемся. . .».[31]

Само собой разумеется, здесь Энгельс дает лишь общее решение. Ленин, разрабатывая его, выдвинул ряд новых идей, обогативших теорию научного социализма (анализ экономической и политической позиции среднего крестьянства, отношение рабочего класса к нему на различных этапах развития революции, проблема национализации земли, вопросы классовой борьбы в деревне и т. д.).

Что касается крупного землевладения, то Энгельс считал, что «как только наша партия овладеет государственной властью, ей надо будет просто экспроприировать крупных землевладельцев, точно так же как промышленных фабрикантов».[32] Энгельс при этом допускал возможность экспроприации с выкупом.

---

[30] Там же, стр. 518.
[31] Там же, стр. 523.
[32] Там же.

Таким образом, в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс раскрыл в общих чертах историческую закономерность перехода от хозяйства, покоящегося на частной собственности на средства производства, к товариществу, коллективному производству в земледелии.

Произведение Энгельса сыграло исключительную роль в марксистском освещении аграрно-крестьянского вопроса; оно служило теоретической основой для разработки соответствующей социалистической программы.

Что касается немецкой социал-демократии, то она обнаружила тенденции отхода от марксистской линии в аграрно-крестьянском вопросе. Проект аграрной программы, представленный Бреславльскому партейтагу, в важнейших пунктах был оппортунистичен. Были живы и лассальянские представления о реакционности крестьянства. Исключение составляла работа Каутского «Аграрный вопрос», где в целом (хотя и не без существенных недостатков) были поставлены многие важные проблемы.

Однако правление немецкой социал-демократической партии «не утруждало» себя аграрно-крестьянским вопросом. На партейтаге в Гамбурге поступили предложения поставить аграрный вопрос на повестку ближайшего партейтага, но они были отклонены. На Нюрнбергском партейтаге в 1908 г. правление сообщило, что аграрный вопрос не мог быть поставлен на повестку дня, так как имелись более важные вопросы. Робкие голоса напоминали о необходимости постановки специально аграрного вопроса на партейтаге, но не встретили никакого отклика со стороны правления партии.

Марксистскую линию разработки аграрно-крестьянского вопроса продолжили русские революционные марксисты во главе с В. И. Лениным.

В. И. Ленин неоднократно приводил свидетельства Энгельса об отошении пролетариата к крестьянству в период социалистической революции, теоретически подкрепляя ими политику большевистской партии в крестьянском вопросе. Например, в своей речи на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г.[33] он говорил, что необходимо напомнить, каким образом сложились основ-

[33] В. И. Ленин. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 207—209.

ные положения марксизма об отношении к среднему крестьянству, а для этого необходимо вспомнить основные мысли Энгельса, развитые в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

Анализируя исторические процессы в деревне, Ленин на VIII съезде РКП(б) говорил, ссылаясь на свое выступление 27 ноября 1918 г.: «На одном московском собрании, где приходилось ставить вопрос об отношении к мелкобуржуазным партиям, я привел точные слова Энгельса, который не только указывал, что среднее крестьянство является нашим союзником, но выражал даже уверенность, что, быть может, удастся обойтись без репрессий, без мер подавления и по отношению к крупному крестьянству. В России это предположение не оправдалось: мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками».[34]

Итак, основоположники марксизма, исходя из исторического опыта Парижской Коммуны и тех условий существования крестьянства, которые возникли в последующий период общественных отношений при капитализме, обосновали историческую неизбежность гибели мелкого сельского производства при капитализме и необходимость национализации земли социалистической революцией; поставили вопрос о трудовом крестьянстве как естественном союзнике рабочего класса в пролетарской революции; выдвинули требование дифференцированного подхода социал-демократии к различным слоям крестьянства; разработали в общих чертах программу социалистического преобразования общественной помощи; подвергли всесторонней и глубокой критике аграрную программу оппортунистов и их позицию по отношению к крестьянству.

---

[34] В. И. Ленин. Отчет Центрального Комитета. VIII съезд РКП(б). Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

Глава восьмая

МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА [1]

Проблема войны — одна из наиболее сложных для научного исследования. Теория научного социализма исходит в решении этой проблемы из объективных закономерностей, действующих на различных этапах общественного развития. Марксу и Энгельсу принадлежит разработка важнейших сторон этой проблемы: 1) учение о роли насилия и, в частности, о роли военной силы в истории; 2) анализ войны как социального явления и ее места в обществе; 3) учение о вооруженном восстании и его закономерностях; 4) вопросы тактики пролетариата по отношению к различным типам войны.

Энгельс, будучи военным специалистом, дал к тому же исключительно глубокий анализ целого ряда специфических военных проблем, которые он разрешал в теснейшей и органической связи с общими методологическими посылками марксистского мировоззрения. Ему принадлежит ценный с военной точки зрения разбор целого ряда военных операций. Однако рассмотрение этих вопросов лежит за пределами нашей работы.

Маркс и Энгельс в своем учении о войне как социальном явлении исходили из той объективной роли, которую она играла и играет в историческом процессе, оказывая глубочайшее влияние на историю народов и классов. Войны в антагонистических обществах представляют собой закономерное и неизбежное явление и связаны с социальными антагонизмами. Исследуя проблему происхож-

[1] В настоящей главе, в отличие от предыдущих глав, проблема рассматривается в целом, дается ее общая характеристика со времени публикации «Манифеста Коммунистической партии».

дения войны в истории человеческого общества, Маркс и Энгельс установили зависимость ее в конечном счете от экономических отношений классов и народов. Непосредственно война связана с политикой господствующих классов, в руках которых находится государство. Но войны в истории имеют не однозначный характер; они играют в обществе различную роль.

Пролетариат, исходя из своих исторических задач, преследует свои внешнеполитические цели. Маркс писал Энгельсу в феврале 1865 г., что «рабочий класс имеет свою собственную внешнюю политику, которая отнюдь не руководствуется тем, что буржуазия считает подходящим».[2]

Теоретики научного социализма различали реакционные войны и войны, имеющие прогрессивный и революционный характер, способствующие так или иначе общественно-историческому развитию. Из этого объективного критерия, считали они, и должен исходить пролетариат при оценке той или иной войны. Интересы пролетариата совпадают с требованиями исторического прогресса. Поэтому войны, способствующие прогрессу, пролетариатом оцениваются положительно. Марксисты вовсе не являются пацифистами. Вопрос о справедливости той или иной войны неразрывно связан для пролетариата с объективной оценкой ее прогрессивной или реакционной роли в обществе. Маркс и Энгельс подчеркивали, что в зависимости от характера войны и ее тенденций пролетарская партия строит соответствующим образом свою тактику по отношению к войне.

Эта тактика характеризуется научным подходом и вытекает из конкретного анализа объективных отношений и условий в обществе. «Партия рабочих, которая во всех вопросах, разделяющих реакцию и буржуазию, — писал Энгельс в 1865 г., — стоит вне непосредственного конфликта, имеет то преимущество, что может обсуждать такие вопросы совершенно хладнокровно и беспристрастно. Только она и может обсуждать их научно, исторически, как если бы они уже были достоянием прошлого, — анатомически, как если бы они уже стали трупами».[3]

---

[2] Ф. Энгельс — К. Марксу (27 февраля 1865 г.). В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 31, стр. 71.

[3] Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 39.

Роль насилия в истории Маркс и Энгельс рассматривали, исходя из оценки объективных тенденций в данное конкретное время. Насилие отнюдь не является первичным и самостоятельным фактором, оно производно от общественных отношений, определяется экономическими и социально-политическими факторами; но, будучи порождено последними, оно оказывает существенное, подчас решающее влияние на их развитие в дальнейшем.

Характер насилия в обществе различен как по содержанию и социально-политической направленности, так и по форме действия. Переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической сопряжен с насилием, играющим прогрессивную роль в разрешении социально-экономического конфликта в обществе. Маркс в «Капитале», касаясь роли насилия в разрешении конфликта, возникающего в недрах старого общества, писал: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция».[4]

В условиях существования антагонистического общества насилие играет весьма важную роль как в разрешении конфликтов между странами, нациями, так и между классами. Насилие в революции составляло весьма существенный и, более того, даже решающий фактор на определенных этапах ее развития. Насилие господствующих классов неизбежно встречает противодействие со стороны угнетенных классов. Насилие революционных классов играет прогрессивную роль в историческом процессе. Маркс и Энгельс выступили против позиции Лассаля по вопросу о роли крестьянских войн. Последний считал их не революционными и даже в конечном счете реакционными, что нашло отражение в его исторической драме Франц фон Зиккинген». Маркс упрекал Лассаля в том, что он поставил дворянскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской.

Маркс и Энгельс обращали внимание на то, что многие войны по объективному своему содержанию и тенденциям, независимо от целей, которые преследовали господствующие класы, ускоряли ход исторического развития. Основоположники марксизма при оценке войн того времени исходили из того, каковы их последствия для будущего

---

[4] К. Маркс. Капитал, т. I. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

развития пролетариата. Ленин, характеризуя их подход, замечает: «...удивительно ли, что Маркс и марксисты ограничивались определением того, победа *какой* буржуазии безвреднее (или полезнее) для всемирного пролетариата, когда не могло еще быть и речи об общем пролетарском движении против правительств и буржуазии».[5]

Это определение зависело от целого ряда общественно-исторических факторов и характера войны, от того, какая из воюющих сторон играет объективно прогрессивную роль. Ленин писал: «Феодально-династическим войнам противопоставлялись тогда, *объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи».[6]

В истории были войны, которые, несмотря на все ужасы, связанные с ними, были прогрессивны. Они разрушали оплоты реакции, уничтожали самодержавие, обостряли классовые противоречия и несли с собой социально-политическое просвещение масс в их борьбе против господствующих классов. Если одни войны задерживали общественное развитие, то другие способствовали социальному прогрессу. Таким образом, основоположники теории научного социализма выдвигали объективный критерий в оценке пролетариатом войн того периода. Они решительно выступили против династических войн, захватнических, колониальных и проч.

Например, Австро-прусскую войну 1866 г. Маркс и Энгельс считали войной реакционной, династической. Перед рабочим классом они ставили задачу ниспровержения двух тиранов. Вместе с тем они весьма положительно оценивали войны, которые вела французская революция в 1789—1794 гг. Эти войны были направлены на свержение иноземного деспотизма или способствовали демократическому движению.

Анализируя внешнеполитическое положение, исторически сложившееся в Европе, Маркс и Энгельс исходили из того, что царская Россия являлась главным врагом революции как вне, так и внутри страны. Царизм в рево-

---

[5] В. И. Ленин. Софизмы социал-шовинистов. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 185.

[6] В. И. Ленин. О брошюре Юниуса. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 13.

люционных событиях 1848—1849 гг. был оплотом и орудием европейской реакции. Он проводил завоевательную политику, угнетал многие народы и поддерживал реакционные режимы в Европе. Поэтому они считали в тех условиях войну против российского самодержавия прогрессивной.

Маркс и Энгельс разоблачали систему международных отношений, созданную еще в период реакционного Венского конгресса, а также после подавления революций 1848—1849 гг. Они подвергли бичующей критике международную политику Австрии и Пруссии, опиравшихся часто на реакционную позицию России.

В статьях «Внешняя политика Германии», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге» и некоторых других основоположники научного социализма разоблачали угнетательскую политику господствующего класса Германии. «Натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов. Особенно отличилась в этом отношении Германия».[7] Только тогда немецкий народ будет свободным, когда он освободит от своего деспотизма другие народы. «Германия станет свободной, — писал Энгельс, — в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам».[8]

В связи с обострением международных отношений на Балканах и на Ближнем Востоке в 50-х годах Маркс и Энгельс анализируют сложившееся положение в этой полной противоречий части мира. «Всякий раз, — писали они, — когда утихает на время революционный ураган, один и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность — это вечный *„восточный вопрос“*».[9] Энгельс пишет серию статей: «Турецкий вопрос», «Что будет с Европейской Турцией» и др.

Подчеркивая неизбежность национально-освободительной борьбы южных славян против турецкого ига, Энгельс

---

[7] Ф. Энгельс. Внешняя политика Германии. В кн.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 160.

[8] Там же, стр. 161.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Британская политика. — Турция. Соч., т. 9, стр. 3.

высказывает мысль, что они не будут зависимы от России, не сделаются в руках последней реакционным орудием.

Маркс и Энгельс, оценивая международные отношения, считали прогрессивной революционную войну против России. Эта война против царизма, по их мысли, должна была развязать борьбу революционных народных сил в Европе и внутри России против деспотизма. Ставя вопрос о возможности войны, Энгельс писал в 1854 г.: «Но не следует забывать, что в Европе существует шестая держава, которая в определенные моменты заявляет о своем главенстве над всеми пятью так называемыми „великими" державами и заставляет дрожать каждую из них. Держава эта — Революция».[10]

В статье «Европейская война», написанной в период Крымской войны, Энгельс отмечал, что война, если она примет всеевропейский характер, может дать толчок революции, почва для которой существует в целом ряде стран Европы. Маркс и Энгельс исходили из того, что коль скоро война, помимо желаний и воли народов, возникает, то необходимо использовать события в интересах демократии и социализма.

Крымская война не повела к развертыванию революционного движения в европейских странах. Не разрешила она и противоречий на Балканах. Вместе с тем Маркс отмечал, что эта война оказала влияние на внутреннее развитие России, вскрыла гнилость ее социальной и политической системы и вынудила тем самым поставить вопрос о проведении в стране целого ряда реформ и об освобождении крепостных крестьян.

С позиций интересов пролетариата и революционной демократии рассматривали Маркс и Энгельс начавшуюся в 1859 г. войну Франции и Пьемонта против Австрии. Они подчеркивали антинародный характер этой войны, вызванной стремлением Луи-Наполеона укрепить свой диктаторский режим во Франции. И бонапартистская Франция, и монархическая Австрия были противниками национальной независимости и объединения Италии. Накануне войны Маркс писал: «...и если эта война в самом деле неизбежна, то мы искренне и от всей души желаем, чтобы она принесла с собой подлинное и справедли-

---

[10] Ф. Энгельс. Европейская война. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 10, стр. 6.

вое решение итальянского вопроса, равно как и разных других вопросов, ибо, пока эти вопросы не будут разрешены, они от времени до времени будут нарушать мир в Европе и, следовательно, мешать прогрессу и процветанию всего цивилизованного мира».[11]

Именно в возможности для итальянского народа обрести независимость Маркс и Энгельс видели положительный момент этой антинародной войны между Францией и Австрией. Они приветствовали манифест Мадзини, в котором итальянская демократия отмежевалась от целей Луи-Наполеона, а также национальное движение Гарибальди. Основоположники марксизма писали, что совет Мадзини «народным добровольцам провести четкую линию различия между их собственным делом и делом коронованных самозванцев и никогда не бесчестить своих воззваний, засоряя их позорным именем Луи-Наполеона, выполнен Гарибальди буквально».[12] Они подчеркивали, что как Франции, так и Австрии одинаково чуждо дело национального объединения Италии, достижения ею полной независимости. Последующие исторические события подтвердили эту мысль.

Маркс и Энгельс в своих многочисленных статьях по вопросам современной политики разоблачали захватнические планы России, Пруссии, Франции, Австрии, Англии. Они выступили активными борцами против рабства негров в Америке. В своем глубоком анализе причин гражданской войны между Севером и Югом Маркс отмечал социально-экономические основы ее. «Все движение, — писал он, — как это ясно видно, покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*».[13] С уничтожением рабства основоположники научного социализма связывали свободу рабочих на Севере, их возможность борьбы против буржуазии, а также ликвидацию вооруженного распространения рабства в Мексике, Центральной и Южной Америке.

В ходе гражданской войны Маркс возлагал большие надежды на народные массы; он подверг критике позицию американского правительства, не желавшего предоставить

---

[11] К. Маркс. Вопрос об объединении Италии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 174.

[12] К. Маркс. Манифест Мадзини. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 381.

[13] К. Маркс. Гражданская война в Северной Америке. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 347.

неграм право сражаться вместе с белыми против Юга. Исключительное значение для обоснования интернационалистической тактики пролетариата имели выступления английских рабочих против интервенции Англии. «Английский рабочий класс, — писал Маркс, — снискал себе неувядаемую славу в истории, отразив посредством массовых, полных энтузиазма митингов неоднократные попытки господствующих классов организовать интервенцию в пользу американских рабовладельцев, и это несмотря на то, что продолжение Гражданской войны в Америке означает для миллиона английских рабочих самые тяжкие страдания и лишения».[14]

Марксу и Энгельсу неоднократно приходилось выступать в 60-е годы против колониальных войн, против интервенции в Мексике и т. д. В статье «Интервенция в Мексике» Маркс, проводя параллель между существовавшим когда-то Священным союзом реакционных государств в Европе и разбойничьим сговором Франции, Испании и Англии, писал: «Речь идет попросту о том, чтобы, образовав новый Священный союз, применить к американским государствам тот же самый принцип, согласно которому Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние дела правительств европейских стран».[15]

Со времени организации Международного Товарищества Рабочих идеи Маркса и Энгельса по вопросам войны и мира получили одобрение и санкцию со стороны международного рабочего класса.[16] «Марксу пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться выработки у членов Интернационала классового пролетарского подхода к войнам. Ясное понимание необходимости и готовности вести последовательную борьбу за мир должны были сочетаться с умением разбираться в характере того или иного военного конфликта и в зависимости от этого занимать определенную тактическую позицию. Следовало предостеречь рабочих от пацифистских иллюзий мелкобуржуаз-

---

[14] К. Маркс. Воззвание лондонского Просветительного общества немецких рабочих о Польше. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 597.

[15] К. Маркс. Интервенция в Мексике. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 373—374.

[16] См. статью: А. Е. Коротеева. I Интернационал и вопросы войны и мира. В сб.: Из истории марксизма и международного рабочего движения, М., 1964.

ных и буржуазных кругов, помочь им преодолеть одностороннюю пацифистскую точку зрения, побуждавшую видеть во всякой войне, даже освободительной, абсолютное зло».[17] Маркс и Энгельс делали все, чтобы выработать у пролетариата самостоятельную политическую позицию по вопросам войны и мира. Они указывали на необходимость практических действий рабочего класса в конкретных ситуациях. В «Учредительном манифесте» подчеркивалось, что действия английского рабочего класса заставили господствующие классы отказаться от военной интервенции в США на стороне рабовладельческих штатов.

Вместе с тем Маркс призывал американский рабочий класс предотвратить возможность войны между Англией и США. Он писал, что «рабочий класс вступает на арену истории уже не как покорный исполнитель, а как независимая сила, сознающая свою собственную ответственность и способная диктовать мир там, где его так называемые хозяева кричат о войне».[18]

Эти слова с исключительной силой раскрывают марксистскую позицию в вопросах войны и мира.

Еще раньше Интернационал осудил австро-прусскую войну 1866 г. как династическую. В резолюции Генерального Совета указывалось, что «возникший на континенте конфликт является конфликтом между правительствами», и рекомендовалось рабочим «оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для социального и политического освобождения».[19] Завоевательной политике и буржуазному национализму Международного Товарищество Рабочих противопоставило интернационализм и принцип национальной независимости народов. Члены Интернационала выступали с протестами против французской оккупации Рима, приветствовали национально-освободительное движение Гарибальди.

В принятой Брюссельским конгрессом Интернационала резолюции указывалось, что постоянным источником войн является эксплуататорский строй и что их ликвидация должна быть результатом уничтожения этого общественного строя, но что народы, и в первую очередь рабочий класс, могут и должны оказывать и при существующем

---

[17] Карл Маркс. Биография. М., 1968, стр. 517.

[18] Там же, стр. 372—373.

[19] Генеральный Совет первого Интернационала 1864—1866 гг. М., 1961, стр. 145.

положении противодействие господствующим классам в их стремлении развязать войны, должны обличать зачинщиков войны.

Весьма важное значение для разработки «собственной внешней политики рабочего класса» имела позиция Маркса и Энгельса по отношению к франко-прусской войне 1870 г.

1870 год — начало военно-политического кризиса в Европе. Разразившаяся франко-прусская война стала серьезным испытанием для Международного Товарищества Рабочих и для социал-демократической партии Германии, для социалистических организаций в других странах.

Маркс и Энгельс, глубоко проанализировав причины войны и ее два этапа, обосновали и разработали интернациональную тактику рабочих в этой войне. В двух воззваниях, опубликованных от имени Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих, о франко-прусской войне Маркс раскрывает содержание международной политики Интернационала, отношение рабочего класса к войнам и милитаризму.

Ссылаясь на манифест и воззвание парижских членов Интернационала, Маркс подчеркивал, что протесты против войны выражают истинные чувства французских рабочих, их интернационализм. Со стороны Франции война носила завоевательный характер. Она была подготовлена всей деятельностью Луи-Бонапарта. Вместе с тем Маркс подверг критике правительство Бисмарка, осуществлявшего аннексию Германии династией Гогенцоллернов. Подчеркивая тождество социально-политической внешней политики господствующих классов во Франции и Пруссии, Маркс писал в 1870 г.: «Бонапартистский режим, который до тех пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме *войны*?».[20]

Отмечая, что война со стороны Германии — оборонительная, Маркс подчеркивал: «Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против

---

[20] К. Маркс. Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 3—4.

французского народа, — тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны».[21] При этом Маркс указывал, что немецкий рабочий класс, не будучи в состоянии предотвратить войну, поддерживает ее как «войну за независимость Германии, за освобождение Франции и Европы от отвратительного кошмара Второй империи».[22]

Еще до начала войны Эйзенахская социал-демократическая партия в Германии была единственной партией, которая противостояла шовинизму, захлестнувшему все буржуазные партии. Войну Маркс и Энгельс рассматривали как результат политических отношений господствующих классов.

Основоположники марксизма не переставали с самого начала войны 1870 г. указывать на реакционный характер правительства Пруссии и на опасность перерастания войны из оборонительной в завоевательную. Они предупреждают, что в последнем случае Германию постигнут несчастья. Маркс и Энгельс подходили к войне с позиций революционного пролетариата.

И как только война со стороны бисмарковского правительства действительно приобрела завоевательный характер (был поставлен вопрос об аннексии Эльзаса и Лотарингии), Маркс и Энгельс заклеймили политику Бисмарка. В «Письме Комитету социал-демократической рабочей партии» они писали, что аннексией Эльзаса и Лотарингии «провозглашается принцип пангерманизма и „надежных" границ, который якобы приведет на востоке к великолепным результатам для Германии и Европы».[23]

Ярким примером интернационалистического отношения к войне является ее анализ, данный Энгельсом в письме к Марксу от 15 августа 1870 г., а также вытекавшая из него программа действий немецкой социал-демократии. В пятом пункте этой программы отмечается интернационализм пролетариата: «Постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войну и не воюют друг с другом».[24]

---

[21] Там же, стр. 4.

[22] К. Маркс. Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 279.

[23] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии. Соч., т. 17, стр. 272.

[24] Ф. Энгельс — К. Марксу. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 34.

Маркс в письме к А. Юберу в августе 1871 г. охарактеризовал второе воззвание Интернационала как «энергичное разоблачение завоевательных планов прусского правительства. Это призыв к немецким и английским рабочим стать на *сторону Французской республики*».[25]

Маркс, указывая, что немецкие рабочие «требуют *почетного для Франции мира* и *признания Французской республики*»,[26] призывал международный рабочий класс к активным действиям против войны. Во втором воззвании о франко-прусской войне говорилось: «Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* во всех странах призовут рабочий класс к действию».[27]

В упомянутом письме Маркса и Энгельса Комитету немецкой социал-демократической рабочей партии были даны директивы, намечающие линию поведения немецких рабочих. Сложность вопроса заключалась в том, что, борясь против аннексии Эльзаса и Лотарингии, необходимо было проводить различие между германскими национальными интересами (объединение Германии) и династическими прусскими интересами. На первый план необходимо было выдвигать совместные интересы немецких и французских рабочих. А. Бебель, а вслед за ним В. Либкнехт после некоторых колебаний[28] заняли правильную позицию. В декларации, оглашенной Бебелем на заседании рейхстага 21 июля 1870 г., говорилось:

«Настоящая война представляет собой династическую войну, предпринятую в интересах династии Бонапартов, подобно тому, как война 1866 г. была предпринята в интересах династии Гогенцоллернов. Кредиты, испрашиваемые у рейхстага на ведение этой войны, мы не можем одобрить, так как это было бы вотумом доверия прусскому правительству, которое своей политикой в 1866 г. подготовило эту войну.

«Мы не можем голосовать и против этих кредитов, так как это могло бы быть понято как одобрение преступной и бессовестной политики Бонапарта».

---

[25] К. Маркс — А. Юберу. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 234.

[26] К. Маркс. Второе воззвание..., стр. 279.

[27] Там же, стр. 281.

[28] См. статью: Е. Г. Светланова. Германская социал-демократия в период франко-прусской войны. В сб.: Германское рабочее движение в новое время, М., 1962.

Маркс и Энгельс одобрили линию поведения Эйзенахской партии во главе с Бебелем и Либкнехтом.

Касаясь дальнейшего хода событий, Маркс и Энгельс писали:

«Будет ли эта война вредна или полезна, — целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

«Если они захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция *вместе* с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

«Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа».[29]

Но Маркс и Энгельс высказывали опасение, что правительство Бисмарка встанет на путь аннексий, если «*германский рабочий класс en masse не поднимет своего голоса*».[30] Они подчеркивали, что на немецкий рабочий класс ложится большая ответственность.

Во втором воззвании о франко-прусской войне Маркс критиковал аннексионистскую политику Пруссии, разоблачил действительную сущность возведения военных соображений в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы. «Если границы, — замечал Маркс, — должны определяться военными интересами, то претензиям не будет конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новой примыкающей к ней территории; более того, эти границы никогда не могут быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктует условия побежденному, и тут, следовательно, уже имеется зародыш новых войн».[31]

Маркс указывал, что аннексия французской территории — это зародыш будущей войны. Борьба за почетный

---

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письмо Комитету..., стр. 272.
[30] Там же.
[31] К. Маркс. Второе воззвание..., стр. 277.

мир с Францией и признание Французской республики — задача международного рабочего класса, и в первую очередь немецкого. Он призывал международный рабочий класс к действиям: «Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* во всех странах призовут рабочий класс к действию. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала.

Vive la République!».[32]

Так заканчивается второе воззвание о франко-прусской войне.

Основоположники марксизма разоблачили сговор внутренней контрреволюции Тьера и Фавра против Парижской Коммуны с прусской армией, стоявшей у Парижа. В записи речи Маркса о Парижской Коммуне на заседании Генерального Совета 23 мая 1871 г. говорится: «Парижскую Коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера».[33]

Произведения Маркса и Энгельса, как и их революционные действия в период франко-прусской войны, являются классическим образцом марксистской позиции в вопросах войны и мира.

Они предвидели неизбежность в будущем новой европейской войны. Аннексия Эльзаса и Лотарингии Германией таила возможность такой войны, в которой должен был принять участие ряд других стран, в том числе Россия, которая в тот период играла роль жандарма во всех революционных событиях в Европе. Поэтому Маркс и Энгельс, как мы говорили, рассматривали войну против царской России как прогрессивную. Эта война могла развязать революционные события внутри России и привести к уничтожению главного оплота реакции в Европе.

Но вместе с тем для основоположников марксизма не было сомнений в том, что европейская война не в интересах международного рабочего класса. Она отодвинет революцию, породит среди народов шовинизм. Рабочий класс должен бороться против нее.

---

[32] Там же, стр. 281.

[33] Запись речи К. Маркса о Парижской Коммуне. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 629.

В письме Бебелю 22 декабря 1882 г. Энгельс подчеркнул, что возможность европейской войны будет означать отсрочку революции. «Европейскую войну, — писал он, — я считал бы несчастьем; на этот раз дело приняло бы чрезвычайно серьезный характер, война на долгие годы разожгла бы повсюду шовинизм, так как каждый народ боролся бы за свое существование. Вся работа русских революционеров, которые уже находятся накануне победы, оказалась бы бесполезной, пошла бы насмарку; нашу партию в Германии сразу же захлестнул и расколол бы поток шовинизма, и то же самое произошло бы во Франции».[34]

Еще раньше, 16 декабря 1879 г., в письме Бебелю Энгельс писал, что если разразится война, то она «похоронит и *нынешнюю* германскую партию. Такая война была бы для нас величайшим несчастьем, она могла бы отбросить движение на двадцать лет назад. Но новая партия, которая в конце концов должна была бы создаться в результате всего этого, освободилась бы во всех европейских странах от всяческих колебаний и мелочности, которые теперь повсюду тормозят движение».[35]

Больше того, в конце 80-х годов, глубоко проникая в закономерности буржуазного общества, Энгельс пришел к убеждению, что возможно возникновение мировой войны, которая, если вспыхнет, приведет к глубоким социально-политическим изменениям. В известном предисловии к брошюре Сигизмунда Боркхейма «Zur Erinnerung für die deutschen Mords-patrioten» (1888 г.) Энгельс, анализируя возможный ход будущей войны и в связи с этим исторические перспективы общественного развития, пророчески писал, что это будет «всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи». Наступит всеобщее банкротство старых государств. Совершится такой социально-политический крах, что короны будут дюжинами валяться по мостовым. Только один результат абсолютно вне сомнений — возникнут в конеч-

---

[34] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 348.

[35] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 342.

ном счете условия для окончательной победы рабочего класса. Энгельс предвидел, что эта война на первых порах временно отбросит рабочее движение назад. «Пусть война, — предупреждал он господствующие классы, — даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все ж таки неизбежна».[36]

Ленин подчеркивал, что предвидение Энгельса является гениальным пророчеством, в котором дан точный, ясный, краткий научный классовый анализ социально-политических отношений.

В своей задуманной, но не завершенной работе «Роль насилия в истории» Энгельс анализирует значение насилия, рассматривает соотношение экономики, политики и войны. В наброске предисловия к незавершенной работе он замечает: «Если я выпускаю в свет на немецком языке брошюру на тему о „роли насилия в истории“, то немецкий читатель вправе требовать, чтобы я не скрыл своего взгляда на ту весьма значительную роль, какую сыграло насилие за последние тридцать лет в истории его же собственной страны».[37]

Энгельс, как и Маркс, рассматривая роль насилия в истории, указывал, что следует различать характер и содержание насилия. Оно может быть реакционным и революционным в зависимости от конкретных обстоятельств и от действий тех или иных классов в историческом процессе. Основоположники марксизма подчеркивали всегда принципиальное различие между двумя формами насилия. Читая брошюру Г. Мюллера «Классовая борьба в германской социал-демократии», Энгельс критиковал его архиреволюционную позицию. Г. Мюллер «доходит до утверждения, что насилие при любых обстоятельствах революционно и никогда не бывает реакционным; этот осел

---

[36] Ф. Энгельс. Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 361.

[37] Ф. Энгельс. Набросок предисловия к брошюре «Роль насилия в истории». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 480.

не понимает, что когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии. . .».[38]

Проблема соотношения войн и революций (и революционного движения в широком смысле слова) затрагивалась Марксом и Энгельсом постоянно, особенно начиная с 70-х годов. Реакционная война имеет своей целью в конечном счете задержать борьбу прогрессивных сил в обществе, борьбу социалистического пролетариата против капитализма, но она не может серьезно повернуть колесо истории. «Насильственная контрреволюция может, пожалуй, задержать на несколько лет победу социализма, — писал Энгельс, — но лишь для того, чтобы затем эта победа стала еще более полной и прочной».[39]

В 90-х годах, в связи с нарастанием политических и военных противоречий в Европе, а также с успехами немецкой социал-демократической партии в стране, Энгельс в работах «Внешняя политика русского царизма», «Социализм в Германии» анализирует европейские внешнеполитические отношения, вопросы войны и революции. Он выдвигает в них ряд весьма важных проблем, которые следует более подробно рассмотреть.

Анализируя положение Европы в начале 90-х годов, Энгельс указывал: «Германская аннексия превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзниц Германии. Оба лагеря готовятся к решительной борьбе, к войне, какой еще не видел мир, к войне, в которой друг другу будут противостоять от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов».[40]

Энгельс пророчески говорил о надвинувшейся мировой войне. Главной агрессивной и реакционной силой в Европе Энгельс считал русский царизм. Предвидел он и то, что когда падет царская власть, то реакционные страны «решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония всемирной истории!».[41]

---

[38] Ф. Энгельс — А. Бебелю. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 38, стр. 419.

[39] Ф. Энгельс. Социализм в Германии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 254.

[40] Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 48.

[41] Там же, стр. 51.

Энгельс считал возможным возникновение войны в ближайшее время, она «не сегодня-завтра может вспыхнуть».[42] Военные и политические действия сразу приобретут всеевропейский характер. «Что означает в настоящее время война, — замечает Энгельс, — знает каждый. Это означает: Франция и Россия — с одной стороны, Германия, Австрия и, возможно, Италия — с другой. Социалисты всех стран, призванные против воли в армию, должны были бы сражаться друг против друга; что стала бы делать в таком случае Социал-демократическая партия Германии?».[43]

Чтобы дать ответ, Энгельс анализирует внутреннее положение Франции, Германии, России и их внешнеполитические отношения.

Касаясь республики Франции и правительства, стоящего во главе ее, он отмечает, что по сравнению с Германской империей она «представляет собой революцию, — правда, лишь буржуазную революцию, но все же революцию».[44] По внутреннему социально-политическому устройству Франция более прогрессивна, чем Германия.

Рассматривая общественные отношения Германии, Энгельс указывает, что в настоящее время невозможно сбросить со счета то обстоятельство, что «за официальной Германией стоит германская Социал-демократическая партия, партия, которой принадлежит будущее, близкое будущее страны. Как только эта партия придет к власти, она не сможет ни использовать ее, ни удержать в своих руках, не исправив тех несправедливостей по отношению к другим нациям, которые были совершены ее предшественниками. Она должна будет подготовить восстановление Польши, которую в настоящее время так подло предала французская буржуазия; она должна будет предоставить Северному Шлезвигу и Эльзас-Лотарингии возможность по собственному усмотрению определить свое политическое будущее».[45]

Энгельс был убежден в том, что победа социализма в Германии произойдет в ближайшем будущем, если не будет войны.

---

[42] Ф. Энгельс. Социализм в Германии, стр. 255.
[43] Там же.
[44] Там же, стр. 256.
[45] Там же.

Но если война вспыхнет, это будет война Франции вместе с Россией против Германии. Как только Франция ставит себя в подчинение русскому царизму — дело меняется. Энгельс подчеркивал: «Действуя рука об руку с царем, Франция не может принести Германии никакой освободительной идеи; французский генерал, который заговорил бы о германской республике, был бы высмеян всей Европой и Америкой».[46] Царская Россия — оплот реакции в Европе. В случае победы над Германией социализм в ней будет подавлен.

Какую же позицию должны занять немецкие социал-демократы в войне, в которой будут преобладать реакционные цели России? «В интересах европейской революции, — отвечал Энгельс, — они обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать ни перед внешним врагом, ни перед внутренним. А это они смогут выполнить лишь в непримиримой борьбе с Россией и всеми ее союзниками, кто бы они ни были. Если бы Французская республика поставила себя на службу его величеству царю и самодержцу всея Руси, то немецкие социалисты стали бы сражаться против нее с чувством сожаления, но все-таки сражались бы».[47]

Энгельс понимал, что германское правительство при этом не упустило бы случая раздавить социал-демократическую партию. Выдвигая тактику немецких социал-демократов в возможной войне против царской России и Франции, он исходил из интересов мировой социалистической революции. Уничтожение оплота европейской реакции — царской России — безусловно усилило бы шансы социалистической революции. Однако в случае принятия этой тактики возникал ряд вопросов в связи с той внутренней политикой, которую неизбежно будет проводить германское имперское правительство по отношению к социал-демократической партии. Энгельс в общей форме правильно подчеркивал, что это правительство неминуемо попытается разбить социал-демократическую партию.

Ясно и твердо Энгельс убежден был в необходимости для социал-демократии сохранения мира. Он писал: «Подведем итог. Мир обеспечит победу Социал-демократической партии Германии приблизительно лет через

---

[46] Там же.
[47] Там же, стр. 258.

десять. Война же принесет ей либо победу через два-три года, либо полный разгром, от которого она не оправится по крайней мере лет пятнадцать-двадцать. При таких обстоятельствах немецкие социалисты должны были бы прежде лишиться рассудка, чтобы предпочесть войну, в которой все будет поставлено на карту, верной победе, обеспеченной им при сохранении мира. Более того. Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной республики и уж меньше всего — победы царя, которая была бы равносильна порабощению Европы».[48]

Ленин считал эту позицию Энгельса правильной. Он писал: «В 1891 г. немецкие *социал-демократы* действительно *должны были бы* защищать отечество в войне против Буланже + Александра III. Это был бы своеобразный вариант *национальной войны*».[49]

Точка зрения Энгельса отражала интересы мировой социалистической революции, пролетарско-интернационалистический подход к войне, необходимость решительных действий для обеспечения мира. Рабочий класс не заинтересован в каких-либо войнах. Именно заботой о сохранении мира проникнута серия его статей в «Vorwärts»: «Может ли Европа разоружиться?». Энгельс исходит из мысли, что рабочий класс, когда он добьется значительного влияния в области социально-политической жизни, сможет оказать воздействие на возникающую или возникшую войну. Маркс и Энгельс не разделяли мнения, что война должна обязательно быть предпосылкой революции.

Резюмируем. Основоположники научного социализма дали глубокий научный анализ войны как общественного явления; рассмотрели роль насилия в обществе; установили принцип, позволяющий различать типы войн; развернули критику экспансионистской внешней политики абсолютистских и буржуазных государств; разработали основные принципы интернационалистической тактики пролетариата по вопросу войны и мира в различных конкретно-исторических условиях.

---

[48] Там же, стр. 259.

[49] В. И. Ленин — И. Арманд. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 330.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшее творческое развитие теории научного социализма связано с именем В. И. Ленина. Ленин поднял теорию научного социализма на более высокую ступень развития, исходя из исторических изменений в современном обществе в эпоху империализма, на новом этапе классовой борьбы пролетариата против империалистической буржуазии. Он раскрыл закономерности развития буржуазного общества в эпоху империализма, пути и средства его революционного преобразования, обосновал закономерности революций угнетенных и эксплуатируемых масс под руководством рабочего класса, а также раскрыл основные законы строительства социализма и коммунизма. Это была качественно новая ступень в развитии теории научного коммунизма.

Ленин творчески подошел к теории научного социализма, исходя из новых фактов и тенденций общественной жизни. «Теперь необходимо, — писал он, — усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни».[1]

Ленин развил и конкретизировал все важнейшие проблемы теории научного коммунизма. Он по-новому поставил вопросы, связанные с закономерностями *новой исторической эпохи.*

---

[1] В. И. Ленин. Письма о тактике. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

Глубокий анализ империализма и его специфических закономерностей дал Ленину новый подход к вопросу о возникновении и развитии социалистической революции. Неравномерность экономического и политического развития в эпоху империализма обусловливает и неравномерность развития мирового революционного кризиса, неодновременность создания предпосылок революции в различных странах. «Международное революционное движение пролетариата, — писал Ленин, — не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах».[2]

Как известно, Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция может победить только одновременно в большинстве наиболее развитых капиталистических стран. Ленин на основе анализа империалистической стадии капитализма пришел к неопровержимому выводу о возможности победы социализма первоначально в немногих странах или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране в силу неравномерности экономического и политического развития различных стран капитализма. Это было весьма важное, новое положение в теории научного социализма.

Мировая социалистическая революция — историческая эпоха, соединяющая буржуазно-демократические революции, национально-освободительное движение с революцией социалистической. Она является результатом развития противоречий в мировой системе империализма, возникновения в ней слабых звеньев. Ленин глубоко проанализировал содержание и роль национально-колониального движения в эпоху империализма. Национально-освободительное движение — часть мирового революционного процесса, в котором решающая роль принадлежит социалистическому пролетариату. Это положение обогащает теорию научного социализма, раскрывая движущие силы мирового революционного процесса в эпоху империализма.

Исключительное значение при этом имеет дальнейшая разработка Лениным марксистского учения о партии. Вопрос о партии пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций стал одним из коренных вопросов мирового революционного движения. В борьбе против

---

[2] В. И. Ленин. Горючий материал в мировой политике. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 182.

оппортунизма Ленин создал целостное учение о партии нового типа, партии боевой, централизованной, обладающей единством марксистского мировоззрения, революционной тактики и организационных принципов. Рабочий класс выступает в качестве гегемона в мировом революционном движении именно благодаря руководству своего авангарда — марксистской партии.

Разрабатывая теорию социалистической революции, Ленин пришел к выводу, что наряду с насильственной формой революции правомерна также ее мирная форма. Рабочий класс даже предпочел бы мирно взять в свои руки власть. Но форма завоевания им политической власти зависит от конкретных исторических условий, которые с точностью для всех стран нельзя определить заранее. В обстановке, сложившейся в России в период от февраля до июля 1917 г., Ленин дал глубокий анализ исторической возможности мирной формы социалистической революции. Ленинские положения о двух формах завоевания рабочим классом политической власти получили свое творческое развитие в решениях XX съезда партии и в документах Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг.

Большим вкладом в марксистскую теорию революции является разработка Лениным проблемы революционной ситуации, анализ ее объективных и субъективных сторон. Революционная ситуация предшествует революции, но последняя возникает не из всякой революционной ситуации.

В этой связи необходимо привести формулировку основного закона революции, данного Лениным: «Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда „*низы*“ *не хотят* старого и когда „верхи“ *не могут по-старому,* лишь тогда революция может победить».[3]

---

[3] В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 69—70.

Важное значение для теории научного коммунизма и практики революционного движения имеет положение Ленина о том, что в течение значительного времени социалистическая революция, победившая в одной или нескольких странах, будет иметь дело с капиталистическим миром. Исторически неизбежно сосуществование социалистических стран с капиталистическими. Оно представляет собой определенную форму классовой борьбы за упрочение, развитие и победу коммунизма над капитализмом. Сосуществование имеет объективную экономическую основу. «Есть сила, — указывал Ленин, — бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами».[4]

Ленинская идея мирного сосуществования, отражающая объективную закономерность мировой социалистической революции, представляет собой величайший вклад в теорию научного коммунизма. Она получила свое дальнейшее развитие в решениях партии и реальное подтверждение в современной жизни.

Анализируя закономерность возникновения и развития социалистического общества в России, Ленин обогатил теорию научного социализма своим решением вопроса об общих чертах и закономерностях и конкретных особенностях перехода к социализму в различных странах. Революция в России показывает будущее других стран. Переход от социализма к коммунизму также имеет общие законы при наличии исторических и национальных особенностей в той или иной стране. Ленин раскрыл диалектику общего и особенного в общественном развитии при переходе к социализму, подчеркнув главное — общие закономерности: диктатуру пролетариата при руководящей роли марксистской партии, союз рабочего класса с основными массами крестьянства, установление социалистической собственности на основные средства производства и пр.

Вместе с тем Ленин решительно выступил против недооценки исторических и национальных особенностей социалистических революций в различных странах, ука-

---

[4] В. И. Ленин. IX Всероссийский съезд Советов. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

зывая на необходимость учета своеобразия исторической обстановки. «Все нации, — писал он, — придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни».[5] Однако, как отмечал Ленин, «особенности эти могут касаться только не самого главного».[6]

В наше время тезис Ленина о том, что исторические и национальные особенности не могут касаться главного — основных закономерностей перехода от капитализма к социализму, — приобретает важное значение для борьбы с национал-ревизионизмом, который догматически абсолютизирует национальные особенности развития стран и тем самым порывает с пролетарским интернационализмом.

Касаясь вопроса о своеобразии перехода различных стран к социализму, Ленин конкретизировал и развил марксистское положение о возможности перехода отсталых в экономическом отношении стран, которые не прошли этапа капиталистического развития, к этапу социалистических преобразований.

Ленин открыл новую объективную закономерность. Он при этом также опирался на теоретический прогноз Маркса и Энгельса.[7] С помощью социалистических стран экономически отсталые страны могут перейти к социализму, минуя стадию капиталистического развития.

Развивая вопрос о перспективах мировой революции, Ленин поставил вопрос о превращении социализма в одной стране в систему социалистических стран, которые будут оказывать решающее влияние на мировую политику. Он отмечал в 1920 г., что все более актуальной становится «задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интерна-

---

[5] В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

[6] В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 272.

[7] См., например: Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 445—446.

циональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)».[8]

Это исключительно важное положение Ленина было подтверждено всем ходом мирового революционного процесса. Существование социалистической системы государств, оказывающих решающее влияние на всю мировую политику, является в настоящее время реальным фактом.

Особое место среди узловых проблем теории научного коммунизма занимает вопрос о государстве, который приобретает исключительно острый характер в эпоху империализма — кануна социалистической революции. Ленин в своем гениальном труде «Государство и революция», исходя из положений марксизма и обобщая современные ему процессы политической жизни, вскрыл социально-экономические основы империалистического государства, процесс его сращивания с монополистическими трестами и синдикатами, анализировал внутреннюю связь между вопросами государства и социалистической революции. «В действительности этот период, — писал Ленин, — неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)».[9]

Маркс и Энгельс дали лишь весьма общий абрис будущего пролетарского государства. Ленин создал научную теорию пролетарского государства в переходный период, определил Советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата, осветил роль крестьянства как союзника рабочего класса в управлении государством, обосновал руководящую роль партии в системе государства, разработал вопрос о пролетарской демократии и принципы государственного устройства народов в многонациональном Советском государстве.

Заслугой Ленина является также постановка вопроса об условиях и предпосылках отмирания государства в бу-

---

[8] В. И. Ленин. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 165.

[9] В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

дущем. Ленин, опираясь на конкретную практику социалистической революции в России, далеко двинул вперед марксистскую теорию социалистического общества и переходного периода. Он вскрыл основные экономические и социальные закономерности перехода от капитализма к социализму, а также законы развития культурной революции в этот период. Им была подчеркнута историческая необходимость диктатуры пролетариата в развитии каждой страны при переходе от капитализма к социализму. «Вопрос о диктатуре пролетариата, — говорил Ленин, — есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах».[10]

Развивая теорию научного социализма, Ленин раскрыл основную закономерность переходного периода: борьбу рождающегося коммунизма с побежденным, но не уничтоженным капитализмом. Возникающее социалистическое общество ведет непримиримую борьбу за ликвидацию оставшихся капиталистических отношений и перестройку мелкобуржуазных отношений в стране. Переходный период — это период возведения социалистического базиса на основе развития производительных сил в процессе ожесточенной классовой борьбы.

Ленин глубоко проанализировал закономерности возникающей социалистической экономики. Основой социалистического способа производства является крупная промышленность, электрификация. «Единственной материальной основой социализма, — писал Ленин, — может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны».[11]

Ленин подчеркивал и другую роль развития социалистической экономики. Он указывал, что «главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой».[12]

---

[10] В. И. Ленин. К истории вопроса о диктатуре. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 369.

[11] В. И. Ленин. III Конгресс Коммунистического Интернационала. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 9.

[12] В. И. Ленин. X Всероссийская конференция РКП(б). Полн. собр. соч., т. 43, стр. 341.

Важнейшими в ленинском учении о построении социалистического общества являются вопросы о социалистической индустриализации страны, о кооперировании крестьянских хозяйств, о перестройке социальных отношений в связи с окончательным уничтожением эксплуататорских классов. Вместе с тем Ленин заглядывал дальше в будущее. Он раскрыл в общей форме закономерность уничтожения классов, указав, что этот процесс неразрывно связан с ликвидацией противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, с ликвидацией пережитков капитализма в сознании людей.

Ленину принадлежит честь дальнейшего развития марксистского учения о двух фазах коммунистического общества. Опираясь на конкретный опыт Великой Октябрьской социалистической революции, он решил целый ряд теоретических вопросов, связанных с проблемой создания новой общественно-экономической формации. Ленин выдвинул весьма важное положение о том, что переход от социализма к коммунизму будет постепенным. Этот переход подготавливается объективно и субъективно в первой фазе новой общественной формации. Вот почему невозможно миновать первую ступень в развитии коммунизма с присущими ей закономерностями в области прогресса производительных сил, распределения, социальных, политических и идеологических отношений.

Разрабатывая проблему материально-технической базы коммунизма и в связи с этим вопрос о коренных социальных и политических изменениях, Ленин исследовал и вопрос о возрастании значения субъективного фактора при социализме в результате расширения целеустремленной сознательной деятельности народных масс под руководством Коммунистической партии. Творческие начала и инициатива трудящихся являются, по замечанию Ленина, решающей силой «социалистического ускорения».

Крупный шаг вперед в разработке теории научного социализма Ленин сделал в своем учении о культурной революции пролетариата. Он впервые анализировал ее основные закономерности, обосновав положение о том, что политический и социальный переворот является ее предшественником. Его анализ содержания, черт и форм культурной революции пролетариата имеет исключи-

тельно важное значение для мирового революционного процесса.

Мы остановились лишь на некоторых крупных проблемах теории научного социализма, которые были поставлены и развиты В. И. Лениным. Невозможно в кратком заключении даже перечислить все идеи, которыми Ленин обогатил учение Маркса—Энгельса о коммунизме. Он поднял теорию научного коммунизма на новую, более высокую ступень, исходя из новых общественных отношений эпохи империализма и социалистических революций и из исторического опыта строительства новой общественно-экономической формации в нашей стране.

Большим вкладом в теорию научного коммунизма является разработка Лениным стратегии и тактики революционного пролетариата на основе открытых им объективных закономерностей новой исторической эпохи. В работах «Что делать?», «Марксизм и ревизионизм», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и ряде других он дал научно обоснованное решение вопросов стратегии и тактики партии нового типа на различных этапах ее политической деятельности, выяснил их интернациональное содержание.

Новые идеи в области научного коммунизма Ленин развивал в процессе борьбы с оппортунизмом, ревизионизмом и догматизмом. Его опыт борьбы с правым и «левым» оппортунизмом имеет не только историческое значение, будучи уроком для современности, но и важнейшее методологическое значение, раскрывая научные принципы революционной критики противников современного марксизма. Ленину принадлежит историческая заслуга: анализ социальных и теоретических корней ревизионизма, раскрытие его общих и национальных особенностей в условиях империализма, критика как правооппортунистических, так и левооппортунистических концепций.

Критикуя позицию «левых доктринеров» в дни Бреста, Ленин указывал, что они не охватывают новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывают изменения условий, требующих быстрого, крутого изменения тактики. Касаясь революционной фразы «левых доктринеров» в это время, Ленин говорил, что нужно воевать против их революционной фразы, чтобы «не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: „ре-

волюционная фраза о революционной войне погубила революцию"».[13]

Учение марксизма-ленинизма лежит в основе дальнейшей разработки теории научного коммунизма коммунистическими партиями. Эта разработка теории представляет собой обобщение практики классовой борьбы международного рабочего класса и национально-освободительного движения против империализма. Своей важнейшей основой она имеет практику создания новой коммунистической общественно-экономической формации в странах победившего социализма и особенно в нашей стране, совершающей постепенный переход от социализма к коммунизму. Теория научного коммунизма развивается в процессе практического строительства коммунистического общества, теоретического обобщения исторического опыта масс под руководством коммунистических партий.

В основе новых творческих выводов лежит диалектико-материалистический подход к определению содержания и характера современной эпохи. Произошли коренные изменения, которые заключаются в том, что социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Сложились новые объективные отношения в мире, когда мировое развитие стало определяться ходом и результатами соревнования развивающихся по разным законам и в противоположных направлениях двух общественных систем. Развитие социалистической системы стало решающим фактором современной жизни.

---

[13] В. И. Ленин. О революционной фразе. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 353.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Введение 5

Раздел I. Создание и развитие теории научного социализма до Парижской Коммуны

Глава первая. Возникновение теории научного социализма 21
Глава вторая. «Капитал» и его значение в обосновании теории научного коммунизма 61
Глава третья. Социальная структура капиталистического общества и историческая миссия пролетариата . . . 70
Глава четвертая. Учение Маркса и Энгельса о классовой борьбе и революции. Проблема объективных условий и субъективного фактора 79
Глава пятая. Маркс и Энгельс о диктатуре пролетариата 98
Глава шестая. Проблема партии и международной революционной организации пролетариата 107
Глава седьмая. Аграрно-крестьянский вопрос 127
Глава восьмая. Марксизм и национальный вопрос 134

Раздел II. Развитие теории научного социализма после Парижской Коммуны

Глава первая. Обобщение Марксом и Энгельсом исторического опыта Парижской Коммуны по вопросам государства и переходного периода от капитализма к социализму 151
Глава вторая. Дальнейшее развитие проблемы революции и государства в борьбе с сектантством 166
Глава третья. Критика Марксом и Энгельсом «национального социализма» Лассаля и обоснование коренных основ научного социализма в «Критике Готской программы» 188

Глава четвертая. Обоснование и развитие Энгельсом теории научного социализма в работах «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» 213
Глава пятая. Дальнейшее обоснование Марксом и Энгельсом учения о пролетарской партии 236
Глава шестая. Борьба Маркса и Энгельса против оппортунизма и ревизионистских тенденций в немецкой социал-демократии 259
Глава седьмая. Маркс и Энгельс об исторической роли крестьянства в революционном движении и о закономерностях его перехода к социализму 283
Глава восьмая. Марксизм и вопросы войны и мира 299
Заключение 319

Борис Александрович
ЧАГИН

●

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ
К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ
ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА

●

Редактор издательства
К. И. Кочергин

●

Художник
Д. С. Данилов

●

Технический редактор
И. М. Кашеварова

●

Корректоры Л. Я. Комм
и Ф. Я. Петрова

Утверждено к печати
Ленинградской кафедрой философии
Академии наук СССР

Сдано в набор 11/IX 1969 г. Подписано к печати 17/XII 1969 г. РИСО АН СССР № 81—143В. Формат бумаги 84 × 108 1/32. Бум. л. 5 3/16. Печ. л. 10 3/8 = 17.43 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.37. Изд. № 3927. Тип. зак. № 142. М-61039. Тираж 8400. Бумага № 1. Цена 1 р. 29 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

20 к.

Б. А.
ЧАГИН

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ
ТЕОРИИ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА